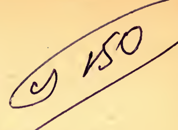
САЛЛИ САЛМИНЕН
КАТРИНА

Зарубежный
XX роман
ВЕКА

САЛЛИ
САЛМИНЕН



КАТРИНА

ПЕРЕВОД
СО ШВЕДСКОГО

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962 Ленинград

SALLY SALMINEN

KATRINA

Редакция перевода
С. Масловой-Лашанской

Вступительная статья
Л. Виролайнен

Оформление художника
Д. Боровского

САЛЛИ САЛМИНЕН

В 1936 году одно из финских книгоиздательств объявило конкурс на лучший роман, написанный на финском или шведском языке. Первый приз в размере пятидесяти тысяч финских марок был присужден роману Салли Салминен «Катрина». В финско-шведских литературных кругах имя Салминен никому не было известно.

О результатах этого конкурса с изумлением узнало и некое богатое американское семейство, поскольку автором премированного романа оказалась их служанка Салли. Однако эти предприимчивые люди недолго находились в замешательстве, и служанка, занятая большей частью на кухне, была в тот же день произведена в знаменитую гостью, которую охотно демонстрировали знакомым.

Салли Салминен родилась в 1906 году на острове Вардё. Этот остров входит в группу принадлежащих Финляндии Аландских островов. Так как до 1809 года Аландскими островами владела Швеция, то основную часть их населения составляют шведы. Шведкой была и мать Салли Салминен, в шведской среде провела Салли свою юность. Отец будущей писательницы, финн, был почтальоном. Одновременно он занимался комиссионерством по продаже недвижимого имущества и был убит, когда девочке исполнилось семь лет. Подобно большинству аландцев, семья Салминен терпела острую нужду.

В годы детства и юности Салли Салминен население Аландских островов жило земледелием и мореходством. Однако мореходство не давало сколько-нибудь значительного дохода, а сельские работы страдали от недостатка рабочей силы — мужчины уходили в море ранней весной и возвращались поздней осенью. Капиталистические отношения затронули жизнь Аландских островов только в той мере, что они разрушили крестьянский быт, не принеся взамен ему иных источников существования. Единственный город Аландских островов — Марнехамн (Марианхамина) был основан незадолго до рождения Салли Салминен, в конце XIX века. В 20-х годах нашего

столетия вся культура этого города, а следовательно, и Аландских островов вообще, исчерпывалась несколькими профессиональными школами, библиотекой и кинематографом. Долгое время на островах практиковал только один врач. Кое-где были основаны начальные школы. Одну из таких школ окончила и Салминен. Позднее, в течение нескольких лет, она обучалась на заочных общеобразовательных курсах, организованных в Швеции. С шестнадцати лет — с 1922 по 1930 год — Салли работала мелкой служащей и продавщицей сначала на родине, в Вардё и в Марнехамне, потом в Швеции и снова на Аландских островах — в Марнехамне. В 1930 году она эмигрировала в Соединенные Штаты Америки, куда на поиски заработков отправлялись многие аландцы. Однако жизнь в Америке оказалась не легче жизни на родине. Других занятий, кроме работы служанки, здесь не нашлось для Салли. В течение шести лет будущая писательница хлопочет на чужих кухнях, бегает за чужими покупками, чистит чужие комнаты в Массачусетсе, Нью-Джерси и Нью-Йорке. А по вечерам, после работы, пишет свой роман.

Интерес к литературе появился у Салминен еще в юности. Первые прочитанные ею романы шведской писательницы Сельмы Лагерлёф пробудили в ней самой желание писать. Сначала она сочиняет стихи, потом переходит к прозе. В 1936 году закончен ее первый роман «Катрина» — лучший из всего, написанного писательницей, роман, определивший поворот в ее биографии. Премия и гонорар, полученные за этот роман, дали ей возможность целиком посвятить себя литературе. Она вернулась в Финляндию и в 1939 году закончила уже следующий свой роман — «Долгая весна».

В 1940 году, став женой датского художника, Салли Салминен переезжает в Данию Здесь один за другим создаются романы, на каждом из которых лежат отблески впечатлений, чувств и событий ее молодости.

Финка по рождению, пишущая на шведском языке и живущая в Дании, Салли Салминен оказалась для каждой из трех стран не совсем «своей», поэтому ее литературное творчество незаслуженно обойдено исследователями. Вся литература о ней ограничивается краткими сведениями в справочниках да небольшими статьями или газетными рецензиями по поводу ее произведений.

Почти все сочинения Салли Салминен повествуют о жизни Аландских островов. Она рассказывает о них так подробно, что ее книги превращаются в некую энциклопедию аландской жизни. Они заполняют, таким образом, пробел в финской литературе, как бы забывшей об аландцах Естественно поэтому, что творчество Салли Салминен причисляется к финской литературе на шведском языке.

В течение шестисот лет Финляндия находилась под властью Швеции. В силу этого литература Финляндии развивалась одновременно на двух языках: финском и шведском. В первой половине XIX века это была преимущественно литература на шведском языке, во второй половине столетия преобладание перешло к финскому. В связи с тем, что для одной десятой населения Финляндии родным языком и поныне является шведский, литература на шведском языке продолжает развиваться, хотя ее доля и невелика по сравнению с литературой на финском языке.

Салли Салминен — писательница с незаурядным литературным дарованием. Ей удается изображать жизнь широко и полно, передавать ее изменяемость, ее движение. В лучших ее романах нет неподвижных характеров. Ее герои, как камешки в потоке, обтачиваются и шлифуются жизненными обстоятельствами, столкновениями с другими людьми, победами и поражениями. Она умеет изображать становление человека, возмужание одного и гибель другого, умеет передавать биение самой жизни.

Лучшие писатели северных стран — Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии — умеют говорить о жизни природы, о жизни человека безошибочно верными словами, создавая вместе с тем впечатление неисчерпаности этих явлений, возможности говорить о них еще и еще. Сельма Лагерлёф, Юхани Ахо, Кнут Гамсун, Герман Банг передают с достаточной явственностью какие-то одни стороны душевной жизни своих героев, но делают это так, что все остальное, едва затронутое ими, угадывается нами, звучит для нас, как бы манит в свою глубину. Эти писатели придавали своим героям, всей жизни, изображаемой ими, лирическую красоту и значимость. Салли Салминен по особенностям своего письма близка отчасти этим писателям европейского Севера.

Романы Салминен отличаются еще другим характерным качеством — им присуща эпичность. Эта особенность ее романов — не только в широте картины, в них создаваемой, но и в манере повествования. Салминен рассказывает подробно и неторопливо. Как это нередко бывает в эпосе, в ее романах важное и существенное стоит рядом со второстепенным и третьестепенным. Сюжет часто развертывается не спеша и не имеет ведущего значения.

Далеко не все, созданное писательницей, равноценно. Все лучшие силы ее таланта были израсходованы в первом романе. За «Катриной» следует целый ряд книг, в большей или меньшей мере автобиографических, которые сложились как бы на отзвуках первого романа, и лишь в 1953 году появляется ее новое значительное произведение — роман «Принц Эффлам».

«Катрина» — роман о бедной крестьянке, жене моряка и матери трех сыновей-моряков. Он начинается с истории о том, как обманули Катрину. Она молода, сильна, весела, хороша собой, она дочь живущего в достатке крестьянина с севера Финляндии. Каждый из ее молодых односельчан рад был бы назвать Катрину своей женой, но она избирает веселого аландского моряка, рассказывающего чудесные истории о родных ему островах и о своем зажиточном хозяйстве. Будущее с Юханом представляется юной Катрине необычайно увлекательным и счастливым, неведомым и прекрасным. Иллюзии рушатся в одну минуту, когда Юхан подводит Катрину к своей полуразвалившейся избушке. Погибают не только мечты о материальном счастье, — Катрина видит еще, кто такой этот человек, которому она доверилась. Теперь ясно, что перед ней мелкий враль, никчемный человек. Больше того — начиная с этого дня, она на всю жизнь превращена в рабу, которая принуждена с утра до ночи гнуть спину на чужих полях, получая за это скудную пищу, едва достаточную для того, чтобы поддержать свои силы. Но, обманутая, Катрина не позволяет себе ни одной жалобы, ни одного упрека. Гордо и молчаливо вступает она в свою новую, безрадостную жизнь, считая малодушием попытку отступить или уклониться от сделанного ею выбора. Она проявляет столько мужества и душевного богатства, что трагическая история ее жизни освещается какой-то особой красотой.

Катрина ведет жестокую, подчас героическую борьбу за кусок хлеба. И так изо дня в день. Вся жизнь ее приобретает суровый, мужественный облик. В этой жизни все ограничено борьбой за существование.

Финская литература едва ли знает другую героиню, одаренную такой внутренней силой и такой мудростью, как Катрина. Катрина безукоризненно умна, она умеет понять жизнь в самых глубоких ее основах; отсюда доброта ее ко всем «униженным и оскорбленным», непримиримость ко всему социально-враждебному. Проходит несколько лет, и она уже умеет не только простить своему мужу обман, никчемность и беспомощность, но и понять их причины, оправдать его, почувствовать к нему уважение и любовь. «Ты правдивее многих, кто ни разу не соврал», — говорит она ему. Ее сердце полно жалости и сочувствия к этому несчастному человеку, который даже рождением своим обязан безответственной прихоти богатого работодателя. Физически слабый, выросший в холоде и голоде, в детстве оставшийся сиротой, едва ли не с колыбели приученный к труду на чужих людей, Юхан знает только одно средство, создающее ему иллюзию равенства с другими, — похвальбу. Его любовь к Катрине так беззаветна отчасти и потому, что она — единственный человек, пожелавший увидеть в нем нечто хорошее и честное. Катрина отлично

сознает, по чьей вине она, Юхан, ее соседка Бэда и другие обречены на беспросветную нищету. Она не способна бороться с неравенством, но покорствовать ему не согласна. «Ты — раба, — с горечью говорит она Бэде, — и, еще того хуже, ты, видать, довольна этим... Тебе кажется, что все так и должно быть. Нурдквисту положено всю переднюю скамью в церкви занимать, а ты сиди у самой двери, коли местечко найдется. Ты думаешь, пускай себе Нурдквист что ни день белым хлебом объедается, только бы у тебя ржаной муки хватило, чтобы дети твои с голоду не пухли. Да пойми ты, права у тебя такие же, как у Нурдквиста. И сидеть ты можешь на передней скамье не хуже его. И коли он семь раз на неделе белую булку ест, то и у тебя все права на это. Мало ль ты пота на этих полях да лугах пролила? Так неужто же ты сладкого куска на старости лет не заслужила?»

Личное и социальное умело и тонко переплетаются в романе — именно в этом состоит богатство его содержания. Глава за главой читатель все глубже и глубже погружается в атмосферу жизни северных островов, в почти не описанную, но постоянно ощущающуюся сумрачную красоту их природы, в тяжелый — нищенский для одних и полный грубых соблазнов стяжательства для других — быт их обитателей. Герои романа выглядят такими живыми потому, что корни их характеров уходят в социальный быт, в условия жизни, сформировавшие их.

Особый колорит роману придает море, омывающее острова. По морю приходят и в море уходят суда. Море разрушает замкнутость жизни островитян. За морем — большой, неведомый для таких героев, как Катрина, мир, враждебный и опасный, морально и физически губящий их мужей и сыновей, обрекающий их на нищету. Поселок, в котором живет Катрина, расположен на склоне горы, спускающейся к морю. На скалистой ее вершине живут Катрина и другие бедняки. Чем ближе к морю, тем недоступнее и враждебнее становится мир. На самом берегу, у пристани, расположились лавки, принадлежащие капитанам-судовладельцам. Бедняки входят в эти лавки с опаской. Заскорузлыми пальцами пересчитывают они свои гроши, долго обдумывая, что обойдется им дешевле, робко притрагиваются к мискам, чашкам и скатертям, — это для них предметы роскоши.

Рядом с лавками в нижнем поселке живут капитаны. У них крепкие большие дома, фруктовые сады и обширные поля. На этих полях трудятся бедняки из верхнего поселка, трудятся от зари до зари, не получая за это ни малейшего денежного вознаграждения, оплачиваемые в лучшем случае снятым молоком или гнилым мясом.

Капитаны-судовладельцы с их судами — это тот порядок вещей, который господствует в мире, расположенном где-то за морем, и который как бы транспортируется на живущие крестьянствова-

нием острова. Катрина никогда не выезжала в этот мир богатств и капиталов, она никогда не была к нему причастна, но именно он — виновник всех ее бед и горестей, он сделал ее жизнь трагической в конце концов. Характер Юхана определился условиями жизни, на которые он был обречен, помимо собственной воли, с раннего детства. Маленькая дочь Катрины Сандра умирает оттого, что нищета и голод подточили ее здоровье и у нее не хватило сил побороть болезнь. Сын Катрины Эрик, совсем еще юный, гибнет где-то в море вместе с судном, на которое он нанялся. Другой сын, Густав, любит девушку, казалось бы, созданную для него. Но у нее не хватает мужества обречь себя и своих будущих детей на ту нищенскую жизнь, которая ей так хорошо известна.

История Густава — трагическая история загубленной жизни хорошего человека, наделенного от природы веселым, добрым нравом, человека, который в других условиях мог бы прожить полную, содержательную жизнь.

Иным образом складывается судьба старшего сына Катрины — Эйнара. На нем тенью лежит происхождение его отца. Отец — незаконный сын капитана Эквалля. Вдова капитана прониклась к старости благочестивыми чувствами и сочла нужным приласкать Эйнара — так как он ведь сын Юхана. Она стремится замолить таким образом грехи покойного мужа. Эта богатая и властная старуха дарит Эйнару капитанскую копилку. Копилка — символ буржуазного отношения к миру, она порабощает Эйнара. Еще в самом детстве он заметил неравенство жителей верхнего и нижнего поселков, и копилка превращается для него в средство выбраться из рабства. Он хочет стать капитаном и с первого же рейса в море начинает откладывать деньги на учебу. С этого времени вся его жизнь посвящена накоплению. Копилка отнимает у него лучшие годы, она лишает его юности и радости, заставляет подавлять в себе всякие проявления чувства. Он как старик среди своих сверстников, он сторонится и избегает их.

Деньги нужны Эйнару не ради денег — они нужны ему ради равенства, но, добившись успеха, он вдруг начинает понимать, что вся его жизнь была ошибкой. «А я-то вообразил, что можно выйти в люди, работал, чтобы выбиться из нужды!.. — говорит он. — Нет, если уж сидишь в яме, так ни за что тебе из нее не выбраться. Несчастный тот, кто иначе думает». Богатые судовладельцы, товарами которых торгует теперь уже капитан Эйнар, видят в нем все того же наемного слугу, с той лишь разницей, что этому слуге даются более сложные поручения, чем тем, кто гнет спину на их полях. Как акулы, устремляются они к Эйнару за добычей после удачного фрахта. Эйнар их презирает, но у него уже нет, как кажется писательнице, дороги к отступлению. Теперь ему остается лишь продолжать избран-

ный путь. А этот путь — путь дальнейших отказов и отречений. Сначала он отрекся от своей юности, от любви к своей семье, к тем, в ком он мог найти самую бескорыстную привязанность и дружбу; потом ему пришлось отречься даже от тени самого себя — от собственного имени. Капитан Юханссон становится теперь капитаном Нурдманом и, по существу, сходит со страниц романа. Происходит полное смещение личности. Прежнее *я* вытеснено окончательно, на его месте — другой человек, без прошлого, без привязанностей, без внутреннего мира — деревянная марионетка. Ему удалось перебраться на другую сторону социального мира, но в сравнении с жизнью Катрины все здесь выглядит духовно мертвым и бесплодным. Когда совсем уже старая Катрина, похоронившая мужа, потерявшая троих детей, приезжает к поселившемуся в Мариехамне Эйнару, чтобы повидать перед смертью своих внуков, в ней просыпается такая острая тоска по своей маленькой, ветхой лачужке, что, даже не простившись с родственниками, она спешит в тот же день вернуться домой.

Никогда позднее не удавалось писательнице создать такой сильный и значительный характер, какой являет собой ее Катрина. Женщина, на долю которой выпали только скупые крупицы счастья, но которой с лихвой были отмерены горести и лишения, у которой никогда не было ни малейшей опоры, где она могла бы найти хоть минутный отдых, и которая почти всю жизнь была опорой не только мужу и сыновьям, но и чужим людям, — такова Катрина. Нежная и суровая, великодушная и требовательная, прячущая за улыбкой мучительную боль собственного сердца, чтобы не спугнуть счастье своих сыновей, по-матерински терпеливая со своим беспомощным мужем, Катрина проходит по страницам романа молчаливая, по-крестьянски сдержанная, мудрая и мужественная во всем, что бы она ни делала.

Перед нами проплывает вся жизнь Катрины, и писательнице удается передать это течение жизни с удивительной достоверностью. Незаметно идут годы, подтачивая силы Катрины. Вот она уже все чаще и чаще присаживается отдохнуть во время работы, вот тускнеет взгляд, притупляются чувства и мысли, пока, наконец, не наступает полная тьма.

Буржуазный строй искалечил жизнь Катрины, и это тем более преступно, что строй этот внутренне мертв и не имеет никаких прав требовать от людей жертв в свою пользу.

События, описанные в романе, относятся к концу XIX — первой трети XX века. В истории Финляндии это время чрезвычайно значительное. В период русской революции 1905 года финский рабочий класс создал свою красную гвардию и активно поддержал русский пролетариат, приняв участие в Свеаборгском восстании. Сразу

после Великой Октябрьской революции, в декабре 1917 года, по инициативе В. И. Ленина Совнарком РСФСР принял декрет, согласно которому Финляндии предоставлялась полная государственная самостоятельность. В январе 1918 года в Финляндии вспыхнула пролетарская революция, которую финской буржуазии удалось подавить, лишь призвав на помощь германские войска. Все эти события едва отразились в романе. Писательница говорит о них вскользь, не связывая их с жизнью и убеждениями своих героев. И причина здесь не только в том, что Аландские острова оказались в стороне от главной арены исторических событий, — тут имеет значение и субъективная сторона дела. При всем своем искреннем демократизме Салли Салминен далека от революционного миропонимания. Это, конечно, уменьшает значимость ее превосходного, истинно реалистического романа и вносит в него некоторую противоречивость. Катрина так свободолюбива и независима, в ней столько социальной смелости и дерзости, столько способности понять и оценить происходящее, что революционное движение непременно должно было найти в ней свою горячую сторонницу.

«Катрина» создавалась в самую тяжелую пору жизни писательницы — в ту пору, когда судьба человека из народа была известна ей по собственному повседневному опыту. Именно поэтому жизнь крестьянства в ее первом романе изображена наиболее достоверно. В дальнейшем своем творчестве, пытаясь найти благоприятные условия для человеческой личности, наделенной способностью мыслить и чувствовать, Салли Салминен начинает вносить поправку в картину народной жизни, которая становится для нее все более идилличной по мере собственного ее удаления от этой жизни.

Уже во втором романе писательницы, в «Долгой весне», ближе всего стоящем к «Катрине» и по материалу, и по манере письма, и по характеру восприятия явлений жизни, возникает попытка заменить трагедию идиллией.

Героиня этого романа — Марианна, девушка из бедной аландской семьи, случайно получившая кое-какое образование. Природные данные, книги, ею прочитанные, и обстоятельства, освободившие ее в юности от тяжелого крестьянского труда (она работает продавщицей в маленькой лавочке), развивают в ней потребность духовной жизни. Рядом с другими крестьянскими девушками — примитивными, грубоватыми и туповатыми, она выглядит существом иной породы, почти аристократкой. Но к Марианне приходит любовь, и она становится женой крестьянина. Теперь она поставлена в равные условия с другими крестьянками, и непосильный, изнурительный труд очень быстро превращает ее в такое же духовно угнетенное существо, как ее бывшие подруги. Крестьянский труд сопряжен с таким физическим

изнурением, что он не оставляет человеку сил ни на мысли, ни на желания, ни на чувства. Когда трагедия Марианны доходит до последнего предела, когда у нее начинаются признаки психической болезни и семья ее едва не разрушается, тогда писательница спасает положение почти сказочной концовкой. В дом нанимается служанка, и Марианна снова превращается в прежнее умное, мечтательное и доброе существо, каким она была раньше, а крестьянская жизнь оказывается полной поэзии и счастья. Того, что проблема, в сущности, не решена, что так же остро она возникает теперь перед женщинами, нанятыми помогать Марианне, этого писательница как бы не замечает.

«Долгая весна» вместе с «Катриной», романами «Ларс Лаурила» (1943) и «Страна детства» (1948) создают широкую и подробную картину жизни Аландских островов. Население делится здесь как бы на три социальные категории: крестьяне, капитаны и мелкие служащие. Капитаны — это буржуазная, торговая прослойка, люди, обладающие всяческими, и прежде всего материальными, привилегиями и возможностями. Мир для них гораздо шире того, что можно увидеть с Аландских островов: он простирается до Англии и Швеции, до Южной Америки и Италии. Аландские острова для них лишь копи, в которых они добывают дешевую рабочую силу. Жизнь крестьянина совсем иная. Чтобы прокормить себя и свою семью, он обязан не только с утра до ночи трудиться на капитанских полях, но и обеспечить себя продуктами своего натурального хозяйства. Крестьянский труд не оставляет ему ни малейшего досуга, он сжимает мир вокруг крестьянина до пределов его собственной деревни, иногда даже собственного хутора. Поездка в Мариехамн, на которую нужно потратить день, — почти недоступная роскошь для крестьянина. Отсюда и характерное для аландцев, страстных патриотов своих родных островов, стремление вырваться за их пределы, уйти куда-нибудь подальше, найти для себя место в дальних странах. Едва только в семье подрастают дети, будь то сыновья или дочери, как они начинают рваться прочь из дому. Самая лучшая возможность для юноши — завербоваться на судно, для девушки — отправиться в Швецию или в Финляндию и наняться там в служанки. Юноши возвращаются из плавания изнуренными, замученными командой и окриками, девушки — обесчещенными, с детьми на руках, но даже этот печальный опыт не может заставить их надолго остаться дома. Несвободу на чужбине они предпочитают несвободе родных и докучных мест.

Печальнее всего складывается судьба тех, кто отправляется в Соединенные Штаты Америки. Здесь нет места эмигранту. Если ты не уроженец Штатов, можешь рассчитывать лишь на самый тяже-

лый труд, на самую низкую оплату. В любую минуту хозяин может выкинуть тебя на улицу, не заботясь о том, есть ли у тебя кров над головой и кусок хлеба на обед. Если даже тебе повезло и ты завел свой собственный маленький бизнес, тебе все равно никогда не простят того, что ты не коренной американец. В буржуазной Америке человек чувствует себя еще более одиноким, бессильным, чем где бы то ни было.

Есть у крестьянских детей еще один путь — путь учебы. Эйнар из романа «Катрина» избрал этот путь, добиваясь социального равенства с сильными мира; Ларс из романа «Ларс Лаурила» избрал его для иных целей — он хочет заниматься умственным трудом, духовным творчеством. Благодаря необычайному упорству и несомненным способностям ему удается выбиться в мелкие служащие одной из торговых контор Мариехамна. С точки зрения односельчан, Ларс вышел в господа, но иначе представляется положение Ларса ему самому. Привилегированный мир, в который он попал, — это мир корыстных интересов, низменных и мелких желаний. Не лучше выглядит и быт верхов общества в Мариехамне. Профессорский дом, в котором Ларсу также довелось послужить, — богатый дом со множеством комнат и целым штатом прислуги. Сам профессор — немощный старец, полный добрых намерений, но неспособный ни к какому созиданию, его жена — капризная, развращенная и взбалмошная женщина. Такова та высшая культура, до которой лишь в исключительных случаях может подняться человек из народа. В этом мире Ларс не находит своего места. Он не способен укорениться здесь, установить человеческие связи, найти отклик в чужих душах. Он ведет безрадостную, одинокую жизнь, и сельский мир, в котором люди ощущают живое участие друг к другу, приобретает теперь иное освещение.

У Салли Салминен начинает намечаться в этом романе попытка произвести переоценку ценностей. Крестьянский быт лишен здесь тех крайне тяжелых форм, о каких писательница рассказывала в «Катрине» и в «Долгой весне». Это тем более знаменательно, что время, к которому относятся события этих романов, примерно одно и то же. В «Ларсе Лаурила» уже нет труда на чужих полях, нет безысходной нищеты и голода, характеры героев приобретают эпическую уравновешенность, и некий поэтический ореол окружает их труды. Если что еще и не примиряет героя с домашним очагом, то это застойность, тишина и однообразие сельской жизни. Характерно, что в автобиографическом романе «Страна детства» тучи еще больше расходятся, уступая место преимущественно светлым и поэтическим воспоминаниям о тех годах, которые раньше породили самые горькие страницы «Катрины» и «Долгой весны».

Итак, где в мире место человека, наделенного сердцем, душой и умом? Этот вопрос Салли Салминен продолжает выясиять и в следующих своих, малоудавшихся в художественном отношении произведениях — «Новый Свет» (1945) и «Маленький мир» (1947), составляющих вместе с романом «Ларс Лаурила» автобиографическую трилогию. Ларс продолжает свое странствование. Он едет в Швецию и в Америку, ища места, которое дало бы ему возможность проявить свои способности, удовлетворить свои внутренние потребности и стремления. Ларс Лаурила — довольно прозрачный псевдоним самой Салли Салминен. Она познала в Америке все трудности, ожидающие там человека, прибывшего без капиталов в руках и без деловых связей. Она познала все страдания пришельца, который никому не нужен и только на чужбине понимает, что найти самого себя, свое жизненное призвание он может лишь в родном краю. Знаменательно, что Салли Салминен стала в Америке писателем, но не американским, а финским, и напечатала свой первый роман в Финляндии, хотя и находилась тогда еще в Америке.

Тема большого и маленького мира возникает и в романе «Принц Эффлам» (1953). Этот роман, наиболее талантливый из всего, что написала Салминен после «Катрины», вместе с тем слишком отчетливо отразил в себе самые разнообразные литературные влияния. Он как бы отслаивается на отдельные, не связанные друг с другом пласты.

В «Принце Эффламе» Салминен впервые отходит от финской и, в частности, аландской темы. События романа происходят в бретонской деревне вскоре после второй мировой войны. Писательница не случайно избрала местом действия своего романа эту часть Франции. Небогатая природа Бретани с ее скалистыми берегами, изрезанными заливами, напоминает Салли Салминен родные ей Аландские острова. Много общего и в характерах, в быте бретонцев, с трудом добывающих пропитание себе и своим семьям, с тем скудным и тяжелым бытом, о котором рассказывается в «Катрине». Здесь, как и в «Катрине», Салли Салминен обнаруживает истинное мастерство, когда повествует о повседневной жизни простых людей. Тяжелая, суровая жизнь, изобилующая нуждой и горем, скупая на радости, полна вместе с тем красоты и поэзии.

Солнце обожгло, морской ветер обветрил лица этих рыбаков, их руки натружены, они одеты в домотканые костюмы, но за этой грубой внешностью они сохраняют живые сердца, почти по-детски добрые души. Для Салли Салминен нормы человеческой красоты — не классические, они определяются не правильностью пропорций, не чистотой линий, а теми отражениями, отпечатками, которые оставила на лицах, на людях жизнь. Характерно при этом, что, по глубокому

убеждению писательницы, красоту создает только та жизнь, которая напоена трудом. Герои Салли Салминен, на которых лежит отблеск красоты, всегда труженики.

Вместе с тем сюжет «Принца Эффлама» лишен реалистической ясности, свойственной всем остальным ее произведениям.

Во время прилива море выбрасывает на скалы изможденное, почти безжизненное тело неизвестного юноши. Местные жители даруют ему кров, пищу и свою любовь. Но юноша ничего о себе не помнит — кто он, откуда, как его имя. Стройный, красивый, с орлиным профилем и тонкими пальцами рук, он отличается от неказистых на вид бретонцев. Они нарекают его «принц Эффлам», по имени героя старинной легенды.

Мотив полной потери памяти неоднократно встречается в современной литературе Запада. Потеря памяти как бы ограждает человека от разочарований в своем прошлом, от осуждения своих поступков, действий, наконец — тех событий, свидетелем и участником которых он вольно или невольно был. Салли Салминен использует этот мотив чисто сюжетно, он почти лишен у нее эпохального содержания. Принц Эффлам, как выясняется впоследствии, уроженец южной Франции, сподвижник немецких фашистов, предатель, изверг и провокатор, пытающийся спастись бегством от заслуженного возмездия. Но до тех пор, пока он не помнит собственного прошлого, его поступки, отношение к людям и отношение к нему окружающих — это некий вариант поведения князя Мышкина, героя Достоевского. Так же, как Мышкин, принц Эффлам, лишенный жизненного опыта и существующий как бы независимо от жизненной практики, обнаруживает поразительное знание и понимание человеческих чувств и отношений. Ничего не ведающий о себе, о жизни до того дня, когда девушка-калека нашла его на прибрежных скалах, он оказывается мудрецом среди людей, его окружающих, он как будто бы знает, видит и понимает больше всех. К нему обращаются за помощью, от него ожидают спасения, чуда. При моральной силе в нем есть что-то физически беспомощное, хрупкое, детское. Он любит детей, и они отвечают ему горячей привязанностью и преданностью. Однако постепенно в герое пробуждается идея его исключительности, он начинает мнить себя неким сверхчеловеком и, наконец, Христом, посланным вторично на землю во имя некоего великого подвига. Салли Салминен далека от религиозных симпатий. Об этом свидетельствует, в частности, и ее роман «Воздвигнутый на песке» (1941), где религиозный фанатизм рассматривается как циничное корыстолюбие или духовная скудость. Не случайно в «Принце Эффламе» именно фашист вообразил себя Христом. Всякая идея избран-

ничества для Салминен — преступная идея. Недаром ее любимые герои — люди в бедной одежде, с мозолистыми руками.

Когда завеса, опустившаяся над прошлым героя, разрывается перед ним, все в нем меняется. Тайна раскрыта для него одного, окружающие ничего не знают, но они с удивлением и болью чувствуют какую-то недобрую перемену в этом человеке, которого считали лучшим своим другом. Жажда исключительности, власти, презрение к людям и вместе с тем страх перед ними прорываются теперь в каждом его слове и поступке. Его вновь охватывает жажда преступлений, и, совершив последнее, может быть самое страшное из своих злодеяний, он, точно зверь, уползает от людей в прибрежные скалы, где суд и расправу над ним свершает море. После бури люди находят на скалах лишь лоскутья его одежды.

Злодеяния фашизма нельзя искупить никаким добром, как бы говорит автор. Если у человека такое прошлое, как у мнимого принца Эффлама, он не способен освободиться от этого прошлого, оно перехлестывает через все его добрые поступки, заставляя снова и снова увеличивать пропасть, отделявшую его от человечества. Писательница, конечно, права в своей оценке фашизма, но она глубоко ошибается, думая, что он будет изжит сам собой. Добрые бретонцы так никогда и не узнают, кем же был их любимый принц, они не узнают и того, кто так зверски убил радовавшую всех своим веселым нравом розовощекую девочку Элиану, безгранично преданную принцу. Эффлам наказывает сам себя, он сам уходит от людей, разъяренная морская стихия для него не так страшна, как люди, никогда не причинившие ему зла. Такая развязка чрезмерно оптимистична. Зло побеждено здесь без всяких усилий, нет той длительной борьбы, которая обыкновенно только и дает настоящую победу над ним.

Социальный фон романа лишь слегка намечен, но он постоянно чувствуется где-то на периферии. Полурыбачья-полукрестьянская деревня, в которой происходят события, населена беднотой. Каждый здесь с трудом сводит концы с концами. А по соседству — консервная фабрика, где работают женщины из самых бедных семей, получая ничтожные гроши за тяжелую, изнурительную, грязную работу. Неподалеку от фабрики расположился с лавочкой толстобрюхий и похотливый торговец, наглый и грубый в своих любовных притязаниях. Фабрика, несколько лавочек да плохонькая гостиница — вот опорные точки для того буржуазного быта, который проникает в эти непривычные для него местности. Буржуазный мир с его городами представляется писательнице темной, бездушной силой, распространяющей свою заразу даже на те немногие уголки Европы, которые еще сохранили какое-то подобие патриархальности. Источником всех несчастий, случающихся в романе, является буржуазный город.

Юиую Каролииу соблазнил и покинул какой-то моряк, ее кузина, прожившая много лет в городе, возвращается после смерти мужа в родную деревню. Рядом со своими деревенскими сестрами оиа выглядит жалкой, бледной, издерганной. Ее сын — идиот. Марселец Эффлам, как узнает читатель, чудовище из чудовищ. Поселяющиеся в гостинице богатые туристы выглядят просто монстрами. Даже два художинка, приехавшне сюда рисовать и упорио сидящие над своими полотиами, вызывают иепрнязненное к себе отношение не только у героев романа, ио и у читателя. Буржуазный мир с его городами, в которых происходит жестокая борьба за существоваиие, превращает людей в эгоистов, лишает их способности испытывать любовь и сочувствие к окружающим.

Деревия у Салли Салмниен лишена этой эгоистической психологии. Сельские герои ее романов — это люди, связанные друг с другом взаимной любовью, сочувствием, интересом. Характерио, что большинство героев романа «Принц Эффлам» — люди из одной семьи, одной фамилии, далеко раскинувшей свои ветви. Буржуазный мир троиул и это семейство — одни его члены ходят иа рыбиый промысел, чтобы продать потом улов рыботорговцу, другие работают на консервном заводе, третьи заняты перевозкой чужих товаров. Но все эти люди не утратили еще связи с землей, с природой. И чем ближе к корию этого семейства — старику Гильому, тем в моральном отношении здоровее и духовно богаче выглядят его члены.

Разумеется, такое понимание социальных противоречий современного мира выглядит наивно. Буржуазиая деревия, как известио, весьма далека от идиллии. Еще в XIX веке о деревне писал Ф. Энгельс: «Развитие капиталистической формы производства перерезало жизненный нерв у мелкого производства в сельском хозяйстве; это мелкое производство гибиет и приходит в упадок неудержимо»[1]. О трагическом упадке деревни писала сама Салминен в ранних романах — в «Катрине» и «Долгой весне». Но в тщетных поисках идеала она незаметно для себя отошла от той правды, которая была для нее очевидна в более ранние годы. Однако при всей элементарности в трактовке социальных коллизий общие противоречия современного мира верно переданы писательницей. Она хорошо видит всю силу зла, но это не отнимает у нее оптимизма. Духовное превосходство находится на стороне таких ее героев, как Катрина, как Марианна, как Гильом или Мари-Жанна из «Принца Эффлама», и это превосходство настолько велико, что невозможно себе представить их поражение. Потому и в «Принце Эффламе» после мрака ужасного зло-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в 2-х томах, т. 2, М., Госполитиздат, 1955, стр. 402.

деяння, совершенного над маленькой девочкой, мир снова омыт дождем и озарен солнцем.

Рассматрнвая творчество Салли Салмннен в той последовтельностн, в какой она создавала свон пронзведення, прнходится убеднться в том, что ее демократнческне убеждення прнобреталн с годамн менее отчетлнвый характер. В каждом нз своих романов она пыталась найти условня, прн которых для человека открывалось бы свободное поле деятельности, найти мир, который благоприятствовал бы человеку, прннял бы от человека все содержанне его личностн н, в свою очередь, предоставил ему свои духовные богатства. Такимн понсками занята вся современная прогресснвная зарубежная лнтература. Салли Салмннен совершает здесь ту же ошибку, которая характерна для многнх современных буржуазных пнсателей, — ее понскн не выходят за грани самого буржуазного мнра. Характерно, например, что в «Ларсе Лаурнла», событня которого относятся примерно к 1910—1925 годам, то есть захватывают время революцнн в Фннляндни, нменно вопросы революцни почти не затронуты, тогда как коллнзнн национального характера — шведско-фннский антагоннзм — занимают в романе большое место. То же стремленне уйти от проблем полнтнческой борьбы характерно н для «Катрнны» и для другнх романов Салмннен. Она нщет спасення внутри самого буржуазного общества. Но поскольку настроения разочарованностн, опустошенностн, столь характерные для современной зарубежной лнтературы, чужды ее демократнческой натуре, она старается увернть себя н читателей в существованин некоей руссонстской ндиллни. Впрочем, ее вера в этот сельский рай весьма неглубока, она сама ощущает шаткость своих позицнй, н потому после «Катрины» перо ее становится все менее н менее уверенным.

Салли Салминен — автор, порой вынуждающнй нас спорнть с ней, но мы не можем не прнзнавать за этой пнсательннцей большой художественной снлы, реалнстнческого понимання действнтельностн, умения воспроизводить ее в широких масштабах. Этн свойства таланта Салли Салмннен более всего сказалнсь в ее романе «Катрина», который, надо думать, достойным образом будет оценен нашимн читателямн, начиная с самых взыскательных в нх среде.

Л. Виролайнен

2*

КАТРИНА

В ЭСТЕРБОТТЕНЕ

Катрина была старшей из трех дочерей в крестьянской семье на севере Эстерботтена. Она была самой красивой, самой веселой и самой гордой среди трех сестер. Крепким и неутомимым было ее рослое молодое тело, и она будто играючи выполняла любую работу, приходилось ли ей рубить дрова в лесу, пахать и боронить поле или прясть и ткать у себя дома. Любо-дорого было глядеть на Катрину, когда она под вечер, сидя на возу дров, возвращалась из лесу по заснеженной равнине, над которой медленно опускалось солнце. Спокойно выпрямившись, сидела она на возу, уверенно держа вожжи обеими руками в ярко-синих вязаных шерстяных варежках. Ее ноги, обутые в добротные сапоги, бойко постукивали в такт веселой песенке. Куртка и юбка из плотной домотканой шерсти надежно защищали ее от пронизывающего холода, а круглые щеки Катрины под головным платком были горячие и красные, словно ягоды рябины. Голубые глаза сияли радостью жизни. Среди деревенских женихов не было ни одного, кто не попытал бы счастья и не посватался бы к Катрине. Какой работницей в семье, какой матерью и женой стала бы она! Но Катрина была молода и весела, и любовь еще не заполонила ее сердца.

Однажды весенним вечером она повстречалась с молодым моряком, который явился к ним с побережья в компании нескольких товарищей. Пришлые моряки обычно развлекались по вечерам вместе с деревенской молодежью. И судьба Катрины была решена.

Ясной весенней ночью Катрина и молодой моряк медленно шли по дороге через равнину.

Прозрачная колдовская дымка окутывала луга, и коростели скрипели в траве у дороги. Молодой парень — его звали Юхан — шел рядом с Катриной валкой моряцкой походочкой. Его синие глаза лукаво поблескивали из-под спутанного светлого чуба, и он без умолку непринужденно болтал на своем чарующе-необычном диалекте.

— Так ты, стало быть, никогда нигде не бывала? А надо бы тебе белый свет повидать. Вот бы тебе к нам на Аланды приехать! Там не то что у вас: куда ни глянь — всё поля да поля. И не прискучило тебе тут?

— Не-ет! — неуверенно ответила Катрина.

— А мне так нипочем на одном месте весь век не усидеть. Все тянет меня бродить по белу свету... Страсть люблю путешествовать... Оттого-то мы и в матросы идем. Думаешь, у нас, на Аландах, земли не хватает? Как бы не так! У нас там такие поместья, ого! Да вот хотя бы у меня — усадьба большая, богатая. Дом — ну, словно господский! — весь белый, в два этажа, с балконами. А таких низеньких да старомодных домишек, как тут, у нас нигде и не увидишь. У нас всё больше вроде городских особняков. Мне и в море-то ходить никакой нужды нет, да вот беда — не могу я на одном месте сидеть.

— Кто же у вас пашет да сеет?

— А батраки. Да у нас ни пахать, ни сеять не надо. Все само собой растет, словно трава. Климат-то на Аландах не то что тут. У вас, поди, зима чертовски лютая. И снегу небось много?

— Да, снегу, бывает, много навалит, а холодно вроде не очень.

— Снегу навалит! И не замерзаете вы тут? На Аландах-то снегу совсем мало зимою. А уж растет-то все как!

— Да и тут не худо растет. И рожь родится, и картошка.

— Рожь да картошка — эка невидаль! Ха, ха, ха! Это что — рожь да картошка! Вот пшеничка — чистое золото, да всякие тебе овощи да фрукты! Яблоки, к примеру...

— Яблоки!

— А то как же! У нас их сколько хочешь.

— Да неужто и вправду яблоки у вас растут? — Мысль о яблоках никак не выходила у Катрины из головы.

— Понятное дело. Вот и у меня большущий сад. Выйдешь утром — и собирай в росной траве сколько угодно... И красных, и желтых, и синих...

— Это яблоки синие? — озадаченно пробормотала Катрина. Но теперь она была в таком состоянии, что готова была поверить чему угодно.

— Ага. Синие яблоки. У меня все цвета и все сорта имеются, — ответил парень, который до того увлекся своими красочными описаниями, что его уже было не остановить.

Неуемное беспокойство охватило Катрину. Родные края, где она беззаботно прожила все свои двадцать три года, стали теперь казаться ей невыносимо скучными и убогими. Однообразие равнины вызывало у нее отвращение. Обширные волнующиеся поля ржи и густые темно-зеленые картофельные гряды больше не радовали глаз. Она мечтала о золотистых пшеничных нивах, о пахучих фруктах, и прежде всего — о яблоках, растущих далеко на юге, на райских Аландских островах. Она стала презирать своих медлительных, немногословных земляков и с отвращением разглядывала наряды подруг и свои собственные. Никогда прежде не замечала она, какими уродливыми были их грубые, домотканые платья. Вот на Аландах все по-другому! Парни там — люди бывалые, обходительные и ведут себя как настоящие господа, а женщины щеголяют в легких, удобных платьях из фабричной материи. Холодов на Аландах не бывает, и женщинам нет надобности рядиться огородными чучелами.

Против ожидания родители легко дали согласие на брак Катрины с Юханом. Отцу приходилось слышать разговоры о богатых аландцах, и он не видел ничего невероятного в том, что у них, в южной стороне, растет многое из того, что не может вызреть здесь, на севере. Мать часто рассказывала об одной знакомой девушке, которая вышла замуж за аландского моряка и после сделалась настоящей дамой. Как-то раз, много лет назад, она приезжала в Эстерботтен и привезла с собою в укладке столько красивых нарядов, что и описать

невозможно. Ведь ее муж сделался капитаном, и она могла повсюду разъезжать с ним; так что ей довелось повидать и Париж и Лондон.

Сестры Катрины не скрывали, что чуточку завидуют счастью старшей сестры. Все три женщины собирались справить Катрине богатое приданое, но она и слышать об этом не хотела. Юхан уверял, что в этом нет никакой надобности,— на Аландах носят совсем иное белье и одежду. К тому же прясть и ткать уже не оставалось времени. Судно, на котором служил матросом будущий муж Катрины, отплывало на юг через два-три дня, и она отправлялась вместе с ним. Мать Катрины была недовольна тем, что ей не доведется шить приданое для своей старшенькой, да и отец выглядел разобиженным. Ну что скажут люди, когда его старшую дочь субботним вечером быстренько окрутят без всякой свадьбы, точно какую-нибудь батрачку, которой пришлось поскорее выйти замуж? Но Катрина слушалась теперь только одного Юхана.

ТАМ, ГДЕ РАСТУТ ЯБЛОКИ

На юг они плыли при свежем попутном ветре, и маленькая шхуна проделала весь путь меньше чем за неделю. Шкипер и все остальные моряки считали присутствие на борту юной новобрачной событием в высшей степени необычным и приятным. Они пожаловали Юхана отдельной каютой и обставили все как можно торжественнее и привлекательнее. Юхан не замедлил тотчас же разъяснить Катрине, что он не чета всей это «братве» на борту. И его восхищенная молодая жена, которая никогда прежде не бывала на море, верила каждому его слову.

Но скоро идиллии пришел конец.

Остров, на котором жил Юхан, был не очень велик и лежал восточнее Фаста-Аланда — как называют аландцы самый большой остров, вокруг которого группируются тысячи более мелких островков и шхер архипелага. Этот остров, Турсё, имеет форму четырехлучной звезды, на каждом луче которой был расположен небольшой поселок. Население всех этих поселков не превышало пятисот

человек. В центре звезды была выстроена церковь, а позднее — и школа.

Ранним утром в середине лета шхуна бросила якорь в маленькой бухте у западного мыса острова, и покуда судно должно было пополнять запасы продовольствия, Юхану позволили проводить жеиу в ее иовый дом. Вместе со шкипером и двумя матросами молодая чета переправилась иа сушу. Лодку пришвартовали у грубо сколоченной деревяниой пристани, построенной прямо в воде, пониже крутого каменистого берега. Юхан с Катриной остались одии и двинулись в гору, иа остров.

Сиачала дорога пробивалась по узкой полоске земли между морем и серыми, громоздящимися друг на друга скалами, но потом круто сворачивала прямо в глубь острова, и глазам путииков неожидаиио открывался совсем иной вид, которого никак ие предвещали негостеприимные скалы побережья. Горы справа исчезли, и вместо тощих, низкорослых сосенок, которые виднелись с моря, взору явились могучие, прямоствольные сосны и старые, мохнатые ели. Это был прекрасный густой хвойиый лес. Слева от дороги вóды залива мягко касались мирного пологого травянистого берега. У самой суши разросся камыш, и густые заросли тростника колебались далеко в воде под летним ветром. Здесь были и причалы, и лодки, и крытые соломой серые домики. На некотором расстоянии от берега, позади этой по-летнему приветливой бухточки, угрюмой стеной высился другой, еще более густой, хвойный лес. Перед темной стеной леса на пригорке стоял малеиький красный домик с белыми окоиными иаличниками. Оба леса тянулись в глубь острова, но ложбина между иими становилась все шире, уступая место и полям и лугам. Далеко впереди можно было смутно различить очертания поселка. За поселком в сииеве летиего неба вырисовывались темные контуры растопырившихся крыльев ветряных мельниц.

Это был поселок Вестербю, а два леса, протянувшиеся подобно двум любящим рукам по обе стороны «звездного луча», защищая поселок от суровых морских ветров, назывались Северный лес и Южиый лес.

Катрине все это было иеобычайно иитересно, и она во все глаза разглядывала иовые для иее места. Ни одии куст, ни один придорожный камень ие ускользнул от ее любопытствующего взора. Оиа приумолкла и впервые

перестала прислушиваться к неиссякаемой болтовне Юхана. Видя, что беседа не налаживается, муж решил утешиться моряцкой песней. Как всегда беззаботный, шел он, покачиваясь в такт напеву и размахивая маленьким узелком Катрины.

Теперь поселок был виден яснее, дома теснились по обе стороны проезжей дороги.

«Хороша дорога, но до чего узкая!» — подумала Катрина.

— Вот и Вестербю! — вдруг воскликнул Юхан, а затем продолжал прерванную песню.

В низине Катрина разглядела несколько крестьянских дворов со старомодными красными строениями, наполовину скрытыми за листвой деревьев и кустарников. То там, то здесь на взгорках красовались новомодные светлые дома. Сердце Катрины замерло. Который же из этих особняков будет ее домом? Слева от дороги стоял красивый дом в два этажа и с балконами, но он был не белый, а желтый. Да и Юхан провел ее мимо; стало быть, не тот. Они приближались к прекрасному светло-серому дому, окруженному большим садом. Может, этот? Юхан указал на красивый дом пальцем, и щеки Катрины порозовели. Но муж объяснил:

— Тут капитан Нурдквист живет. Он, можно сказать, король здешних мест. И усадьба у него самая большая в округе, и торговое дело, и судов много. Миллионов у него не счесть. Вот и «Фрида» наша тоже его. Убей меня бог — он самый что ни на есть богатый судовладелец в Финляндии.

Юхан прямо-таки пыжился от гордости. Надежды Катрины обратились к другому светлому особняку, на южной стороне проселочной дороги. Юхан указал на него пальцем и хвастливо сообщил:

— А там вон капитан Свенссон живет. Тоже первейший богач, а уж сквалыга — каких свет не видывал.

— Вон как, — отозвалась Катрина.

Чуть позади, на удивительно живописном пригорке на фоне темнеющего Северного леса, стоял приветливый светло-зеленый особнячок. «Этот, — подумала Катрина, — не иначе, этот. Он почти что совсем белый, да и балконы есть». Не осмеливаясь спросить прямо, Катрина сказала мужу:

— Гляди, Юхан, домик-то какой пригожий.

— Ага. Домик хоть куда, — согласился Юхан. — Тут живет капитан Энгман. Земли-то у него нет, зато денег куры не клюют. Будь я проклят, если он не самый что ни на есть веселый старый шкипер на всем свете.

— Вот как, — сказала Катрина. — А там кто живет? Во-он в той усадьбе с голубыми воротами? Она вроде на наши усадьбы смахивает.

— Там Калле Сеффер живет. — И тут же добавил горделиво, словно повествуя о величайшем подвиге: — Сефферы — самый вороватый народ в приходе, а уж грязнющие — спасу нет. Вшей у них столько, что во всей усадьбе твоего отца не поместилось бы.

— О господи! — воскликнула Катрина. — А когда земли начнутся? — спросила она немного погодя.

— Земли-то? Да мы уж, почитай, все прошли.

— Эти-то маленькие лоскуточки? С чего это они все перегорожены?

— Да уж приходится. Тут у каждого хозяина луг на востоке, да пашня на западе, да выгон на севере, да луг на юге. Лесу-то хватает, жалко, что ли, перегородить лишний раз?

— Вон как, — снова произнесла Катрина. Ей почудилось, что земля вокруг как-то съежилась, превратившись в узенькие перемежающиеся полоски.

Почти вплотную у дороги стоял маленький красный дом с белыми углами. Дом был окружен небольшим садиком, и Катрине казалось, что в одном конце она различает огород. Перед домом росли подсолнухи и яркие ноготки. В маленьких оконцах за трепыхавшими на ветру легкими занавесками алела в горшках герань. Вдоль красно-белого палисадника росло пять огромных кудрявых деревьев, и ветви их свисали далеко на дорогу.

Катрина остановилась и безмолвно уставилась на деревья.

— Яблони! — прошептала она наконец.

— А то как же! — ответил Юхан. — Это яблони Старой Фру. Мы все так ее называем. Тут старая пасторша живет, вдова. Ну и яблочки у нее, скажу я тебе! А вон и сама пасторша во дворе сидит. Учит писать Эрикову дочку, Эльвиру. У нас тут иные крестьяне не хуже важных господ. Эрикова девчонка учится грамоте, точно барышня какая.

— А Эрик-то где живет?

— Во-он в той красной усадьбе неподалеку от Нурдквиста. Эрикссон-то хозяин никудышный, но баба у него первая раскрасавица на Аландах.

— Вон как! — снова произнесла Катрина. Она начинала уже уставать — слишком долго длилось напряжение. Когда же наконец Юхан скажет: «Вот тут мы живем»?

Они вышли на пустырь посреди поселка, и Юхан объяснил, что это «площадь», где по воскресным дням собираются все жители.

— Да ну? — откликнулась Катрина.

— Ага. А вон, по правую руку, — усадьба Блумов. Молодой Виктор Блум — самый что ни на есть кривоногий парень во всем приходе. И еще он заикается. А там Нурдквистова лавка.

Проезжая дорога свернула на юг, и теперь они шли через поселок по узкой и каменистой тропе.

Путь лежал в гору, земли тут становились все более бесплодными и сухими. То и дело встречались невысокие скалы. Среди скал стояли приземистые невзрачные домишки.

— А тут кто живет? — спросила Катрина.

— Торпари.[1]

Юхан вел ее все дальше и дальше. Теперь почти повсюду были одни только голые скалы да низенькие, убогие лачуги. На самых высоких холмах стояли ветряные мельницы. На одном из мельничных крыльев насмешливо стрекотала сорока. У Катрины стало тяжело на душе, но она все еще ожидала, что перед нею каким-то чудом возникнет большой белый дом с балконами и садом. Внезапно муж остановился перед одной из лачуг.

— А вот и наш дом! — воскликнул он самым гордым и радостным тоном, на какой только был способен.

Катрина смотрела во все глаза. Перед нею была низкая, покосившаяся лачуга, некрашеная и не обшитая тесом. Часть дранки на крыше была сорвана ветром. Лачуга стояла на пологой скале, и вокруг не было ни одного зеленого стебелька, если не считать крапивы, разросшейся на кучах мусора подле невысокого крыльца

[1] Торпари — разновидность батраков, обязанных работать на землевладельца за предоставляемый им торп, то есть земельный участок с домом.

и даже пробившейся меж его прогнивших ступеней. Части поваленной изгороди валялись на склоне, свидетельствуя о том, что когда-то домик был огорожен. На дворе не было ни коровника, ни дровяного сарая; лишь небольшой нужник с болтающейся на петлях дверью, такой же серый и покосившийся, как сама лачуга, стоял неподалеку от нее.

Взгляд Катрины снова обратился к домику. В нем было два окна с зеленоватыми стеклами, какие давно уже вышли из обихода. Одно из стекол было разбито, и отверстие заткнуто тряпьем. В нижней части двери крысы прогрызли громадную дыру.

Молодая женщина стояла окаменев, словно пораженная ударом молнии. Наконец она пришла в себя и обернулась к мужу. Смерив его холодным взглядом и указывая пальцем на избушку, она презрительно спросила:

— Так это, стало быть, и есть твой большой белый дом с балконами? — А затем, переведя взгляд на скалу и заросли крапивы, добавила: — А это, видно, твои земли да сад яблоневый?

Но муж нисколько не смутился. В крайнем изумлении, подняв брови, он переспросил:

— Большой белый дом?

Потом лицо его прояснилось:

— Эвона! Ха-ха-ха! Я болтал невесть что, а ты и поверила?

На языке Катрины уже вертелся ядовитый ответ, но тут за спиной у них послышался громкий, раскатистый смех, и оба испуганно обернулись. Какой-то человек поднимался по тропинке на скалу.

— Эге, да никак ты, Юхан, молодую хозяйку в дом привел? — громко закричал человек и снова оглушил их своим хохотом.

— Это капитан Нурдквист! — быстро шепнул Юхан. Затем он выпрямился, и на лице его появилось прежнее простодушное выражение.

«Капитан Нурдквист, король здешних мест, — подумала Катрина. — Хозяин того большого, красивого дома». Она стала пристально рассматривать его. Это был рослый, могучего сложения человек с внушительно выпяченной грудью. Черты лица у него были крупные и тяжелые. Лоб высокий, нос длинный, с горбинкой, глаза большие, ясные и немного навыкате, рот крупный. Он выглядел

весьма представительным, но выражение жестокости и высокомерия, явственно проступавшее в чертах лица, портило его внешность.

Капитан подал Юхану руку и снисходительно рассмеялся.

— Как живешь-можешь?

— «„Помаленьку да полегоньку", — сказал парень из Руслагена, когда сел на мель». А вы, капитан, как живете? — отозвался Юхан.

— О, помаленьку да полегоньку, — ответил Нурдквист.

«Что за диковинный говор!» — удивилась Катрина.

Капитан вперил в Катрину пронизывающий взгляд и бесцеремонно оглядел ее с головы до ног. Не отличаясь особой деликатностью, Нурдквист грубо захохотал и со своей обычной иронией в голосе сказал Юхану:

— А ты, парень, чертовски красивую бабу отхватил.

Юхан шагнул вперед. Рядом с массивным Нурдквистом он казался особенно маленьким, тщедушным и сутулым. Но глаза его смотрели неустрашимо, а в голосе звучала обычная самоуверенность.

— Да уж, моя Катрина, скажу я вам, это такая баба... — начал он и разразился нескончаемым потоком слов.

Катрина снова услышала знакомую похвальбу, только на сей раз объектом Юханова красноречия были не Аланды, а Эстерботтен и она сама, ее сестры, родители и их усадьба. По мере того как Юхан рассказывал, усадьба ее отца все разрасталась и под конец занимала уже добрую половину прихода. Юхан изрядно подбавил им и рогатого скота и лошадей.

Нурдквист слушал с непередаваемой веселой издевкой в лице и пренебрежительной усмешкой на губах. Катрина поняла, что он не верит ни единому слову из болтовни Юхана. В несколько минут рухнули все ее горделивые надежды и светлые мечты, исчезли ее любовь и уважение к мужу. Безжалостная, неприкрытая истина предстала перед ней. На эту вот полуразвалившуюся избенку, на этот кусок голой скалы променяла она родной дом. А мужем ее оказался никудышный пустомеля, над которым все потешаются и которому никто не верит. И только она, по своей ребяческой простоте, позволила себя одурачить.

Наконец лицо капитана стало серьезным:

— Слышь ты, Юхан, гляди, на шхуну не опоздай. Нынче провиант недолго грузить будут. Только мяса да картошки немного.

— Как же, как же, капитан, в самый раз поспею, — смиренно заверил Юхан.

Нурдквист обернулся к Катрине и повелительно произнес:

— Завтра придешь к нам репу полоть. А после на весь сенокос останешься.

Не дожидаясь ответа, он круто повернулся и ушел.

Катрина ошеломленно глядела ему вслед. Что же это такое? *Ей*, стало быть, придется работать, на *чужом* поле? И ее даже не спрашивают, а только приказывают!

Юхан вынул из кармана ключ и отомкнул висячий замок на ветхой двери.

— Ну, заходи, Катри, а мне бежать пора, не то шкипер заругается.

Он поспешил в дом. Катрина пошла следом за ним через темные сени.

— Это куда же бежать? — спросила она.

— Да на шхуну, на шхуну! У моряка, знаешь ли, времени нет на суше прохлаждаться. Так-то!

Он бросил узелок Катрины и ринулся к двери.

Катрина испуганно воскликнула:

— Неужто ты так сразу и уходишь? А меня на кого бросаешь? Что я тут одна делать-то буду, на чужой стороне?

— Ну, Катри, проживешь как-нибудь. Вон сено к Нурдквисту косить пойдешь. А к осени я ворочусь. К рождеству, должно.

Вдруг он обнял жену.

— Эх, Катри, я и сам рад бы хоть денечек дома побыть, да шхуна-то ждать не станет. Шкипер уж и так, поди, от злости весь зеленый. Ну, прощай покуда! Осенью свидимся.

Юхан вышел из дома, и Катрина видела, как он, точно испуганный мальчонка, припустил вниз по каменистой тропинке. Катрина и опомниться не успела, как он уже исчез из виду.

Она принялась осматривать тесное жилище, которое отныне должно было стать ее домом.

На одном конце избушки были отгорожены две темные каморки — сени и чулан. Жилая комната была только одна, да и то небольшая. Окна без занавесок, подоконники испещрены червоточинами. Выцветшие, закопченные обои свисали клочьями. Низкий потолок почти совсем почернел от копоти. Маленькая печь с открытым очагом также была черна и внутри и снаружи. На шестке в куче золы стоял на таганце котелок, на крюке висел надбитый кофейник. Катрина взглянула в котелок. Ко дну его присохли остатки каши чуть ли не годичной давности. В них торчком стояла деревянная поварешка. В кофейнике колыхалась темная вонючая жижа.

В углу у двери стоял покрытый грязью посудный шкаф. Под один из его углов, там, где недоставало ножки, подложили камень. На полках была расставлена немногочисленная посуда, запыленная и щербатая, и тут же валялось несколько кусочков высохшего, заплесневелого хлеба. Испуганная крыса шмыгнула за шкаф. У окна стоял шаткий, невероятно замызганный столик.

В другом углу находилась постель — раскрытый деревянный диван, съемная крышка которого стояла тут же, прислоненная к стене. Постель с непривлекательным бельем так и оставалась неприбранной с тех пор, как Юхан в последний раз поднялся с нее много месяцев назад. У стены, рядом с окнами, поместились два стула, а в углу стоял старомодный комод с надтреснутым зеркалом. Между комодом и печью к стене был прибит небольшой дровяной ларь.

Катрина села на один из стульев и оглядела убогую, неприютную комнату. Ей казалось, что на плечи ее легла гигантская тяжесть. Ноги были точно налиты свинцом, во рту появился горьковатый привкус. Наконец, собрав все свои силы, Катрина принудила себя встать и принялась за уборку. Но двигалась она тяжело и медленно, словно старуха. Она отыскала деревянную бадью и вышла раздобыть воды. Во дворе колодца не было; она взглянула на соседний двор, где стояла такая же убогая лачуга, как и ее собственная, но и там ничего не увидела. Наконец она отыскала колодец у дороги, довольно далеко от дома, и там наполнила бадью.

Катрина вынесла постельное белье и расстелила его на горушке, на солнцепеке. Она вынесла также всю домашнюю утварь и сложила ее у крыльца. Отыскав на

дне дровяного ларя немного хвороста, Катрина развела в очаге огонь и согрела воды. Она вымыла всю посуду и расставила ее сушиться на холме. Полотенца ей найти не удалось.

Затем она выскребла и вымыла дочиста весь дом и внесла обратно все немногочисленное имущество. Постель она застелила. Когда все было сделано, Катрина села, сложив руки на коленях, и огляделась вокруг. В комнатке стало немного посветлей. Но, господи, до чего все было убого! Катрина выглянула в окошко. На западе, за поселком, солнце уже опустилось совсем низко. Ей захотелось узнать, который теперь час. На стене висели старые часы; Катрина потянула цепь, и они пошли с громким тиканьем. Но чтобы перевести стрелку, ей нужно было знать точное время. Она повязала голову платком и направилась к соседнему домишке. Эта лачуга была еще меньше и приземистее, чем ее собственная, но содержалась она более опрятно; на бревнах даже виднелись еще следы красной краски.

Катрина прошла мимо маленького, бедно одетого мальчугана, который пускал в луже деревянный кораблик. Она остановилась и заговорила с ним:

— Тебя как звать-то?

— Йобейт.

— Роберт, стало быть. Как живешь, Роберт?

— «„Помаленьку, полегоньку", — сказал пайень из Луслагена...» — ответил парнишка, и Катрина рассмеялась. Сразу видно, что она на Аландах! Но смех ее был скорее похож на судорожное всхлипывание.

В избушке играли пятеро или шестеро ребятишек, босоногих, с голодными глазенками. Катрина обратилась к старшей девочке, которая укачивала на коленях ребенка:

— У меня часы встали. Не скажешь ли, который час? Я из того дома, по соседству!

— А вон часы-то, на стенке. Только они вперед на полчаса, — ответила девочка и с любопытством посмотрела на Катрину.

— Спасибо, — ответила Катрина и поспешно ушла.

Стоя лицом к стене и переводя стрелку на часах, она вдруг услышала позади себя писклявый мужской голос. На пороге избушки стоял коротконогий, толстый человечек с круглым румяным лицом и крошечными масля-

ными глазками. Жирными пальцамн он сжимал набалдашник дорогой трости.

— А это, стало быть, наша новая землячка? Что ж, добро пожаловать в Вестербю, — пропищал он.

— Спаснбо, — кратко отозвалась Катрина.

Человек продолжал тем же жалобным тоном:

— Да ты, видать, не знаешь, кто я. Я капнтан Свенссон. Придешь ко мне на сенокос. Мы начннаем завтра.

— Так ведь... уж тут другой был... капитан Нурдквнст, — недоуменно пробормотала Катрина.

Голос человечка мгновенно н непостижнмо изменился:

— А, черт подерн! Опоздал. — Он задумался. — Ну, тогда прндешь на обмолот. Запомнн!

Он вышел, хромая и опнраясь на палку.

Катрнна глядела ему вслед из окна. «Придешь на обмолот», — шепотом повторнла она. Это что ж, выходнт, она уж и собой распоряжаться не вольна?.. Час за часом сндела она на стуле у окошка и размышляла.

Солнце скрылось, н вечерняя заря померкла. Небо потемнело. Катрина почувствовала слабость и поняла, что снльно проголодалась. Но какое это теперь имело значенне? Что же ей делать? Податься обратно к отцу, в Эстерботтен? Нет, никогда не вернется она к родителям как блудная дочь, чтобы все вндели ее униженне. Ей остается одно: ндти к Нурдквисту полоть репу и косить сено, идти к Свенссону на обмолот. Она должна продавать свой труд и зарабатывать кусок хлеба — таково ее будущее.

Тнхо, как угасают краски на закатном небе, угасла и ее беспечная девичья радость, чтобы ннкогда больше не пробудиться к жизни. Медленно сняла она с себя платье и легла на жесткую постель Юхана.

СЕНОКОС

На следующнй день Катрина пошла на работу в усадьбу с большнм светло-серым домом. Сам капнтан встретнл ее у ворот н громко закрнчал:

— Здравствуй, Катрина! Ступай завтракать поскорей, сейчас выходнм в поле.

Катрнна вошла в кухню и села за стол рядом с другими работникамн. Но завтрак уже подходил к концу,

и Нурдквист, стоя у лестницы, кричал в открытую дверь кухни:

— Эй, вы там, поторапливайтесь! Солнце-то уж высоко в небе!

Катрина едва успела проглотить два-три куска, как ей пришлось, второпях накинув на голову косынку, бегом догонять остальных.

Так начался ее первый трудовой день в долгой веренице таких же, заполненных работой. Солнце жгло согнутые спины батраков, репейник и крапива обжигали и кололи руки. Но к вечеру поле было прополото и прорежено, а оставшиеся растения красивыми, ровными рядами тянулись на разрыхленных грядах, и это зрелище доставило батракам некоторое удовлетворение. Потом все снова собрались в просторной кухне усадьбы и сели за ужин, состоявший из рыбы, холодного картофеля да каши со снятым молоком. На кухне распоряжалась племянница капитана, так как сам он был вдов.

Теперь у Катрины было время оглядеться, что она и делала с большим интересом. Вот уж нашлось бы тут, чем похвастать Юхану! На полу лежал линолеум, стены были высокие и светлые, на гигантской плите блестел медный чан для горячей воды.

Катрина мельком видела и соседнюю комнату — столовую. Ну и роскошь была там! Такое ей и во сне никогда не снилось. Даже красноречивого бахвальства Юхана не хватило бы, чтобы описать убранство столовой, уставленной диковинными заморскими вещами. Семья собралась за большим столом, стоявшим посреди комнаты, а сам капитан, как и подобает королю, восседал на почетном месте. Его оглушительный хохот время от времени доносился на кухню.

Когда ужин закончился, Нурдквист, довольный и насытившийся, вышел из столовой.

— Ну как, молодцы, с репой-то управились? — спросил он.

— Ага, — ответил кто-то.

— Ладно, хоть прополку с плеч долой, покуда сенокос не начался. Катрина, молоко у тебя дома есть?

— Нет, — робко ответила Катрина.

Капитан обратился к одной из служанок:

— Тильда, дашь Катрине с собой крынку снятого молока.

«Вот хорошо-то», — подумала Катрина и с благодарностью взяла молоко.

Ей интересно было, получит ли она сразу плату за сегодняшний день, но поскольку никто, как видно, об этом не думал и остальные батраки стали расходиться по домам, то Катрина отправилась следом за ними.

Домой она шла вместе с женщиной, с которой познакомилась на прополке. Женщину звали Бэда Андерссон, и она была матерью той самой оравы детишек, которую Катрина видела накануне в соседней лачуге. Бэда рассказала Катрине, что муж ее батрачит у Свенссона.

— А что, — спросила Катрина, — платят тут поденно или сразу за всю работу? По мне, лучше бы поденно.

— Как бы не так! — ответила женщина, бросив презрительный взгляд на крынку с молоком. — Тебе-то уж небось заплатили сегодня!

— Да неужто ты думаешь, мне за всю сегодняшнюю работу это молоко дали?

— Гляди, кабы тебе за него еще завтра да послезавтра надрываться не пришлось. Знают они, что давать: то, что хотят с рук сбыть. Вчерашнее снятое молоко. Все одно прокисло бы.

На лице женщины застыло непередаваемое выражение горечи, заботы прорезали вокруг рта глубокие морщины. Она была худая как скелет — кожа да кости. Когда товарки поднялись на холм, Катрина пожелала Бэде доброй ночи и, полная мрачных предчувствий, одиноко пошла к своей лачуге.

Весь сенокос Катрина проработала у Нурдквиста. Ее, самую рослую и сильную, поставили в шеренгу косцов, между тем как другие женщины ворошили и сгребали сено. Она и дома работала наравне с мужчинами, но теперь ей довелось почувствовать разницу между трудом на своей земле вместе с равными себе и подневольным батрацким трудом на чужом поле. Когда батраки в восемь часов утра получали на завтрак по куску кровяной колбасы, за плечами у них был уже долгий рабочий день. После двух-трех часов отдыха они принимались точить косы, сгребать и убирать сено, а к вечеру, когда выпадала роса, снова пора было гнуть спину над покосом. После такого дня приятно было часов в девять-десять вечера вытянуться на постели и дать отдых усталым членам хотя бы на то короткое время, что оставалось для

сна. Катрине казалось, что ей было бы легче, если бы она получала оплату поденно и могла по-своему распорядиться деньгами. Она частенько стояла в лавке Нурдквиста, разглядывая чашки и блюдца, кастрюли и котелки или красивую материю на занавески, угодливо разложенную на прилавке перед какой-нибудь капитаншей или местной крестьянкой-богачихой. Ей так хотелось купить что-нибудь из этих вещей и сделать свою нищую лачугу хоть чуточку уютнее!

Но тех немногих грошей, что у нее были, едва хватало на сахар и несколько кофейных зерен для смешивания с цикорием. Катрина очень скоро убедилась, до чего справедливы были горькие слова Бэды: «Они дают то, что хотят сбыть с рук».

Когда иной день работы на лугу прерывались из-за дождя или праздника и Катрина оставалась дома, у нее редко бывало вволю еды. Она цвела здоровьем и силой, а от тяжелой работы у нее появлялся волчий аппетит.

Но снятым молоком, черным кислым хлебом да водянистым картофелем не слишком-то можно было насытиться.

Катрина начала чувствовать себя одинокой и очень страдала от этого. От природы она была человеком общительным и веселым, но здесь каждая ее попытка к сближению воспринималась так недружелюбно, что Катрина боязливо отходила прочь и замыкалась в себе.

Молодые богато одетые женщины относились к ней с холодным презрением. Они были капитаншами и считались гораздо выше ее по положению. Уж одно то, что Катрине приходилось величать их этим высоким титулом, еще больше увеличивало ее робость и молчаливость. Она не привычна была ко всяким титулам. Для пожилых крестьянских матрон Катрина была неимущей батрачкой, чужеземкой, которой уж наверняка пришлось выйти замуж, чтобы прикрыть грех. Критически оглядывали они ладную фигуру Катрины: ничего, время покажет. И все они видели в ней жену этого никудышного, всеми презираемого пустобреха Юхана. Уже одного этого было достаточно, чтобы осудить ее еще до того, как ей представился хоть малейший случай показать, чего стоит она сама. Женщина, вышедшая замуж за Юхана, наверняка должна была быть таким же ничтожеством, как и он.

Даже батраки, которые трудились наравне с ней, и те поглядывали на нее свысока и без стеснения высмеивали ее эстерботнийский диалект. Она и рта не решалась раскрыть, чтобы случайно не заговорить на милом ее сердцу родном наречии, таком певучем и нежном. Изо всех сил старалась она говорить так же, как и другие, но это было нелегко. Жители здешних мест так густо пересыпали свою речь поговорками, так часто вставляли всякие прибаутки вроде: «„Хорошо“, — сказала Эва», «„А как же“, — сказал Энгман», что у Катрины просто голова шла кругом.

Однажды, когда Катрина вместе с другими батраками сидела за столом в кухне Нурдквиста, она услышала, что капитан в соседней комнате заговорил о Юхане. В этот день у Нурдквиста было в гостях несколько важных господ из города, и капитан изо всех сил старался повеселить их. Своим оглушительным голосом, который явственно доносился на кухню, рассказывал он о том, как Юхан похвалялся молодой женой и ее домом. Со слов Юхана, Нурдквист красноречиво описывал богатую усадьбу, обширные поля и многочисленных лошадей. Рассказывая, он громко смеялся, а слушатели его прямо-таки корчились от хохота. Все они отлично знали Юхана. И, уж конечно, чем красочнее описывал этот краснобай усадьбу Катрины, тем беднее была она на самом деле. Батраки навострили уши и стали прислушиваться. И тут один из них, то ли забыв о присутствии Катрины, то ли не обращая на это внимания, сказал:

— Свет не видывал такого брехуна, как этот Юхан. Убей меня бог, ежели он за всю свою жизнь сказал хоть одно слово правды.

Катрина сидела, вся оцепенев. Щеки ее побледнели, губы были крепко сжаты. О, как ненавидела она этих подлых, бессердечных людишек, все это мужичье с их барской спесью и капитанскими титулами. Но стоило ли возражать им?.. «Пусть себе смеются над Юханом, а уж надо мной им не удастся позабавиться», — подумала Катрина и, стиснув зубы, промолчала.

Со временем она сделалась необыкновенно молчаливой. Ни разу не пыталась Катрина объяснить, из какой семьи она происходит. Никто из них никогда не узнает, что она приехала сюда, на остров, полная горделивых надежд, прельщенная бойкими речами Юхана, этого ни-

щего, этого голодранца. Пусть их думают что угодно и о ней самой и о том, почему она вышла за Юхана. Катрине понятны были ощупывающие взгляды женщин, и она говорила себе с горьким смехом: «Жалко, что я все еще не могу угодить им, а они-то уж ждут не дождутся...»

Во время жатвы Катрина работала на Свенссона, и тут ей пришлось еще труднее. Она вспомнила слова Юхана о Свенссоне — «сквалыга, каких свет не видывал» — и подумала, что по крайней мере на сей раз муж говорил правду. Жена капитана, маленькая тщедушная женщина с острым носиком, нисколько не уступала своему супругу в скупости. Пока он ковылял по полю, ругая жнецов за слишком высокую стерню или несколько оставленных колосков, жена его расхаживала дома, присматривая за тем, чтобы масло, сахар и яйца были надежно заперты. Трясущимися от жадности руками нарезáла она тонкие ломтики хлеба и отсчитывала кусочки сахара.

Масло на стеклянном блюдце капитанша высоко взбивала резной деревянной ложкой, и оно выглядело изрядным, аппетитным куском. Но стоило кому-нибудь из проголодавшихся батраков воткнуть в это сооружение нож, как оно сникало, точно лопнувший воздушный шар. Когда работники вставали из-за скудной трапезы, Катрина видела по выражению их лиц, что желудки у них еще наполовину пусты. Да и ее голод далеко не был утолен. И тогда она ощущала невидимую связь со всеми этими людьми. «Да мы же вместе проливаем пот на полях, вместе голодаем, вместе подчиняемся грубым окрикам; мы должны быть товарищами и держаться заодно, как братья и сестры», — думала Катрина.

Но когда она пыталась присоединиться к таким же, как она, молодым батракам и батрачкам, которые развлекались после работы, те встречали ее как чужую и не допускали в свой круг.

С одной из женщин Катрина, правда, могла бы подружиться. Это была Бэда Андерссон — соседка, которая часто составляла ей компанию по пути из богатой деревни на скалу, где ютились убогие лачуги торпарей. Но хотя Катрина со временем все лучше и лучше понимала причину угрюмой озлобленности Бэды, она все-

таки не могла сблизиться с соседкой. Мрачная безнадежность отпугивала юную душу Катрины. Она еще не успела свыкнуться с тем убогим окружением, в котором ей предстояло жить, и все еще чувствовала свою принадлежность к иному, более светлому миру.

Катрина приветливо и дружелюбно встречала соседку, но была с ней сдержанна и молчалива. Вот таким-то образом и получалось, что Катрина чувствовала себя одинокой, была ли она на людях или сидела одна в своем домишке.

Перед жирным коротышкой Свенссоном с его жалобным голоском она вскоре стала испытывать не меньший страх и отвращение, чем перед жестоким, холодным Нурдквистом, то и дело разражавшимся презрительным смехом. Свенссон то ругал батраков и плаксиво жаловался на их небережливость, то подкатывался к ним с заискивающей лестью, особенно при женщинах, на которых он плотоядно поглядывал своими крохотными глазками. Иногда он хлопал батрачек по спине или гладил их голые руки. Катрина смотрела ему вслед испуганным, недоуменным взглядом.

Когда зерно было обмолочено, Свенссон стал расплачиваться с батраками, выдавая им по мерке ржи за каждый проработанный день. Катрина слышала от других, да и сама видела, как при этом он всякий раз пытался сжульничать и недосыпать немного зерна в каждую мерку. Гнев поднимался в ее душе, когда она, уходя домой и унося на натруженной спине небольшой мешочек ржи, видела, как Свенссон, стоя у доверху нагруженного воза, с довольным видом наблюдает за работниками, таскающими тяжелые мешки с телеги в амбар.

После того как рожь была сжата и обмолочена, наступил черед овса и пшеницы. Пшеница, этот золотистый дар земли и солнца, о котором ей когда-то рассказывал Юхан!

Всякий раз, подсекая золотые колосья, Катрина испытывала чувство какого-то благоговения. Молча и одиноко двигаясь вдоль полосы, она прикидывала: пшеница будет подороже ржи, стало быть, ее не так уж много дадут. Но хоть маленький мешочек этой доброй, зрелой пшеницы она уж наверняка получит. Ведь она сама помогала и жать и молотить. Она попросит Эрикссона или Сеффера смолоть ее пшеницу вместе с их зерном, а по-

том испечет из собственной пшеничной муки свежие, пышные лепешки. Катрине казалось, что она уже чувствует запах вынимаемого из печи белого хлеба. Правда, ее печь не так хороша, но ничего, сойдет.

Однако когда подошло время выплаты, оказалось, что Свенссон изменил тактику. Теперь он расплачивался не натурой, а деньгами. Как ни жаждала Катрина прежде получить плату наличными, теперь она была сильно разочарована. Перед тем, как идти домой, она нерешительно остановилась у калитки Свенссонова дома, раздумчиво перебирая на ладони немногочисленные монеты. Отчего бы и нет? Теперь у нее есть деньги. Продать-то немного пшеницы Свенссон, во всяком случае, может. Да, она купит пшеницу! Катрина решительно повернулась и бодрым, радостным шагом направилась обратно к дому. В сенях она столкнулась с самим хозяином.

— Капитан Свенссон, — сказала она ему напрямик,— не продадите ли пшеницы малость?

Свенссон уставился на нее, точно узрев привидение.

— Пшеницы! Ишь чего захотела! Или торпари нынче до того великие баре стали, что им уж и рожь не впрок? Ну и нахальная же ты баба, черт меня подери!

Капитанша высунула в сени свой острый носик и ядовито затараторила:

— Живут на куске скалы, а туда же, форсу задают. Помогаешь им, помогаешь, и картошки дашь, и молока! А как завелся у них грош какой, так уж и пшенички им захотелось.

Катрине казалось, будто ее с ног до головы окатили холодной водой. Никак не ожидала она, что встретит такой отпор, если честно попросит продать немного пшеницы на ее собственные, тяжким трудом заработанные деньги. Не говоря ни слова, Катрина круто повернулась и быстро пошла прочь. Внутри у нее все кипело от негодования.

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Однажды вечером в конце лета Катрина лежала в постели, размышляя над тем, как удивительно устроена жизнь и как велико меж людьми неравенство. Выражение «классовые различия» было ей незнакомо. Почти

совсем стемнело, время светлых летних ночей миновало, но теплые вечера были все еще очень хороши.

Вдалеке послышался гудок парохода. Должно быть, уже одиннадцать часов, подумала Катрина, сейчас приходит пароход из Мариехамна.[1] Она представила себе неподвижный залив Ботвикен, его темные поблескивающие воды, время от времени мягко плещущие о пристань или борт лодки. Сейчас там, на берегу, собрался почти весь поселок и даже люди из соседних поселков. Это было излюбленное развлечение жителей острова — ясным вечером прогуляться к пристани, повстречать знакомых, поглазеть на пароход и проезжающих. Мужчины большей частью собирались группами у нефтяной цистерны и вели разговор о посевах, о навигации, о рыбной ловле, иногда о политике. Женщины устраивались на грубо сколоченной скамье позади соляной лавки Нурдквиста и судачили о комнатных растениях, о рукоделии или о ценах на масло и яйца.

Молодежь собиралась где придется; чаще всего парни усаживались на самой пристани и покачивались на узких перилах. Их смех и шутки слышны были далеко вокруг. То одна, то другая парочка, незаметно отделившись от компании, уединялась в ложбине между холмами.

Все это Катрина мысленно представляла себе. Она и сама несколько раз ходила на пристань; ей нравилось знакомиться с обычаями и свычаями своей новой родины. К тому же ей любопытно было взглянуть на пароход. В Эстерботтене у нее не было случая видеть большие суда. Но вскоре Катрине пришлось отказаться от этого развлечения. Там, на пристани, она чувствовала себя такой же одинокой и чужой, как и повсюду в других местах. Если бы ее хоть оставили в покое! Она довольствовалась бы тем, что тихо сидела бы на камне, глядя в воду и прислушиваясь к спорам мужчин. Но Катрине невмоготу было переносить презрительные усмешки, с которыми ее постоянно встречали. Кроме того, ее присутствие напоминало о Юхане, и окружающие принимались зубоскалить и острить на его счет. Поэтому

[1] Мариехамн — второе (шведское) название города Марианхамины, административного центра Аландских островов.

Катрина предпочитала оставаться дома, в своей жалкой избушке.

Пароход дал три коротких гудка; сейчас он отчаливает от пристани и берет курс на Або.[1] Работник Нурдквиста уже нагрузил свой воз товарами, почтарь взвалил на спину мешок с почтой. Праздношатающиеся расходятся по домам. Шумной гурьбой проходят они мимо сада Старой Фру, и озорные парнишки с поселка Стурбю украдкой срывают у пасторши несколько яблок. Потом они приближаются к...

Мысли Катрины затуманились, но не успела она задремать, как звук шагов на горе заставил ее вздрогнуть. Она увидела, как мимо окошка промелькнула мужская фигура, и сразу же вслед за этим послышался шум у двери.

«Кому же это быть?» — подумала Катрина. Ни одному из местных парней нечего тут было делать в такую пору. Она испугалась. Наверное, какой-нибудь подвыпивший пассажир с парохода заблудился и забрел сюда. А дверь-то у нее без запора! Висячий замок запирался только снаружи, изнутри к двери была лишь приставлена деревянная палка.

Катрина прислушалась. Вот отворилась наружная дверь, и послышались шаги в сенях. Затаив дыхание, Катрина приподнялась и закрылась до плеч одеялом. Дверь в комнату медленно распахнулась, и человек вошел. Катрина в изумлении вытаращила глаза. Это был капитан Свенссон.

— Добрый вечер, Катрина, — сказал Свенссон самым умильным своим тоном и поглядел на нее с заискивающей улыбкой.

— Зачем пожаловал капитан Свенссон об эту пору? — резко спросила Катрина.

Улыбка его сделалась еще блудливее. Он подошел поближе к Катрине и сел на край постели. Катрина с отвращением откинулась назад.

— Я подумал: схожу-ка я к Катрине покалякать о том о сем. Ночь-то уж больно хороша. Я на пароход ходил глядеть. Негоже такой молоденькой да красивой бабочке все лето одной сидеть, покуда ее мужик в чужих портах развлекается.

---

[1] Або — второе (шведское) название финского города Турку.

Он протянул руку и попытался обиять Катрину за талию. Другой рукой он прииялся стаскивать с нее одеяло. Но Катрина больше не испытывала страха. Щеки ее запылали, и она громко крикнула на самом исконном эстерботнийском диалекте.

— Катись-ка отсюда, боров!

Схватив капитана за плечи, она с такой силой оттолкнула его, что тот грохнулся на пол. Побагровев от злости, подиялся он на ноги и закричал:

— Ах ты чертовка! Ты что это из себя корчишь? Ну, погоди же у меня!

Катрина соскочила с постели. В короткой ночиой рубашке оиа походила на амазоику, приготовившуюся к битве.

Прежде чем капитан успел перейти в атаку, оиа иабросилась иа него и потащила к выходу. Но в узких сеицах Свенссон, падая, оказал отчаянное сопротивление и потяиул Катрину за собою на пол. Ои лежал на спине и быстро сучил короткими ножками, точно перевернутый жук. Однако ои был слишком толст и неповоротлив, чтобы справиться с ловкой и сильиой Катриной. Крепко ухватив Свенссоиа за спину, она с такой силой перевернула его на толстый живот, что капитан выкатился на крыльцо и продолжал катиться вииз по лесенке, пока не застрял в густой крапиве. Отчаянно ругаясь, он кое-как подиялся и заковылял прочь.

Катрина захлопнула дверь. С мииуту она стояла посреди комиаты, точио разбитая параличом. Но вдруг нервы ее не выдержали, и она, содрогаясь всем телом, повалилась на кровать. Слезы хлынули у иее из глаз, словио поток, прорвавший плотиину. Катрина была не из тех, кого легко можно было заставить плакать. Несмотря на все разочароваиия и неудачи, преследовавшие ее с тех пор, как она покииула родительский дом, оиа ни разу не проронила ни единой слезы. Но теперь оиа плакала долго и отчаянио. Оиа сидела на постели, скорчившись, закрыв лицо руками, и плечи ее тряслись от рыданий.

Она была потрясеиа и взволиоваиа, ио в слезах ее было столько же иеиависти, сколько и страха. «Ишь кровопийцы, — думала она, — мало им, что они из иас весь пот, все соки выжимают, им еще и наша жизнь поиадобилась, словно мы, бедные батрачки, только и живем для того, чтобы угождать их жадности да похоти».

Катрину охватила глубокая печаль. Все было так безнадежно! В отчаянии, положив голову на руки, она, не шевелясь, сидела в темноте.

Но вдруг что-то внутри нее напомнило ей о великой тайне, которая заставила позабыть все — и неудачное замужество, и убогую лачугу, и капитана Свенссона, и всех этих жадных, злобных людишек.

Ребенок!

Да, она ведь теперь знала наверняка, что у нее будет ребенок. Катрина подняла голову и увидела, что за окошком начало рассветать. Прижав руки к груди, она сидела с высоко поднятой головой и смотрела куда-то поверх окружающего ее убожества. Выражение вызывающей радости появилось на ее лице. Она будет счастлива наперекор всему; она бросит вызов самой бедности и докажет всем, что счастье может расцвести даже на голой скале. Она будет жить ради своего ребенка! Эта тайна, словно сияющий луч, осветит ее беспросветную жизнь.

Об этом еще никто не знает, но скоро женщины в поселке обо всем пронюхают и станут по пальцам высчитывать время. Но какое до них дело Катрине? Она еще молодая, здоровая, и жизнь не согнула ее.

Не пытаясь продолжать прерванный сон, Катрина встала с постели и, тихонько напевая, принялась одеваться. Пока за окошком окончательно рассветало, она ходила по комнате, хлопоча по хозяйству, и с лица ее не сходило просветленное выражение, придавая ему особую, сияющую красоту.

Но Катрина навсегда запомнила эту ночь. Она запечатлелась в ее памяти как самые страшные и самые светлые часы ее жизни.

ЭЛЬВИРА, ДОЧЬ ЭРИКА

Поразмыслив, Катрина пришла к выводу, что ей надо бы известить Юхана о том, что она ждет ребенка. С той поры как он так поспешно покинул ее в первый же день их приезда на Аланды, она совсем потеряла его из виду. Она ничего не знала о морских рейсах и не могла, подобно другим женам моряков, по ветру и погоде определять путь судна и мысленно сопровождать мужа в плавании от порта к порту. Время от времени Нурдквист, который

был владельцем судна, кричал Катрине: «Твой-то теперь в Дании», или «„Фрида" пришла в Выборг». И это было все, что Катрина знала. Но теперь она хотела написать Юхану письмо. Она понятия не имела, сколько он получает в плавании, но, судя по тому, в каком состоянии у него находились дом и хозяйство, подозревала, что беречь копейку он не умеет и пускает на ветер даже то немногое, что зарабатывает. Ей-то самой ничего от него не нужно, но ребенок — дело иное. Ведь в течение некоторого времени она не в состоянии будет работать, а младенец потребует так много расходов!

Юхан и сам мог бы догадаться, как обстоят у нее дела; но он до того беспечен, что ему это и в голову не придет. Впрочем, многие парни лишь тогда берутся за ум, когда заботы о семье заставляют их остепениться. Может, и Юхан переменится, узнав, что он скоро станет отцом.

Во всяком случае, ей следует предупредить его, чтобы он приберег деньги, заработанные за эту навигацию. Писать Катрина не умела, дома она училась только чтению. Да и Юхан не был обучен грамоте. Шкипер «Фриды» — человек как будто добрый, он наверняка прочтет мужу письмо. Только вот кто это письмо ей напишет? Много дней Катрина ломала голову над этим вопросом. На острове капитаны, их дети и даже кое-кто из жен умели писать, но нищей батрачке не так-то просто явиться к этим высокомерным людям и попросить их об услуге. Из них всех самым добрым слывет капитан Энгман, но он, пожалуй, станет наводить критику да вставлять всякие замечания и еще вдобавок потребует благодарности и бесплатной работы за оказанное одолжение.

Но вот, говорят, маленькая Эльвира, дочь Эрика, пишет не хуже самого пастора. Да, она попросит Эльвиру написать ей письмо. Все-таки легче открыть душу и доверить свою тайну ребенку, чем кому-либо из критически настроенных взрослых.

Катрина тщательно умылась, причесалась и долго рассматривала себя в надтреснутое зеркало. Негоже было идти в дом к Эрику с растрепанными космами. Молодая хозяйка усадьбы славилась не только своей красотой и благочестием: она была к тому же человеком строгим и придирчивым. Катрина надела чистый передник, повя-

зала голову свежевыстиранной косынкой, проверила, хорошо ли завязаны шнурки на башмаках.

В ящике комода у нее хранились два листа бумаги и конверт, бережно завернутые в платочек. Она взяла их с собой.

Несмотря на все приготовления, она все-таки чувствовала себя довольно неуверенно, идя по узенькой тропинке под яблоневыми и сливовыми деревьями к большому красному особняку Эрика. Катрина еще ни разу не переступала порога этого дома.

У входа ей попалась навстречу Эльвира, выносившая лохань с мыльной водой. Вылив воду на траву, девочка опрокинула лохань перед крыльцом.

Катрина в волнении судорожно глотала воздух.

«Да что это нашло на меня? — подумала она. — Я уж и перед дитем робею!»

— Добрый день, — выговорила она наконец.

Девочка взглянула на Катрину и защебетала:

— Здравствуй, здравствуй, Катрина. Входи, пожалуйста. Мама дома, и бабушка дома, и ребятишки дома; только папы нет.

Катрина последовала за девочкой, которая в своем длинном платье выглядела такой маленькой и тоненькой, что просто удивительно было, как она может так легко взбегать по крутой лестнице.

Во всю ширину дома тянулись длинные сени. Дверь слева вела в зал, или так называемую парадную горницу, а справа, как раз напротив, был вход в жилую горницу. За сенями, между этими двумя большими комнатами, находилась еще одна маленькая каморка.

Катрина вслед за девочкой вошла в жилую горницу. Несколько малышей в длинных курточках и брючках тихонько играли в углу у большой печи с открытым очагом. Оторвавшись от игры, они испуганно подняли головы и застенчиво спрятались за спину матери. Их молодая мать, которая славилась своей красотой на весь остров, сидела на диване и нарезала пестрые лоскутки для коврика. При появлении Катрины она взглянула на нее строгим, испытующим взором, но не промолвила ни слова.

«Она и впрямь красивая», — подумала Катрина. Такого нежного овала лица, такой чистой, бело-розовой кожи она не видела ни у одной женщины. Но лучшим

украшением молодой хозяйки были ее блестящие рыжие волосы, венчавшие голову словно золотой короной. Тугие косы в два ряда возвышались над гладким белым лбом, и Катрина подумала, что никогда еще ей не доводилось наблюдать более прекрасного зрелища.

— Мама, мама, к нам в гости Юханова Катрина пришла. Слава тебе господи, что мы хоть прибраться-то в доме успели!

— Эльвира, не упоминай всуе имя господне, — строго сказала мать, а затем обернулась к Катрине: — Входи и садись.

— Спасибо, — пробормотала Катрина и присела на краешек дивана у самой двери. Она начала разворачивать платок с листками бумаги и, смущенно откашлявшись, сказала:

— Я вот... думала... я спросить хотела, не поможет ли мне Эльвира письмо Юхану отписать?

Молодая мать ответила:

— Ну конечно. Ни один христианин не может отказать в такой просьбе.

Глазенки Эльвиры засияли.

— Письмо написать! «„По мне — всегда пожалуйста", — сказал Энгман Улле, когда та хотела кинуться в море». Пойдем в парадную горницу — там у нас и перо и чернила есть.

Катрина пошла вслед за девчушкой через сени в соседнюю горницу. Это была светлая комната, почти такой же величины, как и первая, но казавшаяся холодной и нежилой, несмотря на красивые цветастые покрывала, украшавшие заграничные кровати. Взобравшись на стул, стоящий около стола, Эльвира приготовила перо и чернила.

— Ну, начнем?

Катрина села по другую сторону стола и протянула девочке бумагу.

— Сперва поставим дату — это уж во всех письмах так делается. А как ты хочешь начать, Катрина? «Вечно любимый супруг» или «Бесценный, незабвенный муж»?

— Да нет. Просто пиши: «Дорогой Юхан».

— Воля твоя. Ну, а потом как писать?

— Ты уж как хочешь складывай. Пропиши только, что у меня дите будет весною, пускай заработок прибережет.

Маленькая Эльвира писала с большим рвением. Оба листа были уже почти заполнены ее убористым почерком. Катриа только диву давалась, почему это те иесколько слов, которые она хотела написать Юхану, занимают так много места на бумаге. Но поскольку все это было для нее так же непонятно, как египетские иероглифы, она не вставляла никаких замечаний, предоставив девочке продолжать свое дело. Не без уважеиия следила Катрина за маленькой рукой, которая с такой легкостью водила пером, что слова, казалось, сами собой слетали на бумагу. Оиа виимательио разглядывала Эльвиру. Трудио было определить ее возраст, но девочка, вероятно, была не старше десяти лет. Дочь ничего не унаследовала от материнской красоты и казалась бледной и бесцветной. Ее белесые волосы, заплетенные в косу и уложенные вокруг головы, не вились и были лишены блеска, глаза казались слишком тусклыми, брови и ресницы — белыми, почти бесцветными; вдобавок у иее был сплюсиутый курносый носик. Но своими быстрыми движениями девочка походила иа малеинькую птичку, и в ней было нечто иеотразимо привлекательиое. Катриа не могла оторвать глаз от Эльвиры, которая, взобравшись на стул, болтала ногами под длииной юбкой.

Накоиец, исписав последнюю страницу, Эльвира остаиовилась и взгляиула на Катрину.

— А в конце как напишем? «Твоя до гроба верная супруга»?

— Нет, — сухо ответила Катрина. — Имя подпиши — и все тут.

— Но поцелуи-то уж иепременно надо послать.

— Поцелуи?

— «„Ну да", — сказала Эва»... Гляди... Вот крест. Он обозначает поцелуй. Уж я-то небось знаю, как любовные письма писать.

— Да нет, не нравится мне это. Пускай останется все как есть.

— Ну, хоть один, Катрина! Вот тут, в уголочке, малюсенький. Вот так.

Но поцелуй не удался, расплывшись в огромиую кляксу.

— О господи! — пискнула Эльвира. Но потом, весело захихикав, добавила: — Ничего, для Юхана и такой сгодится.

Катрина невольно скривила рот в улыбке.

Когда письмо было готово и вложено в конверт, Эльвира спросила адрес.

— Адрес? — Катрина беспомощно оглянулась. Об этом она и не подумала.

Но маленькая Эльвира сказала покровительственным тоном:

— Ничего, это мы уладим, Катрина. Янне!

Прибежал ее младший брат.

— Вот тебе перо и бумага, сходи к дяде Нурдквисту, передай ему поклон да спроси адрес «Фриды».

Мальчик убежал и через некоторое время вернулся с адресом.

Наконец долгие хлопоты с письмом были закончены, и Катрина отослала его.

С тех пор она всегда обращалась к Эльвире, когда ей нужно было что-нибудь написать. Между ними, такими разными, возникла своеобразная дружба, которая длилась всю жизнь. Эльвира, дочь Эрика, была единственной, кто знал о прошлом Катрины, и ей одной стало известно, при каких обстоятельствах дочь зажиточного крестьянина из Эстерботтена была увезена на Аланды, в маленькую батрацкую лачугу на голой скале.

ОСЕНЬ В ШХЕРАХ

Между молотьбой и рытьем картофеля Катрина работала то на одного, то на другого хозяина. Но выходило так, что ею распоряжались главным образом два самых могущественных богатея — Нурдквист и Свенссон. Стоило одному из них позвать Катрину на работу, как все прочие землевладельцы скромно отступали в сторонку, даже если они до этого и уговаривались с ней. То же самое было и с Бэдой. Что касается Нурдквиста и Свенссона, то тут уж все зависело от того, кто из них поспевал первым.

Однажды она работала у капитана Ларссона — резала тростник, росший по берегам небольшого заболоченного озера посреди острова. Крестьяне, владевшие землями вокруг этого озера, считали тростник своей собственностью и использовали его на корм скоту и на обшивку

крыш в надворных постройках. Густые заросли тростника длиной выше человеческого роста простирались от берега далеко в воду. Так как ил на дне лежал необыкновенно густым слоем, то срезать тростник, идя вброд по озеру, было делом довольно опасным. Катрина была слишком самолюбива, чтобы обнаружить свой страх, но весь первый день на этой новой для нее работе чувствовала себя тревожно и неспокойно. Орудуя кривыми серпами с короткой ручкой, работники рядами двигались от берега сквозь гущу зеленого тростника, пока перед ними не начинала сверкать чистая голубая гладь озера. Тогда они останавливались и, с облегчением переводя дух, оглядывали оставленное позади обширное поле тростниковой стерни. Прежде чем начать новый ряд, они сносили на берег брошенные ими на пути охапки срезанного тростника.

Пыхтя и задыхаясь, брели они по воде, таща за собой тяжелые, длинные стебли. Люди были мокры и измазаны в тине до пояса. Плотные, намокшие юбки женщин били их по ногам. На некоторых женщинах были мужские брюки. Счастливцы, обутые в сапоги, могли кое-как уберечься от воды, но зато им гораздо труднее было вытаскивать ноги, когда они увязали в трясине между кочками. У Катрины всякий раз сердце уходило в пятки, когда она, ступив мимо кочки, чувствовала, как дно подается под нею. Она не так легко справлялась с работой, как другие, которые сызмальства занимались этим делом и быстро отыскивали самые надежные бугорки. Выбравшись на берег, батраки сваливали тростник в кучу на лужайке, а пятнадцатилетняя дочь Бэды, Лидия, связывала его в небольшие снопы.

Ларссон пришел поглядеть, как идет работа. Это был средних лет человек с окладистой бородой и здоровым румянцем на обветренном лице моряка. Он стоял, широко расставив ноги в высоких сапогах, и покрикивал на батраков в тростниковых зарослях:

— И это все, что вы сделали? Веселей, братцы! С этим тростником мы всегда в два дня управляемся!

— Уж больно он, окаянный, разросся нынче! — закричал ему в ответ один из батраков.

— Вот и ладно, — сказал Ларссон. — Тростник нам нужен. Женщинам будет чем перины набить. Да и резать-то его лучше. Эй, Катрина, ты уж не оставляй вон тот славный, густой пучок!

Катрина вернулась назад и снова попыталась достать серпом колеблемые ветром светлые стебли на высокой кочке далеко в воде. Но когда ноги ее стали погружаться в ил, она испуганно отскочила. Вспотевшая и красная от подавляемого страха, она выбралась из тины, доходившей ей почти до подмышек. Ларссон замахал руками и закричал:

— Ничего, иди, иди, Катрина! Как малость поглубже, так тебе уж мерещится, что ты тонешь.

— Да тут не достать никак.

— Иди-ка ты, Август, и срежь этот пучок. А то Катрине, вишь, боязно что-то. — Капитан презрительно рассмеялся.

Батрак в несколько прыжков подскочил к кочке и протянул серп, чтобы захватить качающиеся стебли. Но вдруг он провалился в воду, и ему пришлось на четвереньках выкарабкиваться из трясины.

— Черт дери! Тут и дна нет!

Ларссон повернулся к девочке, стоящей на берегу:

— Попробуй-ка ты срезать тростник. Ты ведь маленькая да легонькая.

Но тут Бэда вышла из себя и закричала:

— Стой где стояла, Лидия! Господи, Ларссон, да нешто у тебя и без этого несчастного стебелька корму для скотины мало?

— Я просто не хочу, чтобы он торчал тут. Весь вид портит.

— Вид портит! Эх, душа из тебя вон! — сплюнул один из батраков.

А батрак Август закричал:

— Уж коли ты так о виде печешься, то взял бы да сам и срезал этот чертов стебель.

— И сапоги у тебя для этого в самый раз, — добавила Бэда.

Ларссон, бледный от злости, поспешил уйти. Хуже этого ему еще ничего не доводилось переносить. Его, капитана и богача, изругали на чем свет стоит его же работники, служанки, батрачки. Да еще вдобавок обратились к нему на ты.

Сердце Катрины ширилось от радости. Никогда прежде не видела она, чтобы батраки таким путем обнаруживали свой нрав. «Так и нужно, — думала она, — нельзя позволять, чтобы с нами как со скотиной обращались».

Весь день у нее душа была не на месте. Эта работа была ей теперь наверняка не на пользу. Иногда Катрина замечала, что Бэда испытующе поглядывает на нее. Затем, когда обе женщины столкнулись на берегу, каждая со своей ношей, Бэда по праву старшинства заявила:

— Ты, Катрина, на берегу останешься, а Лидия вместо тебя пойдет.

Катрина покраснела от неожиданности, но в душе она была очень благодарна Бэде; да и девочка обрадовалась перемене работы. Но Август недовольно проворчал:

— Это что же, выходит, самая расторопная да здоровая работница станет снопы на берегу вязать?

Бэда ткнула его кулаком в бок и добродушно сказала:

— Помолчи-ка, не твоя это печаль.

Вечером, когда обе женщины устало плелись в гору, к своим лачугам, Бэда спросила Катрину:

— Никак ты, Катрина, ребеночка ждешь?

— Верно, — пробормотала молодая женщина.

— Ах ты господи! — громко вздохнула Бэда, словно вспомнив что-то из времен собственной молодости. Затем она сказала: — Детишки-то не беда, коли есть в домишке еда. А вот глядеть на голодные рты не очень-то весело.

— Ясное дело.

— Когда ожидаешь-то?

— В апреле, — ответила Катрина, слегка покраснев.

— Ладно хоть, что мужик-то твой как раз дома будет.

Катрина вопросительно посмотрела на товарку.

— Ну, до того, как он весной опять в море уйдет.

— А! Ну да!

Осень приближалась медленно и словно бы нехотя. До самого последнего времени стояли теплые, солнечные дни, но во время сбора картофеля начались дожди и холода, и стало рано темнеть. Для Катрины наступило трудное время. Нурдквист и Свенссон оба требовали ее к себе, и она работала то в одной, то в другой усадьбе. Иногда она нанималась и к другим хозяевам. Подчас ей хотелось на день-другой остаться дома или хоть выспаться как следует утром. По мере того как ребенок рос в ее утробе, она становилась все более грузной и неповоротливой и быстро уставала. Но предстоящая зима страшила ее как нечто грозное и неведомое, и она должна была приложить все усилия, чтобы, подобно белке,

натащить запасов в свое гнездо. У нее было несколько мерок ржи, полученных за молотьбу, и купленный у рыбака бочонок соленой салаки. Теперь она заработала и немного картошки. Но подпола в доме не было, и Катрине негде было хранить свои тяжким трудом приобретенные скудные припасы. Раздобыв в лавке деревянный ящик, Катрина ссыпала в него картофель; его пришлось поставить в комнате, чтобы спасти от мороза. Хуже всего было с мукой, которую мыши грозили уничтожить дочиста. В конце концов Катрина догадалась подвесить мешок с мукой к потолку. Бочонок с салакой стоял за дверью в темных сенцах. Рыба оказалась чересчур соленой для привередливых грызунов, и они оставили ее в покое.

Дни становились все короче. Иногда с неистовой силой бушевали осенние бури, сотрясая пожелтевшие деревья; и сухая листва вихрем кружилась в воздухе. В такие дни крестьяне бросали все дела и спешили на ветряные мельницы, чтобы смолоть озимое зерно. Повсюду на высоченных холмах то быстро, то медленно вертелись серые или красные крылья мельниц, и жутко было слышать в осенние сумерки их жалобный, заунывный скрип.

В эту пору почти всех женщин на острове обуяла одна и та же общая забота: они тревожились о своих находящихся в море мужьях и сыновьях. Нурдквиста одолевали вопросами: не слыхал ли он чего о таком-то судне? Скоро ли придет в гавань такая-то шхуна? Бэда также ходила с озабоченным лицом, то и дело обращая взгляд к флюгеру на флагштоке. Ее старший сын ушел в плавание, и она знала, что сейчас судно находится где-то в Балтийском море.

Катрина думала, что и ей следовало бы разделять общие тревоги, но она ощущала поразительное равнодушие, как будто все это нисколько ее не касалось. Она понятия не имела, где сейчас Юхан и когда он вернется домой, да и не интересовалась этим.

Репа и овощи были убраны, скотину по ночам уже загоняли в хлева. Затем подошло время убоя, и Катрину стали звать в усадьбы делать колбасы, кровяные хлебцы и рулеты, солить мясо и окорока.

Ей вспомнилось время осеннего убоя у них дома. Она видела перед собою припасаемые на зиму огромные чаны с жирными окороками и длинные жерди с сушеным мя-

сом. В здешней стороне шли такие же приготовления к холодной зимней поре, только теперь Катрина должна была делать все это для других. В ее собственном убогом домишке не было заготовлено на зиму чанов со снедью.

Поздней осенью, после того как уже несколько раз выпадал снег, крестьяне стали отправляться на свои островки, чтобы привезти домой овец. Катрину позвали ехать на остров Свенссона вместе с его батраками.

День выдался очень холодный, и Катрина надела плотную темную юбку и привезенную из дома теплую куртку. Она рада была, что хоть эту одежду захватила с собой из Эстерботтена. Они отправились в путь на большой лодке, Свенссон и два его батрака — Густав и Петер, служанка Лиза и Катрина. Мужчины налегли на весла, а Свенссон, который сидел на носу, казался совсем окоченевшим, хотя на нем были огромный тулуп и высокая меховая шапка. Женщины, пристроившись на корме, пытались поплотнее закутаться в куртки.

Причалив к островку, они вытащили лодку на прибрежные камни, а сами пустились на поиски овец.

Это был довольно большой остров, разделенный между тремя владельцами. Участок Свенссона находился как раз посредине и пересекал весь остров. С севера и юга участок был отделен изгородями, с востока и запада граница шла по воде. На лесной опушке к изгороди примыкал небольшой загон.

— Ну, братцы, за дело, — сказал Свенссон. — Надо выловить овец и доставить их в хлев.

Он пошли на поиски через лес, держась на равном расстоянии друг от друга, и в воздухе звенел манящий зов Лизы:

— Овечки, овечки, овечки, сюда, сюда, сюда!

Свенссон тоже попробовал манить овец своим жалобным голоском, но так как он запыхался от усилий, таща по пригоркам и через кустарники свою толстую, закутанную в тулуп тушу, то не сумел издать ни одного звука. Время от времени он спотыкался на каком-нибудь скользком бугорке и, чуть не плача, сыпал проклятиями. Густав хохотал во все горло и непочтительно орал:

— Эй ты, куль с требухой, сидел бы уж лучше дома за печкой!

— Гляди, гляди! Вон овцы! — вдруг закричал Петер.

— Где, где?

Поднялась бесшумная беготня среди деревьев и кустарников. Нужно было окружить испуганных одичавших овец и погнать их к загородке. Пугливые животные остановились на мгновение, озирая своих преследователей, а затем бросились вперед по протоптанным ими же тропкам.

Лиза воскликнула:

— Гляньте, они прямо к загону бегут!

— Эх, черт! — пробормотал Петер. — Кабы они только назад не повернули!

Погоня шла через лес, по кустам и пригоркам. Катрине стало жарко, и она, запыхавшись, сбросила с головы теплый платок. Ее светлые волосы развевались по ветру.

Стадо бежало по лесу. Все, казалось, шло хорошо, но вдруг овцы повернули в сторону, к северной изгороди, где караулила Катрина.

— Катрина! Катрина! Христом-богом молю, не пропускай ты их! — истошно завопила Лиза.

Перескакивая через лужи и поваленные деревья, Катрина как сумасшедшая бросилась наперерез быстроногому стаду. Ей удалось перехитрить животных, гиканьем и криком заставить их повернуть обратно. Стадо послушалось, и Катрина с облегчением перевела дух. Но тут животные снова повернули в сторону и вихрем пронеслись мимо Катрины, не обращая внимания на ее отчаянные жесты и крики.

— Катрина, Катрина! — заорали батраки во всю мощь своих легких и бросились ей на помощь. Запыхавшаяся, с пылающими щеками и покрытым испариной лбом, обливаясь пóтом, Катрина пустилась вдогонку за стадом. Она сделала отчаянную попытку остановить быстрых, как молния, животных, но вдруг поскользнулась на обледенелом пригорке и полетела лицом вниз. А стадо промчалось мимо нее вдоль изгороди и скрылось в глубине острова.

— А, дьявол! — выругался однн из батраков.

— Ну, теперь их нам нипочем не поймать. Ишь как напуганы, — с трудом выговорила Лиза.

Тут из-за кустов послышался слащавый голосок Свенсона:

— Ну как, братцы, загнали овец?

Петер напустился на него:

— Это ты стадо спугнул! А они уж, почитай, все равно как в хлеву были.

— Да ну?

— Вот те и ну. Держись-ка лучше в стороне, а то как бы твоим овцам на острове зимовать не пришлось.

— И то правда, поплетусь-ка я потихоньку в лодку,— сказал Свенссон и с неожиданным проворством поспешил прочь. Он был очень напуган.

Катрина, замирая от страха, поднялась на ноги и залилась слезами. Она постоянно боялась, как бы не приключилась какая-либо беда с ее теперь таким чувствительным телом, в котором развивалась новая жизнь. Не в ее обычае было хныкать по пустякам, но сейчас она была до того измучена, что нервы ее не выдержали. Опустившись на камень, она всхлипывала, как малое дитя, и вытирала слезы кончиком платка.

Голоса остальных постепенно исчезли вдалеке. Над Катриной шелестели деревья, а за лесом слышался глухой рокот моря. Стволы скрипели под ветром, где-то на ветке громко пела птица. Неподалеку от Катрины скакала по траве серо-коричневая белочка.

Катрина протяжно, со всхлипом вздохнула. Так покойно и тихо было в лесу! Казалось, сам воздух, словно целительный бальзам, врачевал изболевшуюся душу. Ах, если бы можно было навсегда остаться здесь, на камне, и никогда больше не возвращаться к людям! Сидеть так, без мыслей и чувств, покуда мох не покроет ее мягким зеленым ковром, вот как эти камни вокруг. Но нет, она еще не покончила счеты с жизнью. Ей нужно бороться дальше.

Катрина расправила платок на голове, завязала его потуже и поднялась с камня. Затем она пошла на звук слабо доносившихся из глубины острова голосов, чтобы снова приняться за дело.

Мало-помалу им удалось загнать овец и закрыть загородку. Притащился сидевший около лодки Свенссон и принялся пересчитывать беспокойное стадо. Катрина и Лиза мягкими шнурками связали ноги животным, чтобы они не могли убежать. Парни перенесли овец в лодку и уложили их вплотную друг к другу.

Возвращаясь домой, все промокли и продрогли. Парни сидели на веслах, а женщины присматривали за беспокойными овцами, которые то и дело порывисто вскакивали, пытаясь подняться на связанные ноги.

Людям, разгоряченным беготней на острове, теперь приходнлось сндеть неподвижно, и от этого по телу пробегал холодный озноб. Из-за снльного ветра их то и дело окатывало брызгами ледяной воды. Еще до того, как они достнглн Ботвнкена, наступнла темнота, и холод ударил не на шутку. Их промокшая одежда замерзла и с хрустом била по ногам, когда они переносилн овец с лодки в поджндавшую на берегу телегу. Дрожа всем телом и стуча зубамн от холода, шлн они рядом с телегой к поселку.

— Катрнна, — сказала Лнза, — тебе непременно отогреться надо. Надень все сухое да выпей чего-ннбудь погорячей.

— Ага, — пробормотала Катрнна. А про себя подумала: «Откуда же взять горячего, колн в доме и дров-то нет. Надо сперва в лес за хворостом сходнть».

Когда она свернула к верхнему поселку, Свенссон пропнщал ей вслед:

— Спокойной ночн, Катрнна. Завтра приходи стрнчь овец. Получншь шерсть за это.

— Спокойной ночн, — ответнла Катрина.

Прндя домой, она выпнла немного холодного синеватого молока и съела кусок черствого хлеба с соленой салакой. Дрожа от холода, она легла в постель, накинув на себя все отыскавшееся в доме тряпье.

Под утро она забылась неспокойным сном.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЮХАНА

Прнблнжалось рождество, и Катрнна думала о том, что теперь у ннх, в Эстерботтене, все кругом тихо н бело под плотным снежным ковром. А здесь, на Аландах, снег сразу же таял, оставляя на дорогах н тропках непролазную грязь. Голые деревья н обнаженные серые скалы в зимних сумерках прндавали острову Турсё особенно неприютный внд. Ветер ненстово бнлся об углы лачуг н завывал в трубах. Суда одно за другим прнходилн в гавань и бросалн якорь в Ботвнкене. И Бэда, дождавшись наконец своего парня, выглядела теперь чуть повеселее. Но о Юхане всё еще не было ни слуху ни духу. По ночам, лежа одиноко в своей лачуге, Катрина прислушивалась

к реву осенней бури, которая неслась с моря и с особым неистовством обрушивалась на незащищенные лачуги на горе, над поселком. Множество пугающих звуков слышалось во тьме. Лисицы, не таясь, бродили по поселку между Северным и Южным лесами. Путь их обычно проходил позади избушки Катрины. Она часто слышала вой этих коварных опустошительниц курятников, и зловещие звуки леденили кровь в ее жилах. Вой лисиц неминуемо предвещал смерть и поэтому вызывал еще больший страх и отвращение.

Молодая морячка стала еще острее чувствовать свое одиночество, и ей захотелось, чтобы муж поскорее вернулся из плавания. Каковы бы ни были их отношения и как бы мало доверия она ни питала к нему, все-таки он был живым существом, чья близость избавит ее от невыносимого одиночества. Однажды она спросила Нурдквиста:

— Не слыхать ли чего о «Фриде», капитан? Когда она домой-то воротится?

— Придется тебе, девушка, еще малость обождать. У них поздний фрахт в Англию. При попутном ветре к рождеству прибудут домой, — ответил тот.

За несколько дней до рождества явился Юхан. Он ничуть не изменился. С матросским мешком за плечами, лихо сдвинув шапку набекрень, шел он вверх по скале все той же валкой, моряцкой походочкой.

— Гей, Катрина! — еще издали весело закричал он.

Катрина неожиданно почувствовала радость и помимо воли вышла на крыльцо навстречу мужу. Сама того не замечая, она приветливо улыбалась.

Юхан сбросил с плеч мешок и обнял жену.

— Как живешь-можешь, старуха?

— Ничего, — ответила Катрина.

— Ну, видать, я — парень первый сорт, коли жена на крыльце дожидается. Право слово!

— Ты теперь дома останешься?

— «„А то как же", — сказала Эва». — Пора бы уж как будто. Лето, черт его дери, страсть как долго тянулось.

— Да.

— Скажи на милость, не иначе, как кофейком пахнет. Убей меня бог, совсем иное дело вернуться домой, когда тебя кофе в очаге дожидается.

— Да ты войди в дом-то.

Когда Юхан вошел в комнату, глаза его широко раскрылись.

— Видали такое? Ну, дом точно подменили. Тепло да чисто. Говорил я, что Катри — баба хоть куда!

Он снова принялся обнимать жену и попытался было ее поцеловать, но Катрина оттолкнула мужа.

— Будет тебе, — сухо промолвила она.

Однако это нисколько не испортило безмятежного настроения Юхана. Он слонялся по комнате из угла в угол, трогая то одну вещь, то другую.

— Вот теперь-то я чувствую, что вернулся домой, — то и дело повторял он.

Катрина налила кофе и пригласила Юхана сесть за стол. Как обрадованный мальчик, подскочил он к столу и усердно принялся накладывать себе угощение. Катрина села напротив.

Потягивая из блюдечка обжигающий напиток, Юхан глядел на жену и широко ухмылялся.

— Слышь ты, — сказал он, — а письмо-то я получил. Парни уши навострили, как шкипер стал мне читать его. Так, стало быть, Эрикова свинья принесла десять поросят, а у Августы из Бергхольма двойняшки родились?

Катрина изумленно раскрыла глаза.

— Да уж, много там вестей было, в письме-то.

— А! — воскликнула Катрина, вспомнив пространное, убористо исписанное письмо Эльвиры. Но неужто Юхан ничего не скажет о ребенке? Неужто не спросит, каково-то ей пришлось все это лето и осень одной на чужбине?

Юхан встал из-за стола и начал развязывать свой мешок.

— А я тебе, Катри, гостинец привез, — гордо объявил он.

— Да ну? — откликнулась приятно удивленная Катрина.

— И еще какой!

С довольной улыбкой он развернул перед женой нарядную шелковую шаль.

— Ну, что скажешь?

Невесело рассмеявшись, Катрина взяла подарок. Насколько было бы лучше, если бы Юхан купил ей теплое шерстяное платье или пару башмаков, подумала она.

Не говоря ни слова, Катрина сложила шаль и спрятала ее в ящик комода.

Роясь в своем мешке и выбрасывая оттуда на диван грязные рубахи и кальсоны, Юхан вдруг заметил недошитую фланелевую распашонку. Схватив крохотное платьице, он поднял его перед собой, смеясь и кивая хлопотавшей у очага Катрине.

— Да, да, Юхан с Клинтена скоро папашей станет,— довольным тоном проговорил он и, весело насвистывая, снова принялся рыться в котомке.

Катрина, которая мыла возле печи посуду, тяжело вздохнула.

Затем она занялась одеждой Юхана. Она выстирала и починила ее. Нижнее белье у него было серое и застиранное. Она осмотрела его башмаки.

— Тебе надо починить свои башмаки, и мои тоже.

— Ладно, только не сегодня. Завтра.

На следующий день, когда он дремал на диване, Катрина напомнила ему об этом. Но он отделался все той же отговоркой:

— Завтра сделаю.

В конце концов Катрине надоело понукать его. Она думала о том, что им предстоят долгая зима и весна, и знала, что провизии на двоих не хватит. Юхан привез домой несколько марок, и Катрина уговорила его приберечь их до весны, когда у них родится ребенок. Он послушно спрятал деньги в комод, но вскоре Катрина заметила, что он раз за разом таскает по нескольку монеток, чтобы купить на них сластей в лавке, где он вместе с другими мужчинами коротает долгие зимние вечера. Катрина не стала выговаривать ему за это — ругань и попреки всегда были ей не по душе. А прятать от него деньги она тоже не хотела. Ведь как-никак деньги эти принадлежали Юхану: он сам их заработал. Но сердце ее сжималось при мысли о том, что все было бы иначе, если бы муж был ей надежной опорой, сочувствовал ей и так же, как она, старался бы обеспечить будущее их ребенка. Будь у нее муж кутила и мот, она нашла бы для него суровые слова, но против беспечного, ребяческого неразумия Юхана бессильны были любые попреки.

Именно благодаря беспечности и неразумию он дочиста проматывал то немногое, что ему удавалось заработать. Это Катрина поняла очень скоро. Он покупал

дорогие, ненужные вещи, позволял своим приятелям надувать себя, выменивая у них железные коробочки, старые часы и всякую нестоящую ерунду. Нередко он попросту терял свои деньги. Он не пил и не курил, но был очень охоч до сладостей и каждый день покупал на несколько пенни карамелек. Катрина без труда представила себе, как его скудный заработок уплывает летом в заграничных портах, где сверкающие витрины и беззастенчивые дружки соблазняют его доверчивую душу.

Она узнала, что большинство вернувшихся домой моряков раздобывают себе на зимнее время какую-нибудь работу. Вот и сын Бэды, Альгот, нанялся к Свенссону лесорубом. Труд тяжелый, а платы почти никакой, но по крайней мере родителям не приходится кормить его. Катрина решила серьезно поговорить с мужем:

— Ты бы, может, Юхан, работенку какую себе раздобыл. Запасы-то у нас невелики: только муки да картошки немного. Не прокормиться нам будет. Я и сама пошла бы, да только теперь для меня работы не сыскать.

Юхан лениво зевнул:

— О-хо-хо-хо! Капитан Нурдквист хотел меня лесорубом взять, да мне вроде неохота.

— Неохота тебе! — повторила Катрина, вспыхнув.— А вот я, кабы не на сносях, сама к нему нанялась бы. Я в лесу работала.

Юхан сел на диван и расхохотался.

— Да уж, убей меня бог, из тебя, Катри, знатный бы вышел лесоруб. Ей же ей, ты самая здоровая баба на Турсё... Да и самая красивая, — гордо прибавил он.

Катрина безнадежно вздохнула. Ну ничего-то человек не понимает!

В конце концов он все-таки нанялся к Нурдквисту лесорубом, и жена немного воспрянула духом. Но вскоре она заметила, что проку от этого не было ничуть. Так как зимою рабочих рук хватало с избытком, оплачивался труд чрезвычайно низко. По вечерам Юхан возвращался домой в промокшей и до того изорванной одежде, что в ней и чинить-то уж нечего было. Чтобы платье за ночь просохло, нужно было все время поддерживать в печи большой огонь, а на это уходило много дров. Нередко Юхану приходилось натягивать на себя еще сырую, холодную одежду, и он почти всю зиму был простужен, кашлял и чихал.

Муж Бэды, молчаливый, рано одряхлевший человек, на десять лет старше жены, батрачил на Свенссона в течение пятнадцати лет, а нынешней осенью капитан уволил его, придравшись к какому-то пустяку. По словам Бэды, истинная причина была в том, что муж ее сделался стар и слаб и не мог больше работать так, как нужно было Свенссону. Не сумев найти работы в своем поселке, старик нанялся батраком на Дубовый остров, к землевладельцу Экваллю. Каждую субботу вечером Андерссон приходил домой к жене и детям и оставался на воскресенье.

Но однажды субботним вечером в конце марта муж не явился домой, и Бэда не могла понять, что такое с ним стряслось. После, однако, она успокоилась, услыхав в поселке разговоры о том, что лед уже стал обманчив и ненадежен. Само собой, Андерссон — мужик осмотрительный, вот он и остался на острове из-за распутицы.

Спустя неделю, в среду, сын Экваллея, явившись в Вестербю за покупками, заглянул по пути в избушку Андерссонов. Появление на холме Клинтен такого изящного господина вызвало в батрацкой лачуге целый переполох. Это был долговязый юноша, напоминающий Юхана своей расхлябанной, небрежной походкой. Ему пришлось согнуться в три погибели, когда он проходил под низким дверным косяком.

— Добрый день, — сказал он.

— Добрый день, входите, милости просим садиться, — ответила Бэда и передником вытерла сиденье стула.

— Да нет, сидеть я не буду. Я пойду сейчас... Я только зашел спросить, отчего это Андерссона не видно? Никак, знать, с молодухой не расстаться? А?

— Как это не видно? — вскричала Бэда, позабыв о своем смущении. — Да где ж он тогда? Он с прошлого воскресенья дома не был.

— Да как же, ведь он и в это воскресенье приходил.

— Не было его! Я тревожилась сперва, а потом смекнула, что нынче-то лед подтаял на заливе.

— Но ведь он в прошлую субботу, как всегда, ушел с санками с Дубового острова. С той поры мы его не видали.

Бэда тяжело опустилась на стоящий рядом стул. Лицо у нее посерело.

— Стало быть, он потонул! — крикнула она таким отчаянным голосом, что дети испуганно оглянулись на нее.

Молодой Эквалль смущенно прокашлялся.

— Ну, уж так сразу и потонул. Арвид, наверно, не домой шел. — Но говорил он это не слишком уверенным тоном и нисколько не рассеял опасений Бэды.

— Да куда ж ему окромя дома-то идти? Нет, чует мое сердце, потонул он!

Бэда в отчаянии ломала руки.

— У быстрины-то лед здорово подтаял. Но до прошлой субботы уж четыре дня оттепель была, а Андерсон — мужик осмотрительный. Пока еще не будем терять надежду. Мы пошлем народ на розыски. — С этими словами молодой Эквалль поспешно покинул лачугу.

Но Андерссон исчез бесследно, и всем было ясно, что он погиб, проходя через залив по ненадежному весеннему льду.

Это было страшным ударом для Бэды, которой теперь приходилось одной кормить целую ораву детишек мал мала меньше. И когда Катрина думала об этом, ей начинало казаться, что жизнь слишком уж непереносимо жестока.

Катрина ничем не могла помочь соседке, а участливые слова казались ей пустыми и бессмысленными. Но она понимала, что лишь одно ее присутствие приносит Бэде облегчение, так как та инстинктивно чувствовала, что в грубоватом молчании Катрины было больше симпатии и понимания, чем в пространных, пересыпанных цитатами из библии излияниях зажиточных хозяек. Поэтому Катрина, захватив с собой вязанье или детское шитье, часто уходила к соседке.

Однажды после обеда Катрина, как обычно, молча сидела на стуле со своим вязаньем. Вдруг в комнату, хромая и опираясь на палку, вошел Свенссон. В руке у него была корзина.

— Здравствуй, Бэда, — пропищал он. — Сказано в писании: посети вдовых и сирых, и я-то уж не вовсе без креста, хоть грехов у меня много. Вот я и решил проведать тебя. Принес тебе мясца сушеного да лепешечек пару. Это капитанша посылает.

Бэда стояла посреди комнаты, против Свенссона. Губы ее шевелились, но она не в силах была произнести

ни звука. Вдруг в ней точно что-то прорвалось. Она не обладала выдержкой и ледяным спокойствием Катрины, она рыдала от злости и между всхлипываниями кричала в лицо фарисею-благодетелю:

— Вы бы прежде о боге-то подумали! Тогда не было бы сирых да вдовых до времени. Ишь явился сюда со своей милостыней! Арвид-то все свои лучшие годы спину на вас гнул за медный грош. А зимою, после того как он все лето и осень надрывался, вы его в шею вытолкали. Кабы не вы, не пришлось бы ему искать работу, да из деревни уходить, да в распутицу по льду таскаться. А теперь вы добрым христианином прикидываетесь. Плевать я хотела на такого христианина!

— Правду сказать, спасиба я от тебя и не ждал, потому в нынешнее время бедняки благодарности не чувствуют, но уж и не думал я, что ты меня так честить станешь. Что до Андерссона, то мне лучше знать, как было дело. Последние четыре-пять лет он и харч-то не отрабатывал, не то что плату. Да только мне вас было жаль, вот я и держал его. Коли это не христианский поступок, то уж и не знаю тогда. Кому бы это нравилось — платить из года в год деньги никудышному работнику? Но когда Андерссон стал к тому же и огрызаться, тут уж я не стерпел.

— Это он-то никудышный! Он, может, был не такой прыткий, как молодой парнишка, но вам-то известно, что он никакой работой не гнушался. Хоть среди ночи подними его — пойдет куда угодно. А конюх-то он был хороший и упряжь берег. Да и сам Эквалль сказывал, что Арвид все делает на совесть, и он им доволен.

Голос женщины пресекся от бурных рыданий.

Свенссон продолжал:

— Ты, Бэда, говори, да не заговаривайся. Для твоей же пользы предупреждаю. Не забывай, на чьей земле ты живешь. Я хоть и добрый христианин, но и у меня терпение может лопнуть.

Бэда пыталась что-то ответить, но губы ее только беззвучно зашевелились, и она беспомощно махнула рукой. Катрина, которая слушала эту перепалку, сурово сжав губы, увидела теперь, что соседка совсем вне себя. Тогда она резко встала и жестом указала на дверь.

— Вон отсюда, ханжа, притворщик проклятый! — приказала она.

Свенссон повернулся и поспешно исчез. Катрина взяла корзинку и швырнула ее вслед ему в сени.

— А это своей капитанше отдай! — прокричала она.

Затем захлопнула дверь, тяжело дыша от волнения. С помощью Лидии Катрина раздела Бэду, уложила ее в постель и напоила теплым молоком. Увидев, что женщина немного успокоилась, Катрина распрощалась с соседями, наказав девочке хорошенько присматривать за матерью.

ПЕРВЕНЕЦ

Подходил срок родов, и Катрина стала раздумывать над тем, как бы ей уладить дело с повитухой. Она заговорила об этом с Бэдой.

— Приходская-то повитуха на Длинной Косе живет, — сказала Бэда. — Тебе надо с кем-нибудь из крестьян наперед уговориться, чтобы лошадь дали, когда понадобится.

— Юхан, — обратилась Катрина однажды вечером к мужу, который, сидя у печи, разбирал старые часы. — Времени-то уж немного осталось. Бэда говорит, надо попросить у кого-либо из крестьян лошадь, чтобы повитуху привезти.

— Ну, лошадь-то мы всегда достанем, они у всех есть: у Нурдквиста, у Свенссона, у Ларссона, у Сеффера, — рассеянно ответил Юхан, продолжая ковыряться в часах.

Катрина некоторое время молча разглядывала мужа, а затем сказала:

— Так ведь с хозяевами поговорить сперва надо, Юхан.

— «„Холл рэйт", — сказал англичанин».

Так прошло несколько дней, а Катрина все обсуждала про себя это дело. «Отчего бы мне самой его не уладить, как все прочее? — думала она. — Тогда-то я уж наверняка буду знать, что все будет сделано как следует». Но затем она упрямо возражала себе: «Нет, не мне нужно хлопотать об этом, и я не стану». Что-то здесь претило ей. Она смутно чувствовала, что имеет теперь право на ласку и заботу, даже если и достаточно сильна, чтобы самой позаботиться о себе. И она все вы-

жидала — ей хотелось испытать хоть немного той нежности, в которой так нуждается в этих случаях всякая женщина.

Но напрасно надеялась она, что Юхан что-то предпримет и позаботится о ней.

Однажды она села на диван рядом с мужем, положила ему руки на плечи и просительно сказала:

— Гляди на меня, Юхан. Слушай, что я скажу, и ни про что другое не думай. Сходи нынче же к Эрику да попроси, чтобы он держал наготове лошадь для нас. Неужто ты ничегошеньки для меня сделать не хочешь? Дите-то ведь и твое тоже! Неужто ты не поможешь мне хоть немного?

Проникновенный голос жены подействовал даже на беспечную душу Юхана, и он с уважением посмотрел в ее умоляющие глаза. Протягивая руку за шапкой, он произнес с непривычной серьезностью:

— Да, я сейчас и пойду, Катрина. Эрик копает ров у себя на поле, пойду туда. — Он направился к двери, но, взявшись за ручку, помедлил и нерешительно спросил: — Слышь ты... А на какой день лошадь-то просить?

— Да что ты, Юхан, — засмеялась она чуть раздраженно, — кто же в точности знает? Ты просто расскажи Эрику, уж он сам тогда поймет.

— Холл рэйт!

— Юхан!

Никакого ответа.

— Юхан!

— М-м-м! — сонно промычал Юхан из-под одеяла.

— Да проснись ты, Юхан! Время за повитухой ехать.

Муж сел на постели и спросонок вытаращил на жену испуганные глаза. Всклокоченные волосы торчали у него на голове во все стороны.

— За повитухой!

Он мгновенно соскочил с постели и стал поспешно одеваться при слабом свете, просачивающемся в оконце. Он снял висевшие у печи негнущиеся, перемазанные глиной брюки, но в спешке и волнении никак не мог попасть ногой в штанину.

Эта неуклюжая возня с брюками придавала ему смешной и беспомощный вид, и Катрина, которая с кро-

вати наблюдала за ним, почувствовала, как в ней поднимается волна нежности к мужу. Теперь она яснее чем когда-либо ощутила, что между нею и мужем существует некая связь, которая соединяет ее с ним теснее, чем с кем бы то ни было на свете. Светлая, прекрасная улыбка озарила на мгновение ее бледное лицо, и на испуганной физиономии Юхана тоже появилось некое подобие улыбки. Забыв надеть шапку, он ринулся к выходу. Катрина слышала его быстрые удаляющиеся шаги на пригорке. Потом все стихло.

Сбежав с холма, Юхан помчался к усадьбе Эрикссона. Он обогнул дом и стал стучаться с черного хода в окно маленькой каморки. Он стучал долго, но в доме не видно было никаких признаков жизни. Наконец в окне показалось красивое, рассерженное лицо молодой хозяйки.

— Что это, уж и среди ночи в собственном доме покою нет! В чем дело?

— Повитуха! — выпалил Юхан.

— Да нам-то что до этого?

— Хозяин Эрикссон лошадь обещал дать.

— Не знаю, не знаю, он мне ничего про это не говорил. Он на Фаста-Аланд уехал, а я ничем помочь не могу. Ты бы у Нурдквиста или Свенссона лошадь-то попросил. Ведь вы всё больше на них работаете. Пускай они и дают лошадей.

Она исчезла в глубине комнаты, а растерянный Юхан остался стоять в темноте, дрожа от холода. Потом он сорвался с места и бросился бежать по саду. Перемахнув через забор усадьбы Нурдквиста, он подскочил к дому и принялся барабанить в кухонное окно. Одна из служанок отворила дверь и спросила:

— Это ты, Юхан? Тебе что надо?

— Мне лошадь... За повитухой... — пробормотал Юхан.

— О господи! Постой-ка, я сейчас.

Девушка убежала в дом. Спустя несколько минут она вернулась, и Юхан встретил ее жадным, вопросительным взглядом.

— Капитан говорит, тебе бы раньше надо было с ним уговориться. Он говорит, лошади, мол, у него больно резвы, а ты, дескать, ездок никудышный...

Юхан содрогнулся.

— Стало быть, не даст он лошадь?

— Да, выходит так. Совести у них нет. Попытай-ка ты счастья у Свенссона.

Юхан снова пустился в путь. Он пересек «площадь» и помчался по большаку на юг, к дому Свенссона. Сам капитан отозвался на его стук. На просьбу Юхана он ответил своим жалобным голоском:

— Жаль мне тебя, парень, да только, правду сказать, никакой черт не пошлет своих лошадей в этакую пору по рытвинам да ухабам к Длинной Косе скакать. Ты бы к Нурдквисту сходил, ведь у него же ты лесорубом работал.

Юхан, казалось, потерял дар речи. Но тут он вспомнил о Сеффере — и снова давай бог ноги!

— О господи, господи! — чуть не плача, повторял он, стремглав летя к усадьбе напротив прямо через вспаханное поле. От талого снега в бороздах было полно воды, и под ногами хрустел тонкий ледок, образовавшийся от ночных заморозков. Перескочив через изгородь, Юхан попал во двор усадьбы Сеффера. Безуспешно постучавшись в окна, он подбежал к двери и стал что есть мочи колотить в нее. Наконец в сени вышел сам старый Сеффер. Старик выглядел весьма неказисто в грязных, серых подштанниках с большими заплатами на коленях. Длинная всклокоченная борода его стояла торчком, по шее и груди ползали насекомые.

— Кто это там в дверь бухает?

— Это я, Юхан с Клинтена.

— Ты? Что там стряслось?

— Мне бы лошадь занять за повитухой съездить.

— А, вона что! «„Как же, как же“, — сказала Эва». Входи, парень. Дам я тебе лошадь, вот только накину на себя кой-какую одежонку.

Юхан вошел в горницу следом за Сеффером. Старик исчез в соседней каморке, и тут же, шаркая стоптанными шлепанцами, явилась его жена. На ней была серая домотканая нижняя юбка с красной оборкой внизу. На затылке торчала тоненькая седая косица.

— Мы нынче хлебы пекли; я на жар-то кофеек поставила. Он еще горячий. Выпей чашечку, покуда отец собирается.

Юхан взял чашку и наскоро проглотил кофе.

— Спасибо, — сказал он.

Старуха стояла у печи, сложив руки на животе. Она заговорила жалостным материнским тоном:

— Стало быть, и Катрине горемычной маяться черед пришел. Тяжеленько ей придется, но уж зато после радости сколько! Да вот только как же ты, парень, в этакую-то беспутицу до Длинной Косы доберешься? Дороги-то, поди, страсть развезло.

Молодой Калле Сеффер свесил голову с верхней кровати в углу:

— Что стряслось? О чем разговор?

— Да вот отец лошадь обещал Юхану. Им повивальная бабка понадобилась.

— А, вон что! Пусть отец спать ложится. А ты, Юхан, ступай к своей молодухе. Я сам за бабкой съезжу.

Он соскочил с кровати и в две минуты натянул на себя одежду. Мать подала ему сушившиеся у печи навакшенные сапоги, и он быстро надел их.

— А и то правда, поезжай, Калле, ты лучше с лошадьми управишься, — сказала мать.

Юхан вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, который, долго блуждая по лесу, набрел вдруг на добрых, заботливых людей.

Отправляясь домой, он видел, как Калле рысью гнал лошадей на юг.

Катрина, лежа в постели, ждала его.

— Ты уж назад? А как же с повитухой, Юхан?

— За ней Калле Сеффер поехал.

— Сеффер?

— Ага.

Юхан сел у очага и принялся помешивать угли. Он выглядел усталым и подавленным. Время от времени он украдкой бросал на жену испуганные взгляды. Когда родовые муки оставляли Катрину, она лежала, разглядывая мужа, и ей становилось жаль его.

— Поставь кофейник, Юхан, да приготовь себе чего-нибудь поесть. И воды натаскай побольше,— сказала она.

К утру Сеффер привез повитуху, а спустя несколько часов родился ребенок — славный, здоровый мальчик. Бэда, увидев, что приехала повитуха, поняла, в чем дело, явилась и вызвалась помогать. Когда наступил решающий момент, она выставила Юхана за дверь. После она отыскала его за домом: он сидел на камне, понурив голову.

Бэда плутовато подмигнула ему:

— Пойдем-ка, папаша. Да гляди повеселей, а не то мальчонке стыдно будет за своего отца.

Юхан пошел за ней, все еще чувствуя себя обиженным мальчиком. В сенях он остановился, не решаясь войти, и с опаской заглянул в горницу из-за двери.

— Да иди ты, никто тебя не укусит, — подбодряла его Бэда.

Комкая шапку в руках, он наконец подошел к кровати. Катрина приветливо улыбнулась и показала ему ребенка. Широкая смущенная ухмылка разлилась по его лицу. Весь день он был необычно молчалив, и Катрина с удивлением поглядывала на него. Она лежала молча, отдыхая и наслаждаясь счастьем, которое доставляло ей ощущение покоившегося у груди ребенка.

После обеда повитуха и соседка ушли, и супруги остались одни. Поднявшееся над холмом весеннее солнце заглядывало сквозь маленькие окошечки, наполняя избушку светом и теплом. Юхан сидел у печи, Катрина лежала в постели. Иногда взгляды их встречались, но никто не произносил ни слова. Казалось, они не хотят нарушать царящий в доме торжественный покой.

В последующие дни Бэда забегала время от времени узнать, не нужно ли чем помочь. Но еду стряпал сам Юхан. К своему удивлению, Катрина заметила, что из их скудной провизии ему удавалось готовить вкусную еду. Однажды, обедая в постели, она, улыбаясь, подняла голову от тарелки с кашей и сказала:

— А ты, Юхан, славно стряпаешь!

Глаза мужа радостно засияли от этой похвалы.

— Да уж я наловчился. В первый-то рейс я поваренком плавал. И в зимнюю пору мне самому себе стряпать приходилось.

Катрина увидела, как тень грусти, едва приметная, прошла по его лицу, и почувствовала вдруг прилив горячего сострадания к мужу. У нее-то по крайней мере было беспечальное и обеспеченное детство, а вот он всю свою жизнь провел в бедности и одиночестве.

— Юхан, — попросила она. — Ты бы мне про свою мать рассказал. А то я ничего про нее не знаю.

Он попытался увильнуть от ответа:

— Да уж... чего там рассказывать?.. Гляди, гляди, кот Бэды какую крысу поймал!

— Расскажи, Юхан.

— Лед-то уж, почитай, весь растаял. Нынче навигация рано начнется.

— Она замужняя была, Юхан?

— Не-ет... Да тут и рассказывать-то нечего... Ишь кулачищи какие у парня! Ей-ей, лучшего мальчонки во всем приходе не сыскать.

— Она тут жила и нанималась работать, как мы?

— Ага... Сперва она батрачила на Дубовом острове.

— У капитана Эквалля?

— Ага. До того, как я родился.

— А после вы тут жили?

— Ага.

— Ну, а потом что было?

— Она вскорости померла.

— А тебе-то сколько лет тогда было?

— Точно не помню... Восемь, не то девять.

— Что ж ты делал один?

— А я у Нурдквиста батрачил.

— Это в восемь-то лет?

— Ага. Он сказал: «Я из тебя настоящего батрака сделаю».

— И ты с батраками жил, в темном подвале?

— Да нет, я тут ночевал, в доме.

— Совсем один! Такой-то малолеток!

— Да, капитан сказал, у него в людской народу полно, а тут дом все одно стоит пустой.

— Так ведь у него дом большой и комнат видимоневидимо! Кто же за тобой приглядывал?

— А чего там приглядывать?

— Ну, как же! Нешто может такое дите без присмотра быть?

— А что? Я и сам справлялся, холл рэйт! Только вот когда крысы шебаршились, такой меня страх брал!

Полная грудь Катрины тяжело вздымалась, и крупные слезы капали на одеяло. Юхан в изумлении уставился на нее.

Она взглянула на спящего ребенка и со страданием в голосе проговорила:

— А ну, как я помру, и ты помрешь, и останется наш мальчонка в восемь или девять лет сиротой, и возьмет его Нурдквист или кто другой в батраки, и придется ему

осенними ночами лежать да вой лисиц слушать, и никому-то до него дела не будет!

— Да уж будем надеяться...

— Надеяться! Мать-то твоя тоже небось надеялась, а что вышло? Ну нет! Мы, отцы да матери, на этой земле трудимся. Нам надо постараться, чтобы все на земле подругому устроено было и чтобы всякие подлецы бессовестные вроде Нурдквиста не могли над нашими детьми измываться. Неужто тебе никогда не хотелось бунтовать, драться?

— Да вроде бы нет.

— А мне — да.

Она подняла проснувшегося ребенка и, поднося его к груди, с угрозой в голосе воскликнула:

— Пускай поостерегутся!

Юхан ничего не ответил ей. Молча надел он шапку и вышел из дома.

СНОВА НА РАБОТУ

В первый же день, как только Катрина поднялась после родов, к ней явился капитан Нурдквист:

— Эге, девушка, да ты, я вижу, уже на ногах! Вот и ладно. Я хочу, чтобы ты бабам моим помогла. Они хлебы пекут для матросов. Сегодня и ступай.

Катрина была в нерешительности.

— Не знаю вот... Мне небось рано еще... Да и мальчонка у меня.

Капитан оглушительно захохотал:

— Ничего тебе не сделается. Вон ты какая ладная да здоровая. Бак-Эльса как родила, так уж на третий день в поле колосья собирала. А мальчонку подкинь соседям. Бэдины ребятишки присмотрят за ним.

И Катрине пришлось пойти. Она хорошенько укутала мальчика во всевозможные платки и шали и отнесла его к Бэде. Старшие дети соседки, постоянно приглядывая за своими младшими братишками и сестренками, прекрасно наловчились пестовать малышей.

Мальчик Катрины — она назвала его Эйнаром — был, по счастью, чудесным, здоровым ребенком и большую часть суток спал. Прокормить его пока ещё не составляло

особого труда. Кроме материнского молока, ему ничего не нужно было.

Юхан отправился на судовые работы в Ботвикен, где начали готовить к навигации довольно многочисленный флот, всю зиму стоявший на приколе. Со всех краев сюда ежедневно прибывали моряки, и весь остров словно пробудился к новой жизни. Приезжали старые, бывалые морские волки из Абоских шхер, но много было также и впервые отправляющихся в плавание юнцов из внутренних областей Эстерботтена. Эти сухопутные крабы, как их называли, никогда прежде не видавшие моря и ни разу не бывавшие на борту судна, пока маленький рейсовый пароходик не отвез их к скалам Аландских островов, теперь ожидали здесь начала навигации, чтобы отправиться в путь навстречу новым удовольствиям и приключениям. Лавка в поселке, как всегда, была для мужчин своеобразным клубом и местом деловых встреч, и здесь Катрина видела многих сторонних юнцов, почти подростков, худо одетых, чей вид пробуждал в ней материнское участие. Некоторые из них говорили только по-фински и пытались изъясняться с помощью жестов или двух-трех искаженных шведских слов. Но иногда Катрина слышала хорошо знакомый говор; сердце ее радостно замирало из-за того, что она слышит родную речь, и в то же время трепетало от страха, как бы кто-нибудь из родных мест не признал ее в ее теперешнем жалком положении.

Присутствие сторонних моряков явилось приятным разнообразием для местных девушек. Весенними ночами молодежь без устали танцевала в ригах и на пологих склонах холмов; звуки скрипок и гармоний оглашали окрестности.

Янне-лавочник день и ночь трудился в лавке Нурдквиста, чтобы снабдить суда провиантом и прочим необходимым снаряжением. В лавку вносили туши только что заколотых животных, из которых капала еще теплая кровь, и взвешивали их перед отправкой на Ботвикен. Огромные куски солонины, кадки с маслом, бочонки с патокой, мешки гороха и картофеля также отсылались к заливу. И туда же отвозились сухари, над изготовлением которых женщины трудились целыми неделями. Капитан Нурдквист получал двойной барыш с каждого судна, совладельцем которого он являлся.

Но постепенно оживленная суета стихала. Суда, одно за другим, снимались с якоря и исчезали в глубине залива. И опять на танцах стала ощущаться нехватка кавалеров.

В начале мая отправился в путь и Юхан. В нынешнем году он также плавал на «Фриде». Катрина с ребенком на руках стояла у окна и в последний раз смотрела, как он с мешком за плечами вразвалочку спускался с холма к поселку. И Катрина почувствовала, что ей недостает его гораздо больше, чем она могла думать раньше.

Первые дни в избушке было непривычно тихо: не слышно было больше веселых моряцких песен и насвистываний Юхана. В этой тишине тиканье часов отдавалось в ушах как громкие удары молота. Катрина бывала рада, когда хоть ребенок подавал голос.

Весна и лето прошли в тяжком труде на лугах и пашнях. Катрина, как и прежде, работала на хозяев, получая за это скудное вознаграждение. Летом, когда немного потеплело и мальчик подрос, она стала при малейшей возможности брать его с собой. Ей жаль было девочек Бэды, которые никогда не могли, как другие дети, побегать на воле и постоянно должны были приглядывать за маленькими братишками и сестренками. Нищета, точно страшный призрак, обращала к Катрине свою оскаленную пасть всякий раз, когда она переступала порог соседской лачуги. Исхудалые дети с ввалившимися глазенками были прожорливы, как голодные зверята. Бэда теперь более чем когда-либо напоминала скелет. Она стала сильно сутулиться и поминутно кашляла. Старшим девочкам пришлось покинуть родной дом и наняться в служанки. В начале лета Катрина несколько раз получала через шкипера «Фриды» по нескольку марок от Юхана. С тех пор она не имела от него никаких вестей, но нынешним летом она внимательнее следила за рейсом «Фриды» и с бо́льшим интересом прислушивалась к рассказам Нурдквиста о том, как проходит плавание.

Но вообще-то все помыслы Катрины были всецело заняты мальчиком. Подчас радость при виде сынишки, при виде того, как он растет и наливается здоровьем, заставляла ее забывать все невзгоды, и тогда ей начинало казаться, что никакая работа не может быть слишком тяжела для нее, пока она трудится ради своего ребенка.

Но иногда душа ее пылала негодованием, и в такие минуты, именно из-за мальчика, гнев ее вспыхивал во сто крат сильнее. Она знала, что чем старше он станет и чем больше для него понадобится, тем сильнее его будет терзать нищета.

Однажды, погожим днем в начале осени, Катрина вместе с батраками Нурдквиста резала ветки на Бабьей шхере. Сперва они обрезáли густой ольшаник на ближней части полуострова, а затем перекочевали на другую сторону. Здесь находился довольно густой лесок из ивы и ольхи, и работа шла весело и споро. Мужчины, взобравшись на деревья, обрубали большие ветви, и эхо от ударов топора отзывалось далеко в лесу. Иногда они просовывали сквозь листву свои цветущие здоровьем, блестящие от пота лица и перекидывались острым словцом с женщинами, которые, стоя внизу, обрубали ветки с больших сучьев, чтобы их удобнее было связывать в охапки. Свежо и пряно пахла ольховая листва, осенний воздух был свеж и прозрачен, как кристалл. Вдали, между деревьями, серебром и голубизной блестели на солнце воды залива.

В обед Катрина с одной из девушек пошла прогуляться вдоль берега. Они любовались разноцветными камешками, которые намыло морем, и собирали некоторые из них, чтобы выложить ими крыльцо или украсить печь.

Вдруг девушка остановилась и указала пальцем на какой-то предмет, белевший на берегу далеко от них.

— Что бы это могло быть? — спросила она.

Сколько Катрина ни напрягала зрение, она не могла разобрать, что это такое.

— А бог его ведает! Пойдем поглядим, — ответила она.

Они двинулись вперед, но небольшой пригорок скрывал от них предмет, пока они не подошли совсем близко и не поднялись на горушку.

Тут обе они остановились как вкопанные. Перед ними на гладких камнях лежал, сверкая на солнце, дочиста обглоданный морем скелет.

— О господи! — наконец прошептала девушка.

— Человек! — прошептала Катрина.

— Утонул, видать, кто-то, — продолжала девушка.

— Надо про это другим рассказать, — промолвила Катрина, когда они спустились с горушки. Девушка шла, пугливо озираясь кругом, вздрагивая при малейшем шорохе и крепко ухватив Катрину за руку.

Они рассказали о своей находке, и батраки всей гурьбой устремились на берег.

Послышались возгласы ужаса и удивления:

— Человечий скелет!

— Страсти-то какие, господи!

— Кто бы это мог быть?

— Гляди, от сапог маленько осталось.

Один из парней стал внимательно приглядываться к скелету и отважился даже, дотронувшись до него, перевернуть остатки сапог, в которых болтались начисто лишенные мяса кости.

— А сапоги-то я вроде признал. Это Арвида Андерссона сапоги. Я когда его в последний раз видел, он все сокрушался, что подковку железную потерял. В ту пору мы сапоги-то его и разглядывали. Тут вот, на пальце, еще заплатка была.

— Похоже, так оно и есть. Он всегда через Турсёфьерд[1] домой ходил.

— Вот оно как в жизни-то бывает!

— А что ж теперь Бэда скажет?

— Уж лучше ей этого не видеть.

— И то правда.

Солнечный день словно бы померк, и все вокруг помрачнело. Нечто огромное и страшное — трагедия человеческой жизни — тяжело нависло над миром, понижая голоса и заглушая смех. Работа продолжалась в молчании.

Один из батраков взял лодку и до времени отправился домой. Он рассказал о случившемся капитану Нурдквисту, а затем сообщил об этом и Бэде. Потом он взял в лавке пустой ящик из-под товара и снова возвратился на островок. Кости скелета осторожно сложили в ящик, слегка прикрыв их сверху свежими еловыми ветками. На пути домой ящик, точно огромный безмолвный

---

[1] Фьерд (швед. fjärd) — довольно широкий мелководный морской залив с крутыми, но невысокими берегами, в отличие от фьорда (норв. fjord), узкого и глубокого залива, преимущественно с высокими, крутыми, скалистыми берегами.

призрак, высился посреди лодки, занимая мысли всех находящихся в ней людей. Они думали:

«Как бессмысленна была эта жизнь — день за днем тяжкий труд, а затем — смерть... Жизнь коротка, а смерть бесконечна; так разве не самое главное — сделать это быстротечное существование светлым и счастливым и преобразовать землю в обитель мира и общего труда? Что хорошего принесла жизнь труженику, чьи кости покоятся теперь на дне этого ящика? Она была для него одним долгим рабочим днем, но ни сам он, ни дети, ни друзья его не пользовались плодами этого труда. Все усилия его были напрасны, потому что возделываемые им злаки и выращиваемые им плоды попадали на чужой стол. Никогда не мог он собрать семью и друзей на радостный праздник урожая, где они могли бы есть и пить дары земли, возделанной их руками. В тот день, когда кости умершего труженика будут собраны его товарищами, которые вместе с ним пользовались плодами их общего труда, смерть перестанет быть трагедией, а явится естественным завершением полнокровной жизни. Но когда же придет этот день?» Так думали мужчины и женщины, плывущие в лодке с мрачным грузом.

У Бэды не было средств справлять поминки. Ящик отвезли на кладбище, явился пастор и совершил погребальный обряд, но решили, что ни к чему посылать за звонарем ради покойника, который умер столь давно. Теперь бедная вдова знала по крайней мере, где находится мужнина могила. Она могла приносить сюда полевые цветы и оплакивать память об утраченном спутнике ее тяжкой трудовой жизни.

Миновало бабье лето, день за днем проходила осень. Скоро в Ботвикен одно за другим стали прибывать суда. Они бросали якорь и опускали паруса. Веселье царило в самых бедных лачугах, когда отец или сын благополучно возвращались домой после грозных осенних штормов, привезя с собой из дальних краев желанные гостинцы.

Возвратившиеся домой капитаны при дележе барышей после летних перевозок закатывали грандиозные пиры для судовладельцев и их семей.

Юхан вернулся домой мальчишески-беспечный и легкомысленный, как всегда. Он сэкономил из летнего за-

работка несколько марок и по собственному побуждению вручил их Катрине. Потом он то и дело со смиренным видом являлся к жене и принимался выпрашивать несколько пенни «купить сластей мальчонке». Катрина всякий раз давала ему одну-две монетки. Она отлично знала, что лакомства будут съедены еще до того, как Юхан вернется домой, и думала про себя, что он мог бы обойтись и без этой невинной лжи. Катрина охотно предоставляла мужу это скромное удовольствие, полагая, что оно по крайней мере обходится дешевле, чем табак, который покупают другие мужчины.

Катрина, Юхан и мальчик все вместе отпраздновали рождество в своем домишке. Счастливая перемена, которую всегда вносит в дом ребенок, пусть даже и восьмимесячный, озарила своим сиянием и Клинтен и горбатый пригорок, на котором стояла лачуга.

Нынешнее рождество превратилось для Юхана в радостный праздник, какого он не знал доселе, а тоска Катрины по Эстерботтену и незабываемым праздничным дням в отчем доме несколько поутихла.

Уже на третий день рождества повсюду в приходе началось гостеванье. Кофе не сходил со стола во всех домах, начиная от красного рыбачьего домика на берегу Ботвикена и кончая самой жалкой лачугой торпаря на вершине голой скалы за поселком. Каждая усадьба по очереди приглашала всех соседей выпить чашку кофе, отведать белого пшеничного хлеба и пряников. В поселке царило веселье. Каждый день с наступлением сумерек люди наряжались в праздничное платье и собирались в чьей-нибудь теплой горнице, где стояла разукрашенная елка, а медные, до блеска начищенные кофейники распространяли вокруг аромат. До чего приятно было попивать кофе с пряниками, рассматривая друг у друга рождественские подарки и слушая рассказы моряков о минувшей навигации.

Весной Юхан снова ушел в море на «Фриде». Третье лето Катрины на Аландах прошло так же, как и два предыдущих. Мальчик ее уже ходил, и она повсюду брала его с собой на работу. Он рос толстеньким крепышом, и Катрина каждый день благословляла судьбу за то, что не ожидает снова ребенка. Пока она здорова и в состоянии работать на мальчика и пока ей не приходится делить кусок хлеба между многими ртами, ей будет

намного легче. На примере соседской избушки Катрина видела, какую губительную власть обретает нищета в многодетном доме. Что толку, если Бэда трудится не разгибая спины, когда одна лепешка или пара башмаков для них все равно что капля в море? Поэтому Катрина благословляла каждый день, пока мальчик оставался у нее один. Она знала, что это будет ему закваской на всю жизнь.

Однажды ранней осенью, перед самой жатвой, Катрина чинила в усадьбе Нурдквиста мешки для обмолоченного зерна. Она была одна в огромном кирпичном строении, в котором находились лавка и амбар. Катрина сидела на низенькой скамеечке около высоченных ларей для зерна. Вокруг нее были разбросаны по полу серые мешки. Мальчик — ему исполнилось уже полтора года — ковылял тут же на толстеньких ножках, играя клубком парусиновых ниток, которыми Катрина пришивала к мешкам заплаты. Работа была нетрудная, и Катрина радовалась, что ей можно без помех присматривать за ребенком. Вдруг она услышала рядом, в лавке, голоса. Она узнала голос Янне-лавочника, а затем различила громкую речь Нурдквиста и плаксивый голосок Свенссона. Последний, вероятно, пришел, чтобы приглядеть себе в лавке кой-какие скобяные товары. Катрина слышала, как лавочник ушел, а оба капитана остались, продолжая беседовать. Речь шла о все возрастающей нехватке рабочих рук в летнее время.

Свенссон жаловался:

— Нынче не больно-то много молодых торпарей детишками обзаводятся. Жениться они, что ли, боятся? Да вон хоть бы Катрина, уж на что здоровая баба. Могла бы, кажется, расстараться для нас парочкой батрачат, ан нет, дело-то помаленьку идет. Мальчонке ее уж скоро два года, а ничего такого еще не видать, ежели бабы правду говорят.

— А ты бы малость подмогнул Юхану-то; или не знаешь, что от него никогда проку не было? — хохоча во все горло, ответил Нурдквист.

Пытаясь сострить, Свенссон пропищал:

— Да знаешь, братец, коли правду говорить, то я бы не прочь.

— Да уж известно... — сказал Нурдквист, и Катрина поняла, что и Свенссона не щадит его ядовитая ирония.

Сначала, услышав грубые шутки капитанов, Катрина покраснела до корней волос, но затем, когда до нее дошел смысл их беседы, ее охватил такой гнев, что она задрожала всем телом. Как же, им не терпится, чтобы она снова рожала детей! А она-то ради своего мальчика радуется, что у нее никого больше нет! Батраки им нужны! Неужели она — всего лишь машина, поставляющая новых рабов? Какое этим богатеям дело до того, что дети будут расти полуголодными и заброшенными? Главное для них — иметь побольше батраков, которыми они могли бы распоряжаться.

Катрина сидела неподвижно с мешком на коленях, зажав иглу между пальцами; невидящий взгляд ее был устремлен через раскрытую дверь амбара во двор. Ей казалось, что перед глазами ее проходит целая вереница матерей — оборванных, голодных, забитых женщин; они тяжело бредут унылым путем, который именуют жизнью. Они рожают детей — множество детей, но это не их дети. Это рабы, запроданные в неволю еще в утробе матери. Ребенок еще не явился на свет, но участь его уже решена: он будет трудиться на земле, которая ему не принадлежит.

Катрина порывисто схватила мальчика, посадила его на колени и крепко обняла. Он вырывался и тянулся обратно на пол, но она не отпускала его. Прижавшись щекой к его мягким волосикам, Катрина горько рассмеялась.

— Я-то думала, сынок, что ты мой, — шептала она, — а выходит, ты моим никогда и не был. Ты и родиться еще не успел, а на тебя уж клеймо поставили и своим числят. А теперь они ждут не дождутся, когда смогут наложить свои лапы на твоих братьев и сестер, хоть те еще и не родились. Ох, рабство, рабство, будь ты проклято!

Как-то в воскресенье утром одна из девочек Бэды прибежала к Катрине:

— Мама велела кланяться и спросить, не пойдет ли тетушка Катрина нынче в церковь? А за Эйнаром мы присмотрим.

В церковь? Катрина задумалась. Сходить, пожалуй, надо. Она уж и так пренебрегала богослужениями с тех

пор, как приехала иа Аланды, и зиала, что многие называют ее за это язычницей.

Катрииа дала девчушке кусочек сахара за труды и сказала:

— Клаияйся маме да передай — сейчас приду. Вот только приодеиусь малеиько.

Катрииа накормила мальчика завтраком и нарядилась в свое лучшее платье. Потом оиа взяла сына за руку и пошла с ним к соседке. Бэда стояла, уже совсем готовая, с завериутой в платок кингой псалмов и церковиыми пряностями в кармаие.

— Уж мие пришлось дочку за тобой послать, Катрииа. Ты вовсе про церковь забыла. Того и гляди, дождешься пастора иа свою голову, — сказала оиа.

— Что верио, то верио. Дома-то я почитай каждое воскресенье ходила. А тут я сперва иикого ие знала, а после из-за париишки ие могла.

— Ну, мальчоику ты всегда у иас можешь оставить. Нешто не зиаешь? В такой ораве одиим больше или меньше — все едиио.

— Девчонкам твоим и так достается. Я думала, хоть по воскресеиьям-то ие стаиу им своего на шею сажать.

— Пошли, не то запоздаем.

Они шли по большаку. До церкви было километра два пути. Сиачала дорога вела через поселок, потом мимо иебольших пашеи и лугов и, иакоиец, через Севериый лес, который подходил почти вплотную к церкви.

Небольшой камеииый храм был расположеи в живописиом месте посреди острова. Длииный узкий залив между поселком Вестербю и Длиииой Косой простирался до самой церкви, и стеиы ее отражались в иеподвижиых водах, напоминавших скорее воды тихого озера. На кладбище у церкви росли огромные дубы, а сразу же за высокой камеииой оградой начинался густой хвойиый лес. Выразительно гудели церковные колокола, и сердце Катрииы преисполиилось благоговеиием. Ей стало стыдио, что она так долго преиебрегала своими религиозиыми обязаииостями. Что сказала бы ее мать, если б узиала об этом?

В притворе Бэда остановилась и вполголоса поздоровалась со стоящими тут же зиакомыми крестьянами. Затем она приоткрыла дверь и загляиула виутрь церк-

ви. Оттуда доносились звуки органа; служба только что началась.

Бэда шепнула Катрине:

— Пошли, Нурдквистов нынче нет — сядем-ка вон на ту скамью.

Катрина последовала за ней, не совсем поняв смысл ее слов. Они шли на цыпочках по длинному проходу, и Бэда провела Катрину далеко вперед, к одной из первых скамей. Они сидели одни на длинной, узкой скамье. Бэда дала Катрине жевать гвоздику, открыла книгу псалмов, придвинула ее к Катрине, и обе они благоговейно запели. В церкви было холодно и сыро, как в склепе, малейший скрип или кашель гулко отдавался меж оштукатуренных стен. Но это придавало всему еще большую серьезность и торжественность. По окончании псалма к алтарю подошел пастор и отслужил торжественную обедню. Под тихие звуки органа молящиеся встали и пропели «аминь». Пастор скрылся в ризнице, а люди в церкви запели следующий псалом.

Катрина, целиком поглощенная пением, сидела, устремив взор вперед и не замечая, что Бэда все время дергает ее за платье и пытается привлечь ее внимание. В конце концов Бэде пришлось довольно сильно толкнуть ее в бок. Лишь тогда Катрина вопросительно взглянула на товарку.

— О господи, Нурдквист тут! — зашептала Бэда.

Катрина изумленно приподняла брови:

— Ну, и что из того? — И она снова запела.

Но Бэда, совсем уже выйдя из себя, зашептала:

— Уйдем отсюда, Катрина, а не то беда будет.

Она встала со скамьи, за ней неохотно последовала Катрина. В проходе стоял Нурдквист, рослый и величественный, а позади него — три ладных сына с гимназическими фуражками в руках и девочка-подросток в соломенной шляпе, с длинными косами, перевязанными шелковым бантом. Капитан стоял, открыв дверцу и нетерпеливо дожидаясь, чтобы женщины покинули скамью. Приниженно согнувшись, Бэда прошмыгнула мимо выхоленного семейства, а Катрина, недоумевающая и возмущенная, прошла следом за ней. Затем Нурдквист с сыновьями и дочерью прошли за барьер и сели на скамью.

Бэда и Катрина отыскали свободное местечко за колонной, у самой двери. Катрина с раздражением думала

о том, что Бэда своим непонятным поступком испортила ей все богослужение. Она больше не могла сосредоточиться, и, кроме того, отсюда ничего не было ни видно, ни слышно.

По окончании службы Катрина молча шла с Бэдой через кладбище. Но едва женщины вышли за ворота, Катрина с сердцем повернулась к Бэде и сказала:

— С чего это тебе вздумалось со скамьи уходить? Нам-то что за дело, есть у Нурдквиста место или нет?

— Да ты никак рехнулась, девонька. Скамья-то Нурдквистова!

— Нурдквистова?

— А то как же! А ты еще упиралась, и им пришлось в проходе дожидаться. Достанется нам с тобой теперь.

— Это как же так — Нурдквистова скамья?

— А тебе и невдомек? Скамьи-то в церкви меж хозяевами в приходе поделены. А нам дозволено садиться только на задние. Да только там не видать и не слыхать ничего. Мне-то и на ум не пришло, что Нурдквист так поздно в церковь явится. Вот я и подумала: отчего бы нам не сесть, коли скамья все одно стоит пустая? Кто же думал, что они после второго псалма явятся?

Щеки Катрины вспыхнули полымем. Дрожащим от сдерживаемого гнева голосом она выпалила:

— Ах, вон что! Стало быть, уж и церковь поделили. А есть ли что на белом свете неподеленное между этими богатеями? Видать, и в царствии небесном так будет — Свенссон да Нурдквист около трона, а мы у дверей, коли нас вообще туда пустят!

Бэда была поражена.

— Милая ты моя, да что это ты говоришь такое? Богохульство ведь это!

— Ну и пускай богохульство! Только уж тогда пусть они и церковь свою и царствие небесное себе берут.

Взволнованная, она резко остановилась посреди дороги, заглянула своей спутнице в глаза и горячо продолжала:

— Не пойму я тебя, Бэда. Ты — раба, и, еще того хуже, ты, видать, довольна этим. Иной раз ты выйдешь из терпения и огрызнешься, но все-таки тебе кажется, что все так и должно быть. Нурдквисту положено всю переднюю скамью в церкви занимать, а ты сиди у самой

двери, коли местечко найдется. Ты думаешь, пускай себе Нурдквист что ни день белым хлебом объедается, только бы у тебя ржаной муки хватило, чтобы дети твои с голоду не пухли. Да пойми ты, права у тебя такие же, как у Нурдквиста. И сидеть ты можешь на передней скамье не хуже его. И коли он семь раз на неделе белую булку ест, то и у тебя все права на это. Мало ль ты пота на этих полях да лугах пролила? Так неужто же ты сладкого куска на старости лет не заслужила?

— Иной раз и мне так кажется. Но мне, видно, вовек из нужды не выбиться, — ответила Бэда, и в ее беззвучном голосе была такая безнадежность, что сердце Катрины дрогнуло от сочувствия.

КАПИТАНСКАЯ КОПИЛКА

Между днем всех святых и рождеством Катрину позвали к капитану Экваллю на Дубовый остров трепать и чесать лен. Лед в нынешнем году установился необычайно рано, и Катрина могла идти на остров пешком через Турсё-фьерд. Мальчика она взяла с собой.

Старый Эквалль умер, и хозяином усадьбы стал теперь старший сын. Младшие братья занимали высокие посты в разных городах Финляндии. Всеми домашними делами заправляла старуха мать, так как молодой хозяин был еще не женат.

Женщины трепали лен около бани. Руки и верхняя часть туловища у них разогревались от работы, зато ноги были холодны как лед, оттого что им целый день приходилось неподвижно стоять на морозе. Старая мать была, по слухам, очень болезненна и почти не выходила из комнаты. Но молодой хозяин, долговязый юноша с расхлябанной походкой, время от времени появлялся, чтобы взглянуть на работающих. Катрина украдкой посматривала на него. Внешность юноши подтверждала дошедшие до Катрины слухи, будто он единокровный брат Юхана. Их можно было даже принять за родных братьев. Но этот человек принадлежал к благородным господам и жил в полном достатке, а Юхан был всего лишь нищим бедолагой.

Катрина оставалась на Дубовом острове три недели. Однажды после обеда, когда она уже снарядилась идти

домой, явилась служанка и сказала Катрине, что капитанша желает видеть ее и мальчика прежде чем они уйдут. Катрина взяла ребенка за руку и вошла в уютную комнату старой госпожи.

— Добрый день, — сказала Катрина, приседая, и остановилась на пороге.

Хозяйка, одетая в блестящее черное шелковое платье, сидела в глубине комнаты на мягком диване. Она была необычайно толста, и ее огромная грудь тяжело вздымалась при каждом вздохе. На лице ее было грустное, страдальческое выражение. Она поманила Катрину к себе.

— Подойди ближе, я хочу взглянуть на мальчика, — сказала она.

Это незначительное усилие вызвало у нее тяжелое удушье, и она прижала руку к груди. Немного отдышавшись, она притянула к себе мальчика и стала пристально рассматривать его.

— Так это, стало быть, и есть сынишка Юхана? Славный какой! А как его звать?

— Эйнар, — ответила Катрина.

Хозяйка позвонила в блестящий овечий колокольчик, стоящий на столике у нее под рукой. Появилась одна из служанок.

— Юланда, принеси-ка жестянку с лимонными пряниками, — велела госпожа.

Девушка принесла коробку, и хозяйка насыпала полным-полно пряников в маленькие ручонки мальчика. Голубые глаза Эйнара засияли от радости, и он, застенчиво спрятавшись за юбку Катрины, принялся жевать лакомство. Капитанша, тяжело отдуваясь, встала с дивана и, с трудом таща свое тяжелое тело, направилась через комнату к комоду. Она взяла с него металлическую копилку и, вернувшись, подала ее Катрине: .

— Я хочу, чтобы она досталась сыну Юхана. Это моего старшенького копилка. Он начал копить деньги, чтобы поступить в мореходное училище. Но он так и не вернулся из первого рейса. Погиб у Марнехамна, когда «Сигюн» потонула, как раз перед концом навигации. Ему было только семнадцать лет. Я хочу, чтобы сын Юхана получил эту шкатулку.

Катрина ничего не могла ответить на это.

— Спасибо, — только и пробормотала она.

Она попыталась заставить мальчика поклониться и сказать спасибо, но он упрямился и прятал лицо в ее юбки.

— Ничего, — сказала старая фру. — Он робеет. До чего милый мальчуган!

Катрина потеплее укутала Эйнара, усадила его на салазки, которые обычно тащила за собой на веревочке. Короткий зимний день подходил к концу. Катрина шла через лед по санному следу, минуя вехн, которые то там, то здесь возвышались на обширном ледяном поле. Снег лежал довольно толстым слоем, и пробираться вперед было нелегко. Когда она достигла Турсё-фьерда, уже почти совсем стемнело. Она огляделась. Как тихо и мертво вокруг! С большим трудом различила она неясные очертания небольшого островка на западе. Вехи на льду слились с темнотой; тихо падал снег, погребая под собой санные следы. Катрина немного встревожилась.

«Хоть бы дорогу-то домой найти! Темень-то какая»,— подумала она.

Мальчик лежал так тихо, что она остановилась и прошла немного назад взглянуть на него. Он уснул и, склонившись набок, неловко повис на веревке, которой она крепко привязала его к санкам. Любовно и бережно переложила Катрина мальчика, хорошенько укутав его в платки и куртки.

Затем она снова двинулась в путь. Но теперь наступила уже полная темнота, и Катрина шла почти наугад, повинуясь инстинкту, который подсказывал ей, в какой стороне лежит остров Турсё. Она утомилась; ей казалось, что она идет куда-то в бесконечность по безмолвному миру снега и тьмы. Копилка оттягнвала карман куртки, напоминая ей о фру Эквалль и о слезах старой хозяйки. Конечно, она сделала этот подарок с самыми лучшими намерениями; она отдала дорогую для нее вещь. «Юханов сынишка», — сказала она. Очень благородно было с ее стороны так обласкать отпрыска ее мужа от другой женщины. Сходство молодого Эквалля с Юханом было бесспорно. Но какой у них богатый и роскошный дом! А Юхану пришлось расти в нужде и лишениях, брошенному на попечение безжалостных односельчан. Что значит по сравнению со всем этим какая-то копнлка с несколькнми грошами? Бедняки не могут

думать о чувствительных подарках, даже если их дарят с самыми лучшими намерениями. Самое важное для них — это одежда, еда и теплая постель. Уж, верно, фру Эквалль знала, как нуждался во всем этом Юхан, когда он был маленьким ребенком. Вот тогда-то ей нужно было проявить свое великодушие, если оно действительно у нее есть. А теперь она суется со своей копилкой для Юханова сынишки! Боится, знать, что скоро умрет. В душе Катрины поднимался гнев.

— Лицемеры проклятые, притворщики, сквалыги! — пробормотала она.

Она схватила копилку и в сердцах готова была ее зашвырнуть на лед, далеко во тьму, но потом одумалась. Нет, все-таки это собственность мальчика, и, быть может, деньги когда-нибудь ему пригодятся.

— Господи, да этой дороге конца не видно!

Снег валил так густо и тьма была так непроницаема, что Катрина с трудом различала санки в двух шагах от себя. И все тяжелее было двигаться по глубокому снегу.

Она остановилась, всматриваясь в темноту. Можно было легко представить себе, что она находится у себя дома в Эстерботтене, где-нибудь на заснеженном поле; но там она ни за что не заблудилась бы: какой-нибудь приветливый огонек непременно замигал бы ей во тьме. А здесь ночь была непроницаема, как могила. О, она должна идти вперед, ей нужно выйти к людям, к жизни, к свету! Это безлюдье ужасно. И она снова, схватившись за веревку, изо всех сил потащила за собой санки, с трудом бредя по глубокому рыхлому снегу. Она задыхалась от усталости, пот лил с нее градом, холодный озноб сотрясал тело. Но она должна идти вперед!

Вдруг, словно выросшая из льда и мрака, возникла перед ней человеческая фигура. Ее появление было так неожиданно, что Катрина испуганно отпрянула назад.

— Ты, что ли, Катри? — спросил человек. Это был Юхан.

— О! — воскликнула Катрина с бесконечным облегчением. — Вот хорошо-то, что ты пришел.

— А парнишка где?

— Спит он. А ты почем знал, что я нынче вернусь?

— Да я и не знал. Я и вчера тебя выглядывал и третьего дня. Уж больно тошно одному дома-то сидеть.

Юхан взял у Катрины веревку, и его уверенная, сильная рука потащила санки по снегу. Она засунула руку в карман его куртки, чтобы иметь опору на этой ненадежной дороге, и предоставила мужу самому отыскивать путь домой, всецело доверившись его опытному чутью моряка. Появление Юхана наполнило Катрину чувством глубокой радости. Жизнь не так уж беспросветна, пока кто-то думает о ней, Катрине, скучает по ней, нуждается в ее близости. Из вечера в вечер расхаживал Юхан здесь по льду, дожидаясь ее. Катрине стало даже немного совестно, когда она подумала, как редко она сама вспоминала мужа, оставаясь без него дома.

Молча шли они все дальше и дальше. Катрина снова вспомнила о фру Эквалль и ее копилке, и мысли ее обратились к бесприютным детским годам Юхана. И опять ощутила она, как в ней поднимается волна горячего сострадания к мужу. Она отлично сознавала, что после того весеннего дня, когда она впервые ступила на землю Аландов и когда ее девичья любовь и мечты были так безжалостно растоптаны, ее прежние чувства к мужу никогда больше не вернутся. Но на смену им зарождалась материнская нежность, которая со временем может оказаться гораздо прочнее и терпеливее, чем супружеская любовь. Эта материнская нежность заставляла Катрину забывать о недостатках мужа и смотреть сквозь пальцы на его слабости. И именно потому, что Катрина однажды в своем предубеждении начисто отказала мужу в каких бы то ни было достоинствах, малейший признак заботы или ласки с его стороны являлся для нее приятной неожиданностью.

Она словно бы отыскивала вдруг жемчужины в груде мусора. Одно она знала твердо: жизни ее и Юхана соединены неразрывно и в горе и в радости, и им нужно постараться сделать совместное существование как можно более сносным.

Она не знала, о чем в простоте своей думает Юхан или какие чувства одолевают его, но ей было ясно, что он рад снова видеть ее дома. Вернейшим доказательством было то, что Юхан запел одну из своих моряцких песен:

— Я моряк веселый,
Пригожий, молодой...

Катрина молча улыбнулась в темноте. «Да, это Юхан, уж таков он есть», — подумала она.

Незаметно подошли они к Ботвикену, а затем миновали поселок и вышли к дому. Катрина рада была снова очутиться в своей маленькой комнатке, в которой, против ожидания, было чисто и тепло. Она заметила, что Юхан неумело пытался прибрать в лачуге и стол был накрыт к ужину. Пока Катрина укладывала ребенка в постель, Юхан поторопился разжечь огонь и поставить кофейник. Потом оба они уселись за скромный ужин.

Белобрысый чуб Юхана еще более лихо, чем всегда, свисал на лоб. Всякий раз, когда он взглядывал на сидящую против него жену, детские голубые глаза его сияли, а рот расползался в широкую улыбку. И Катрина улыбалась ему в ответ. Она обрела счастье, делая счастливым другого. Без особых слов, но преисполненные глубоким чувством согласия и единения, улеглись супруги на покой.

Когда Катрина позднее вспоминала прошлое, ей всегда казалось, что эта зима была лучшим и счастливейшим временем в ее жизни. Юхан был нежен с ней и полон любви, и их супружеская жизнь протекала в полном согласии. Большую часть зимы Юхан шил паруса у капитана Нурдквиста. Он работал в просторной пристройке, где было тепло и сухо, и ему не приходилось так сильно рвать одежду, как на лесных работах. Принося мужу обед, Катрина всегда заставала его растянувшимся на полу, на парусине. За работой он громко свистел или во все горло распевал песни. Иногда Катрина оставляла сынишку с Юханом, и робость мальчика перед отцом, которого он не видел все лето, быстро исчезла. Очень скоро мальчуган, подражая отцу, стал распевать на своем ребячьем языке матросские песни. Он все еще оставался здоровым, толстеньким крепышом.

Сама Катрина ходила по усадьбам чесать и прясть шерсть. После рождества она три недели работала у Сефферов, где готовились к свадьбе молодого Калле. Он женился на дочери звонаря из Эстербю, одной из прихожих красавиц, и такую партию счели достойной того, чтобы закатить свадебный пир на три дня.

Катрина готовила солод, варила брагу, без конца жарила телят и баранов. Затем она приступила к уборке.

Ни до, ни после этого огромная низкая горница Сефферов не знала столь основательной чистки.

Старый Сеффер сообщал соседям:

— Свет не видывал такой чистюли, как эта эстерботнийка. Она даже солому под перинами меняет.

Односельчане хохотали, подмигивая друг другу. Всем было известно, что Сефферы по полгода не меняли солому в постели, тогда как другие крестьяне клали свежую каждую субботу.

Катрина убедилась, что Сефферы были людьми столь же добросердечными, сколь и нечистоплотными. Никогда прежде не было у нее в доме столько вкусной снеди — и печеного, и жареного, и вареного. Много недель спустя после свадьбы дочери Сеффера то и дело прибегали на Клинтен то с кринкой молока, то с куском пирога.

И Катрина знала, что они приносили эти угощения не с расчетом на даровую работу или вечную благодарность, а просто из желания поделиться всем, что имели.

Этой же весной, в апреле, когда молодая хозяйка произвела на свет сына, Сеффер, в безграничной радости от того, что стал дедушкой, подарил мальчику Катрины самую большую овцу из стада. Он очень бдительно следил за тем, чтобы овца действительно принадлежала Эйнару и шерсть от нее использовалась бы только для мальчика.

Овца должна была пастись на лесном пастбище Сефферов вместе с их стадом.

В этом месяце мальчику исполнилось два года, и тогда же Катрина почувствовала, что она снова должна стать матерью. Она восприняла это со спокойным смирением, благодаря судьбу за то, что ее первенец по крайней мере столь долгое время пользовался ее неразделенной заботой. Но лето было для нее очень трудным и работа казалась тяжелой, как никогда.

СЕМЬЯ РАСТЕТ

Сразу же после сенокоса началась жатва. Катрина не знала отдыха. Ей приходилось работать в поле, держа тяжелую косу в ноющих от боли руках. В нынешнее лето у Нурдквиста не хватало одного жнеца, и так как никто из девушек не умел обращаться с косой, работа

эта выпала на долю Бэды. Но Катрина не могла равнодушно смотреть, как ее старшая товарка гнет одеревенелую спину над покосом, а на острых ее скулах пятнами выступает лихорадочный румянец и после каждого припадка кашля ей приходится останавливаться и сплевывать кровь. Она взяла у Бэды косу и предоставила ей выполнять более легкую работу — собирать колосья и вязать снопы. Но душа ее разрывалась, когда она думала о том, что станется с ее еще не родившимся ребенком.

Однажды вечером в конце августа, когда Катрина вернулась с поля, она вдруг почувствовала себя худо, и не успели послать за повитухой, как ребенок появился на свет. Бэда, словно предчувствуя что-то, именно в этот момент зашла к соседке и смогла помочь ей при родах. Это был мальчик, слабенький, рожденный на шесть недель раньше срока. Катрина заливалась горючими слезами, глядя на этого крохотного червячка, сморщенное лилово-красное личико которого было меньше ее кулака.

— О господи, хоть бы он помер! — вздыхала она.

Бэда думала то же самое, но одновременно, повинуясь материнскому инстинкту, делала все, чтобы сохранить эту едва тлеющую жизнь.

В тот же день явился пастор окрестить ребенка, и на вопрос Бэды, как назвать мальчика, Катрина прошептала:

— Эрик.

Все шесть недель, вплоть до того времени, когда должны были произойти нормальные роды, со дня на день казалось, что эта едва тлеющая жизнь вот-вот угаснет. Никогда прежде не проливала Катрина столько слез. Она сама была еще очень слаба после родов и всякий раз, беря мальчика на руки, чувствовала, как сердце ее изнывает от жалости и слезы капают на крошечную головенку.

— Что станется с тобой в суровом чужом мире? — шептала она.

У Катрины не хватало молока, и, если бы не неусыпные заботы Бэды, новорожденный и малыш постарше были бы лишены самого необходимого питания. Бэда то и дело посылала своих девочек с кувшином к Эрику или Сефферам выпросить молока для сынишки Катри-

ны, пока наконец хозяйка Эрикссон не спросила: «Неужто нет других усадеб в поселке?»

Этой осенью Катрина вовсе не могла работать на молотьбе, и поэтому в доме у нее не было припасено на зиму ни единого мешка зерна. Во время рытья картофеля она тоже была еще слишком слаба и к тому же не могла оставить малышей. У нее было по грядке картофеля на землях Нурдквиста и Свенссона, но, чтобы не лишиться их, она должна была помочь этим хозяевам собрать их собственный картофель. Катрина вышла в поле на полдня, но больше не в силах была работать, и ей пришлось вернуться домой. Однако Бэда все-таки постаралась о том, чтобы Катрина получила свой картофель. В промежутках между припадками кашля она грызлась с обоими капитанами и их батраками, грозя им мотыгой, пока наконец те не были вынуждены оставить грядки Катрины в покое.

По вечерам она, захватив с собою кого-нибудь из дочерей, отправлялась копать для соседки картофель, а затем понемногу перетаскивала его на спине домой к Катрине. Слезы благодарности выступали у Катрины на глазах. Она заставила Бэду взять в уплату половину этого картофеля. Ведь в семействе Бэды было припасено на зиму еще меньше, чем в ее собственном.

Поздней осенью на Клинтен явился старый Сеффер и притащил Катрине мешок шерсти.

— Это мальчонки шерсть. Я баб своих попросил остричь твоих овец. Сама-то ты все хворала нынче осенью.

— Моих овец? — удивилась Катрина.

— «„А как же!“ — сказала Эва» ... То бишь Эйнара овец. Матка-то летом ягненка принесла. Пускай твоя овца у нас всю зиму пробудет, корму у нас, слава богу, хватает. А ягненка зарежешь к рождеству.

Катрина готова была обвить руками грязную бородатую голову старика и крепко расцеловать его.

Овечья шерсть да еще в придачу баранина в самый разгар трудной зимы были для нее несказанным подспорьем. А проявленное к ней дружеское участие скрасило рождественские праздники, которые она провела на этот раз очень невесело, так как Юхан возвратился домой только после Нового года.

По своему обычному недомыслию, он накупил старшему мальчику целую кучу игрушек, и хотя Катрина, видя восторг сынишки, сама невольно улыбалась, на сердце у нее было тяжело. Ведь игрушками не утолишь голод и не защитишь тело от зимней стужи. Она не удивилась, услышав жалобные нарекания капитана Свенссона:

— Черт знает, я и капитаном был и совладельцем шхуны — и то такие игрушки для моих детей мне не по карману были. Но в нынешние времена бедняки уж очень много о себе понимают.

Катрине казалось, что судьба словно во всем обделяет ее второго мальчика. В раннем детстве он не получил такой хорошей закваски, как ее первенец, а теперь, когда он так нуждался в ее неразделенных заботах, Катрина почувствовала, что скоро опять станет матерью и вынуждена будет забросить это слабое созданьице ради нового ребенка.

Третий сын Катрины, Густав, родился в октябре, когда второму мальчугану едва исполнился год. Эрик без конца хворал и капризничал, так как у него прорезывались зубы.

Этим летом старая «Фрида» дала течь, и рейс пришлось прервать, так что Юхан вернулся домой уже к концу сенокоса. И Катрина благодарила бога, что ей не придется быть одной, когда подойдет срок родов.

Одолжить Юхану лодку не побоялся никто, и на этот раз он привез повитуху из Длинной Косы морем. Однажды Юхан, сидя на краю постели, в которой лежала Катрина с новорожденным, спросил жену, как ей удалось добыть бабку в прошлом году, когда его не было дома. И только теперь Катрина рассказала ему, что в тот раз ей не помогал никто, кроме Бэды. Муж умолк и некоторое время сидел задумавшись. Потом он рассказал Катрине, как три с половиной года назад, весенней ночью, когда рождался их первый ребенок, он как угорелый носился от усадьбы к усадьбе в поисках лошади. Катрина глядела на него в крайнем изумлении.

— А ты-то никогда мне про это не рассказывал! — воскликнула она.

— Не-ет, — ответил муж.

И тут ее разобрал смех. Давно уже Катрина так от души не смеялась; слезы ручьем катились у нее по щекам.

— Бедный ты мой Юхан, — сказала она. — Тебе-то, видать, тогда почище, чем мне, досталось. Подумать только: ты бегал от одного хозяина к другому и просил лошадь! Уж такой ты уродился, Юхан. Очень уж ты честный. А знаешь, что я сделала бы на твоем месте? Просто пошла бы в какую ни на есть конюшню и увела бы лошадь оттуда.

Юхан испуганно взглянул на нее.

— Так ведь это все равно что украсть. Знаешь, как они озлились бы?

— Ну и пускай бы озлились. Кража-то не всегда кражею бывает. Иной раз, Юхан, украсть не грешно, а только по справедливости выйдет.

Муж посмотрел на нее с непередаваемым восхищением и уважением. Он и не пытался никогда отрицать, что жена превосходит его и своей физической силой и мужеством.

Юхан вернулся домой, когда начали молотить яровое зерно. Он принимал участие в обмолоте, а потом вместе с другими копал картофель. Он был непривычен к крестьянскому труду, делал все очень неловко, и Катрина часто слышала, как односельчане то потешались над его неумением, то от души веселились, слушая его шутки, моряцкие песни и невероятные россказни.

Время от времени ему удавалось добыть лодку, и он отправлялся к островкам, а затем привозил домой свежих щук — необычное лакомство в бедном домишке. Зачастую Калле Сеффер приглашал его с собою расставлять верши. Сеффер оплачивал лодку и снасти, а Юхан помогал закидывать и вытаскивать сеть. Большей частью ловились окуни. За труды Юхан получал рыбу, и Катрина засолила ее на зиму.

ЭЛЬВИРА И ЕЕ ПОКЛОННИК

Всю минувшую зиму Эльвира ходила к пастору готовиться к конфирмации, а весною она была конфирмована. В воскресный день, когда произошло это торжественное событие, Катрина во второй раз посетила церковь. Хозяйка Эрикссон пригласила ее на свою скамью,

и у Катрины, такнм образом, было отлнчное место в одном нз первых рядов.

Маленькая Эльвнра совсем утопала в своем длнином темном платье и черном шелковом платке. Когда она, самая маленькая из всей группы, выступала впереди конфирмантов, то казалось, что девочка вот-вот упадет, запутавшись в подоле. Но ее маленькнй вздернутый носик весьма заносчнво торчал из-под головного платка. У алтаря голос ее звучал ясно и уверенно. Старухн в церкви всплескивалн рукамн н вздыхалн:

— Подн ж ты, Эрикова-то девчонка бнблню чнтает — что ручеек журчит.

Не успела Эльвнра конфирмоваться, как Виктор Блум стал одолевать ее настойчнвымн ухажнваннямн. Казалось, что он только этого и дожндался. Катрине любопытно было, как относнтся к ухажнваниям Блума ее маленькая подруга. Она вскоре заметнла, что Эльвнра большей частью потешалась над Блумом, точно для нее все это было детской забавой. Но подчас девочке надоедала его назойливость, н тогда Блуму порядком доставалось от ее острого язычка.

Впрочем, временами, особенно когда односельчане намекали ей на это обстоятельство, вндно было, что девочка чувствует себя польщенной вннманнем взрослого мужчины.

Летом, с наступленнем жары, служанкн Эрнкссона перешли спать в сарай, где было темно и прохладно. Эльвира тоже перекочевала туда вместе с ннмн. Не было ннчего необычного в том, что молодые парнн по ночам навещали в сараях своих возлюбленных. Но когда Виктор Блум однажды в летнюю ясную ночь попытался вторгнуться в сарай Эрнкссонов, дело кончнлось для него весьма плачевно. Он крадучись прошел в калнтку, держа сапоги в руках, чтобы хруст песка не разбуднл семейство в большой горннце. Но чувство ответственностн за дочь делало сон хозяйки Эрнкссон необычайно чутким. Едва только Блум начал тнхо стучаться в стену сарая, как он услышал, что дверь дома отворилась и оттуда донесся негодующий голос Эрнковой жены:

— Я так и знала, что ты явншься сюда, Внктор Блум; только ты этн затеи брось!

— Да я... Да я... Да я... — пробормотал молодой Блум, трясясь от страха.

— Стыдись! У девчонки молоко на губах не обсохло, а ты взрослый мужик...

Дверь сарая отворилась, и оттуда выглянули служанки — узнать, что это за шум во дворе. А наверху, на чердаке, открылся люк, и Эльвира с любопытством высунула свою маленькую головку.

Увидев во дворе мать и Блума, она сразу смекнула, в чем дело, и лицо ее просияло в величайшем восторге.

— О господи, Блум собрался переспать со мной! — хохотала она.

— Нечего смеяться над таким грешным поступком! — обрушилась на нее мать. — Запомни: отныне ты будешь спать вместе с нами в горнице.

Пристыженный Виктор Блум убрался восвояси, точно побитая собака, а вслед ему несся насмешливый хохот служанок.

После нескольких дней передышки Блум возобновил атаку, и тогда хозяйка Эрикссон предприняла решительные меры: она на несколько недель отослала дочь из дому. Брат Эрикссона из дальних шхер служил шкипером на галеасе, и когда судно по пути в Швецию зашло в Ботвикен запастись продовольствием, мать позволила Эльвире отправиться на нем в путешествие по Аландскому морю.

Возбужденная, Эльвира примчалась к Катрине на Клинтен и затараторила:

— Катрина, Катрина, а я в Стокгольм еду. Дядя говорит — это такой огромный город! Я там много чего интересного увижу, а может, даже самого короля. Кто знает? Я привезу мальчикам гостинцев. Ух, до чего же я рада! — Но потом лицо ее омрачилось, и она сообщила: — Вот только корову взять с собой придется; знаешь, старую Круну, ту, яловую. Мама велит ее продать там, раз уж я все одно еду. Нечего сказать, веселенькое дело с коровой на веревке по Стокгольму расхаживать. Да уж ничего не поделаешь, ослушаться никак нельзя. — Потом она снова расхохоталась: — Хи-хи-хи... И за все это надо Блума благодарить!

И так Эльвира погрузилась на судно вместе с коровой и отправилась в свое первое и самое далекое путешествие за пределы Турсё.

Вернулась она через три недели. Деньги за корову, аккуратно завернутые в носовой платок, она вручила

своей строгой матери. Старшим мальчикам Катрины она привезла по игрушке и по леденцу. Сама Катрина получила в подарок нарядную брошку, которую она завернула в папиросную бумагу и спрятала в комод, чтобы надевать в особо торжественных случаях.

Но если хозяйка Эриксон рассчитывала, что за время отсутствия Эльвиры жениховское рвение Блума несколько поостынет, то она глубоко ошибалась. Едва только девушка возвратилась домой, как он стал предпринимать новые попытки к сближению. Так оно продолжалось из года в год, и Эльвира, казалось, играла с простодушным парнем, будто кошка с мышонком. Никто не мог понять, поощряет ли она ухаживание Блума или только потешается над беднягой. Собственно говоря, родители Эльвиры ничего не имели против этой партии. Виктор Блум принадлежал к числу сельских богатеев, и это было главное. Но Эриксоны вообще не хотели думать о каком бы то ни было замужестве, пока их дочь не войдет в лета и не остепенится. Чтобы снова положить конец докучливым ухаживаниям Блума, хозяйка Эриксон решилась на крайние меры, к которым ей вообще-то не очень хотелось прибегать: она отослала Эльвиру на целый год к одной знакомой даме в Або. Так как разумная мать семейства на всякое дело смотрела прежде всего с практической стороны, то она договорилась, чтобы Эльвира заодно ходила там к знакомому портному учиться шить мужское платье.

Когда Эльвира ранней весной уехала из родного дома, ей было девятнадцать лет. Вернулась она спустя год, к пасхе. Катрина очень тосковала по своей юной подруге. Девушка не забывала ее и часто писала длинные письма, которые Катрина хранила как самую большую драгоценность. Ее опасения, что, пожив в городе, девушка совсем переменится, оказались лишенными всякого основания. Старая дама в Або, как видно, держала молодую крестьяночку в ежовых рукавицах, и потому пребывание в городе нисколько не изменило Эльвиру. Но уже одно то, что она целый год жила в Або, неизмеримо возвышало ее над всеми остальными. Да к тому же она сделалась отличной швеей и шила мужскую одежду как заправский портной. Не удивительно поэтому, что старшая дочь Эрика высоко задрала свой маленький носик.

Отчего же было Виктору Блуму не возобновить ухаживаний за дочерью своего соседа? У него все еще не было хозяйки в усадьбе, а пребывание Эльвиры в Або отнюдь не уменьшало ее достоинств — скорее наоборот. И теперь жена Эрикссона не только дала свое согласие, но и всячески поощряла это сватовство. Ведь дочь ее была девушкой на выданье. Сама Эльвира по-прежнему обнаруживала непостоянство: казалось, ей и хочется и колется. Однажды она прямо заявила Катрине:

— Виктор, видно, надеется, что рано или поздно я за него замуж пойду. А что до меня, то, ей-богу, не знаю... Лицом-то он неказист... Но по крайности у него здесь хозяйство и мне не придется уезжать отсюда. Среди наших землевладельцев женихов не так-то уж много, а сынки капитанов все больше на капитанских дочек зарятся.

— Оно, пожалуй, так,—пробормотала Катрина в ответ.

Холодные, рассудительные слова девушки неприятно поразили ее. Ей и подумать-то было тошно, что ее маленькая подруга может выйти замуж за Блума. Но Эльвира — девушка разумная и рассудительная. Вот у нее, у Катрины, супружеская жизнь началась с восторгов и ребяческих мечтаний, а что из этого вышло? Нет, Эльвире, конечно, не стоит допускать такую же ошибку, но, может быть...

Как-то летом служанка Эрикссонов повредила руку, и Катрина помогала у них доить коров. Однажды утром, когда Катрина и Эльвира, покончив с дойкой, собрались идти домой из Южного леса, случилось одно весьма важное происшествие.

Обе женщины, как на коромысле, несли на длинной жерди деревянную бадью с молоком. Но в одном месте, там, где крышка прикрывалась не плотно, молоко выплескивалось из полной до краев бадьи. Они остановились со своей ношей у изгороди, и Катрина вернулась на опушку наломать веток можжевельника. Их нужно было положить в молоко, чтобы оно не расплескивалось. Стоя в кустарнике, Катрина с досадой заметила, что Эльвира одна пытается перетащить тяжеленную посудину через изгородь.

— Надорвется еще, того и гляди. И всегда-то эта девчонка хочет выше головы прыгнуть, — пробормотала она про себя.

В это время по дороге проходили трое мужчин, и один из них, внезапно бросившись в сторону, воскликнул:

— Поможем-ка девушке поднять ведро!

Голос его звучал ясно и повелительно, а речь имела сильный финский акцент. Не успели остальные оглянуться, как парень с быстротой молнии перемахнул через придорожную канаву, а потом — через изгородь. Взяв бадью из рук Эльвиры, он поставил ее по другую сторону плетня. Затем он, не долго думая, обхватил руками тонкую талию девушки и легко, словно перышко, перенес ее на дорогу. Эльвира, то бледнея, то краснея, стояла в полной растерянности.

Что это было? Или какой-то вихрь поднял ее в воздух, оторвав от земли? Катрина подошла, открыла крышку и погрузила в молочную пену пахучие можжевеловые ветки. Но когда женщины собирались поднять жердь с бадьей на плечи, незнакомец опять подошел к ним и повелительно сказал:

— Давайте я понесу.

И он один нес молоко всю дорогу, до самых ворот усадьбы Эрикссонов.

Катрина заметила, как ошеломлена была Эльвира. Впервые в жизни потеряла она дар речи и только время от времени украдкой бросала взгляд на незнакомого кавалера. Он, по всей вероятности, был моряком и, судя по говору, — финном. Он был высок, строен и в самой цветущей юношеской поре. От всего его облика так и веяло здоровьем и кипучей энергией, которые, казалось, излучали и его темные волнистые волосы, и ясные сине-стальные глаза, и прямой нос, и красные губы под маленькими темными усиками. Они ощущались и в блеске его белых зубов, и в чистой смуглой коже, в каждом повороте плеч, в движении рук и ног. Казалось, этот избыток жизненных сил готов был каждую минуту прорваться наружу, бушуя словно ураган.

Но юноша отнюдь не давал выхода своей энергии ни в болтовне, ни в смехе. За весь путь он едва ли произнес одно-два слова и казался почти робким.

«Он, видно, совсем еще мальчишка, — подумала Катрина. — Лет двадцати, не больше».

У калитки Эрикссонов он приподнял на прощание шапку и поспешил вслед за своими товарищами к лавке.

Эльвира повернулась к Катрине и неуверенно, чуть смущенно проговорила:

— Лихой малый.

Катрина ласково посмотрела на девушку.

— Да, Эльвира, он и вправду лихой малый, — подтвердила она.

Катрина радовалась этому утреннему происшествию и впечатлению, которое незнакомец произвел на Эльвиру. Какие бы разочарования и сердечные муки ни ожидали девушку в дальнейшем — но все же без романтики молодая жизнь холодна и непривлекательна, словно пустынная скала, где никогда не зацветают весенние цветы.

С этого дня Эльвира, казалось, больше не в состоянии была выносить Виктора Блума. Она так грубо обрывала его и бросала на него такие презрительные взгляды, что ни у кого больше не оставалось сомнений в том, как она относится к его ухаживаниям.

МАЛЬЧИКИ ПОДРАСТАЮТ

Старшему сынишке Катрины шел уже девятый год. Для своих лет он был мал ростом, но ладно скроен да крепко сшит, и ни холод, ни голод были, казалось, ему нипочем. Его круглое вдумчивое личико с аккуратно подстриженной челкой нельзя было назвать красивым, но Катрина знала, что у Эйнара есть нечто более ценное, чем красота: твердый характер и сильная воля. Уже сейчас он казался более мужественным, чем его слабовольный отец.

Эрик, горемычное дитя, как всегда называла его про себя Катрина, был полной противоположностью старшему брату. С самого дня своего преждевременного появления на свет он никогда не был по-настоящему здоров и крепок. Он переболел всеми детскими болезнями, какие только появлялись в приходе, и нрав у него был капризный и неспокойный. Своим тщедушным сложением мальчик напоминал Юхана. У него было узкое, тонкое лицо; ростом он уже догнал старшего брата. «Эрик выглядел бы красивым парнишкой, будь он здоров и весел», — думала Катрина. Но он принадлежал к числу тех детей, которые требуют особого внимания и ласки,

а у матери не было ни времени, ни возможности как следует позаботиться о нем.

Третий сын, Густав, теперь уже пятилетний малыш, рос вполне нормальным ребенком, правда не таким крепышом, как Эйнар, но и не таким щупленьким и капризным, как другой брат.

Катрина обучила старших мальчиков читать, и Эйнар уже несколько раз бывал на экзамене по катехизису. Ученье давалось ему нелегко. Катрина с жалостью смотрела, как он, сидя на скамеечке у окна, с превеликим трудом продирается сквозь непонятные премудрости катехизиса, по десять раз повторяя одно и то же место, прежде чем ему удастся заучить наизусть. Но мальчик был на удивление настойчив. Стиснув зубы и чуть не плача, он твердил одно и то же снова и снова. А если он что-нибудь заучивал, то уж на всю жизнь. Поэтому он всегда с торжеством возвращался с экзамена и гордо показывал свой табель, где стояли одни «целые кресты».

Опрос по катехизису был чистой мукой для малышей. Как заметила Катрина, эти переживания так сильно действовали на ее мальчиков, что они теряли аппетит еще задолго до экзамена. Идти вслед за звонарем в комнату, где проводились испытания, было для них все равно что отправляться в чистилище. Звонарь, как устрашающий бог-громовержец, сидел за покрытым кружевной скатертью круглым столом, а дети, точно стадо пугливых ягнят, забивались в угол комнаты, как можно дальше от старика. Напрасно испуганные ребячьи глазенки озирались на закрытую дверь в надежде на успокоительную близость матери. Мать была далеко, в другой комнате, где пастор проверял познания взрослых в библии. Тогда взоры детей, точно загипнотизированные, обращались к лицу седобородого старца, и им казалось, что красная бородавка на его щеке все растет и растет, превращаясь в огромное, страшное чудище, которое душит их, заполняя собою всю маленькую комнатку. Детям не хватало воздуха; губы у них пересыхали и трескались. А до чего колотились у них сердца — совсем как у пойманных птичек, когда звонарь брал со стола стопку табелей и начинал вызывать всех по очереди!

Как лунатики, мучимые кошмаром во сне, подходили они один за другим к столу, неотразимо притягиваемые огромной красной бородавкой и голосом бога-громо-

вержца, который выкликал их по именам. Затем наступал экзамен. «Седьмая заповедь?» — спрашивали их, или: «Третий параграф веры?», или: «Что сказано в писании о преисподией?», или: «Что произойдет в первое утро воскресения?» И дети всегда могли быть увереиы, что звонарь выберет именно тот отрывок из катехизиса, который дался им с наибольшими трудиостями, а теперь никак не приходил на ум. Или, быть может, это его большой красной бородавке известны все тайиые ребячьи слабости?

После того как дети проходили «чистилище», звоиарь ставил отметки. Тому, кто отвечал без единой запинки, старик ставил в табеле крест. Но тот, кто хоть немного запиулся, получал полкреста, а то и четверть креста. Одиако на этом муки ребятишек ие кончались. Звоиарь поднимался из-за стола и выплывал из комиаты, а малыши робко шли следом за ним.

Теперь им нужио было выстроиться полукругом в другой комнате перед пастором, который держал в руке их табеля. И пастор в присутствии взрослых громко называл имеиа детей, обращаясь к ним со словами одобрения или порицания, в зависимости от того, стоял ли на листе целый крест или полкреста. Затем ребятишки иаконец получали свои табеля и собственными глазами могли лицезреть черные неровные кресты, напоминавшие сорочьи следы иа снегу.

Да, это была тяжкая мука, и ни печенье с тмином, ни вкусиый ломоть хлеба, ни кофе с булкой, ии даже табеля, сплошь уставленные целыми крестами, и похвала пастора перед всем поселком не могли быть достаточиой иаградой за перенесениые страдаиия.

Нет, не нравились Катрине эти экзамены, да и многие другие родители втайне ие одобряли их, видя, как тяжело это действует иа детей. Но экзамены по катехизису наступали раз в году так же неотвратимо, как неотвратимо иаступает однажды смерть для каждого живого существа.

Эльвира предложила обучать мальчиков письму, ио до сих пор все еще не собралась это сделать.

В декабре, когда младшему мальчику сравиялось пять лет, Катрина произвела на свет своего четвертого ребеика. На этот раз родилась девочка, и ей дали имя Сандра. Она была малеиьким, хрупким создаиьицем.

По мере того как семья увеличивалась, в домишке становилось все теснее и теснее. Зимою, когда Юхан бывал дома и на ночь постилались оба выдвижных дивана, прохода между постелями почти не оставалось.

Немыслимо было поддерживать чистоту в доме. Сколько ни старалась Катрина прибирать, чистить и мыть, все равно повсюду валялись вороха одежды, а вокруг очага висели чулки и варежки. Юхан оставлял где попало свои неизменные коробки, старые часы и всякую дребедень. Запретить мальчикам таскать в дом куски коры, из которых они мастерили кораблики, Катрина тоже не могла. Открытый очаг дымил, и хотя Катрина каждый раз к рождеству белила его, он вскоре становился снова черным от копоти, как прежде.

Во многих усадьбах открытый очаг давно уже заменили плитой, и Катрине очень хотелось иметь такую плиту у себя. Но, как видно, у обитателей лачуг не скоро еще будет возможность завести у себя плиты. Тряпичные коврики совсем истрепались; сор и пыль набивались меж поредевших нитей. Но даже если ей удастся раздобыть задаром лоскутков или камыша для утка на новые коврики, то где ей взять денег, чтобы купить пряжу для основы?

Впрочем, не стоит тратить силы на бесполезные размышления о вещах, которые ей недоступны.

Несколько лет назад Катрина приобрела телушку с расчетом, что со временем у нее будет своя корова. Она предполагала поступить так же, как Бэда, — пустить корову на пастбище к кому-либо из хозяев и за это помогать ему доить его собственных коров. У Бэды во дворе был маленький темный закуток, служивший ей коровником: там Катрина могла держать зимою и свою корову. Сено она добывала, скашивая траву на закраинах лугов и в межевых канавах между пашнями. Богатые крестьяне считали, что не стоит тратить время и труд на растущие здесь редкие стебельки. С тех пор как с применением севооборота трава на лугах сделалась более сочной и густой, а сенокосилки все чаще стали входить в обиход, землевладельцы начали пренебрегать травой, растущей на закраинах лугов и в канавах, где приходилось работать косой, и торпари получили ее в свое распоряжение, на корм для своего скота.

К концу той зимы, когда у Катрины родилась дочка, корова впервые отелилась, и Катрина, к своей великой радости, могла доить собственную корову и поить детей прекрасным, свежим молоком.

Нынешней зимой Эльвира чаще, чем обычно, прибегала к Катрине на Клинтен. Сперва она приходила главным образом в поисках молчаливого сочувствия Катрины, но затем ее стало привлекать сюда и нечто иное.

Прошлой осенью, когда суда стали на зимний отстой, на Турсё явился сторонний моряк и нанялся здесь на зиму в работники. Это был не кто иной, как тот удалый молодой финн, которого Эльвира и Катрина ранним летним утром повстречали на проселочной дороге.

Приезжий, Урхо Ниеминен, нанялся в работники к Ларссону. Очень скоро они с Эльвирой стали близкими друзьями и даже больше, чем друзьями. Вообще-то пришлые моряки довольно часто обосновывались в зимнее время на Аландах до открытия следующей навигации. Об этих бездомных парнях, едва понимавших по-шведски, шла в округе худая слава. Они слыли буянами и пьяницами. Поэтому жители поселка и об Урхо Ниеминене были поначалу не бог весть какого высокого мнения. В облике молодого красивого финна было нечто дикое и необузданное, а его отрывистая, повелительная речь настораживала капитанов. Это, как видно, один из тех шальных молодчиков финнов, что в любую минуту готовы схватиться за нож. С ним нужно держать ухо востро. Однако уже спустя короткое время Ларссон заявил, что отродясь не видывал работника проворнее, чем его новый батрак.

Парень с остервенением накидывался на любое дело, вовлекая и других батраков в эту немилосердную гонку. И хотя ему было не больше двадцати лет, он вскоре распоряжался уже всеми работами в лесу. Даже капитан Нурдквист, для которого не было отраднее зрелища, чем расторопный батрак или работница, ловко управляющиеся с делами, задумчиво покачивал головой и говорил:

— Да, это не парень, а дьявол!

Но больше всего изумляло жителей деревни поведение молодого батрака. Он, бездомный бродяга и выходец из финнов, не пил и не курил. Он отказывался даже

от шкалика, который иногда подносили за обедом. К тому же он был настолько дерзок, что не довольствовался обществом молодых батрачек, а сразу же принялся ухаживать за старшей дочерью одного из самых богатых крестьян в округе. Его избранницей стала ни больше, ни меньше, как сама Эльвира, дочь Эрика. И, вопреки ожиданиям односельчан, Эльвира как будто отнюдь не гнушалась своим новым поклонником.

Урхо Ниеминен вскоре заметил, что Эльвира и Катрина очень дружны и часто бывают вместе. Тогда он, в свою очередь, стал искать знакомства с Юханом, хотя тот во всех отношениях принадлежал к такому сорту людей, которых Урхо презирал от всего сердца. Но в любви все средства хороши, и скоро Клинтен стал местом, где молодые люди могли встречаться без помехи. Хотя тесная комната всегда была полна людей, влюбленные чувствовали здесь себя свободно и непринужденно. Чуткая Катрина была молчалива и полна понимающего сочувствия, а Юхан — невинен, как младенец. Наблюдать за расцветающим прекрасным чувством молодых людей доставляло Катрине большую радость. Она все больше и больше начинала уважать молодого батрака, и вскоре ей стало казаться, что только он один достаточно хорош для ее маленькой Эльвиры.

Хозяйка Эрикссон просто из себя выходила от злости, но у нее не было никаких прямых доказательств, что между ее дочерью и этим бродягой что-то есть. Она с нетерпением считала недели до начала навигации; на это она только и надеялась. Уедет этот финн из Турсё, и снова все будет хорошо.

Урхо покинул деревню ранней весной. Он был плотником на «Вере», которой командовал молодой капитан Энгман. Невесело было в низеньком домишке, когда Урхо и Эльвира встретились здесь в последний раз. За окошком шел мокрый снег, в надвигающихся весенних сумерках все вокруг казалось серым и неприютным. Эрик был сильно простужен. Он жался поближе к очагу и плакал, хлюпая носом. Между двумя другими мальчиками то и дело вспыхивала ссора, и их без конца приходилось разнимать. Малышка капризничала; ее нужно было время от времени вынимать из люльки и успокаивать. Молодые люди сидели за столом, грустно глядя друг на друга. В этот вечер они говорили мало. Урхо

то и дело беспокойно поглядывал на часы. Наконец он поднялся и стал прощаться с мальчиками.

— До свидания! — сказал он по-фински.

Затем в крепком пожатии встретились руки его и Катрины. Урхо пристально посмотрел ей в глаза.

— До свидания, спасибо тебе, — было все, что он сказал.

— До свидания, желаю счастья, — серьезно ответила Катрина.

Эльвира отправилась его провожать, и Катрина видела, как они шли к проселочной дороге, пролегавшей на юг от деревни. Судно Энгмана стояло на якоре южнее Турсё, и, чтобы попасть на него, Урхо нужно было добраться до Длинной Косы.

Эльвира возвратилась через несколько минут, из чего Катрина заключила, что молодые люди простились в лесочке неподалеку от ее дома. Теперь девушка выглядела повеселее; яркий румянец горел у нее на щеках. Она взяла оставленное вязанье и перед уходом, глядя на Катрину сияющими глазами, прошептала:

— Он воротится сюда осенью.

Катрина матерински похлопала ее по плечу.

— Вот и хорошо, Эльвира, — ответила она.

Юхан отправился в море со своим прежним капитаном, но так как старушка «Фрида» уже отслужила свое и была продана стокгольмскому торговцу баржами, то теперь у них было другое судно. Катрина радовалась, что Юхан по крайней мере в плавании хорошо зарекомендовал себя и один и тот же капитан из года в год нанимает его на работу.

Если хозяйка Эрикссон и Виктор Блум рассчитывали, что отсутствие Урхо сделает Эльвиру сговорчивее, то они порядком ошиблись. Ни добром, ни угрозами мать не могла заставить Эльвиру образумиться. Осенью, когда молодой моряк вернулся и снова нанялся к Ларссону, их любовная идиллия продолжалась. К весне, перед уходом Урхо в плавание, они обменялись кольцами.

Если бы не отец, Эльвира ни за что не добилась бы согласия матери на это обручение. Эрик Эрикссон довольно скоро примирился с тем, что ему придется отказаться от мысли заполучить в зятья кого-нибудь из местных крестьян. К тому же он охотно признавал, что может понять, отчего девушка предпочла молодого финна

Виктору Блуму. Что касается этого последнего, то он был оскорблен до крайности. Заикаясь, изливал он свои жалобы на Эльвиру и ее суженого всем, кто имел терпение его слушать. Всякий раз, вспоминая о случившемся, он недоуменно качал головой и бормотал:

— И-и-ск-к-кала о-о-на в к-к-клевере, а за-а-астряла в о-о-осоке.

Да и хозяйка Эрикссон не так-то легко могла проглотить обиду. И мужу и дочери в течение лета не раз приходилось выслушивать, что́ она думает об этом деле:

— То ли дело крестьянин с достатком! Такому ничего не страшно; знает, на что рассчитывать.

— Да и Урхо нигде не пропадет. На работу он лих и к тому же непьющий, — оправдывался ее муж.

— Да что толку, коли у него всего имущества — котомка за плечами? Из ничего ничего и выйдет.

— Ну нет. Эльвира — девка деловая, как-нибудь выбьются в люди.

Но жена возражала:

— Не больно-то она деловая, коли самой себе будет предоставлена. Уж мне-то лучше знать. Ее только строгостью да благочестивым примером можно заставить работать. А ежели ей дать волю, то она так и будет весь день сидеть, уткнувши нос в книгу... Девчонка вся в тебя, — заключила хозяйка Эрикссон, укоризненно взглянув на мужа.

У Эльвиры, обладавшей способностью отмахиваться от всего неприятного, все эти разговоры пролетали мимо ушей. Она была счастлива своей любовью и усиленно хлопотала, готовя себе приданое. Они с Урхо собирались пожениться уже этой зимой. Между молодыми людьми шла оживленная переписка, и Эльвира с гордостью показывала Катрине полученные письма, объясняя, какой у нее умный жених и как быстро он научился писать по-шведски.

Сама Катрина была не слишком счастлива этим летом. Весной капитан Свенссон потребовал, чтобы Эйнар шел вместе с нею в поле сажать картошку, а позднее Нурдквист велел мальчику распаривать лозины для плетней. И с тех пор само собою разумелось, что мальчик должен был повсюду ходить с матерью на работу. Катрина знала, что когда-нибудь это время наступит, но чтобы так скоро!..

Ей казалось, что мальчика словно бы оторвали от ее груди. Ему было всего десять лет, и несмотря на то, что мальчик был крепкий и коренастый, ростом он походил на восьмилетнего.

На поле Катрина позаботилась о том, чтобы раздобыть ему самое легкое ведерко для носки семенного картофеля, и помогала ему, чем только могла. Сначала он воспринял это как игру, но такую, к которой надо отнестись очень внимательно. С серьезным и важным выражением лица шел он вдоль борозды, целиком поглощенный одной заботой — расположить лунки на одинаковом расстоянии друг от друга.

Так как работал Эйнар медленно и обстоятельно, у него не оставалось времени для передышки и ему приходилось сразу же переходить от одной борозды к другой. Катрина, которая сажала картошку неподалеку от мальчика, поторопилась закончить свою полосу и перешла работать на делянку сына. Но скоро она заметила, что мальчик отнюдь не считает ее помощь чем-то само собою разумеющимся, как это казалось обычно Юхану. Да, Катрина всегда знала, что старший сын ее очень самолюбив и никогда не станет сваливать на других свои обязанности. Сердце ее дрогнуло при виде того, с каким напряжением мальчик старается выполнить свою часть работы, и чем больше мать помогала ему, тем ревностнее старался он ее опередить. Но день оказался слишком долгим и утомительным для малыша. К концу дня ножонки его в огромных сапогах до того отяжелели, что он то и дело падал в рыхлую грязь. От крайней усталости на глазах его выступили слезы, и хотя мальчик отворачивал лицо от Катрины, чтобы она не видела, как он плачет, ее бдительное материнское око подмечало все. Он вытирал слезы перепачканными в земле руками; из-за этого рожица его стала грязной и имела трагикомический вид.

Наконец он сдался и позволил матери посадить большую часть его картофеля.

Когда рабочий день подошел к концу и Катрина, около восьми часов вечера, взяв сына за руку, отправилась домой, силы мальчика были уже на исходе. Он беззвучно плакал, слезы катились по его лицу, образуя на грязных щечках светлые полосы. Сердце Катрины сжималось от жалости, но что она могла сказать или

сделать? Жизнь ее ребенка больше не принадлежала ей, его подлинные хозяева наложили на него руку, и это было лишь началом тяжкого труда, на который он будет обречен всю свою жизнь.

Придя домой, Катрина согрела воды и приготовила мальчику купанье в деревянной лохани. Она мыла его голое тельце, а он, стоя в лохани у очага, все еще продолжал всхлипывать и наконец, обвив руками шею матери, выплакал на ее груди все свое детское горе. Щеки Катрины стали мокрыми от его слез. Она погладила мягкие волосы сына и, утешая, сказала:

— Не плачь, Эйнар. Вот мама сейчас коровку подоит и даст тебе большую кружку молока.

— Мам, а полосу-то свою я не осилил! — пробормотал он между всхлипываниями.

Катрина ласково улыбнулась и поцеловала залитое слезами лицо сынишки.

— Да нет, Эйнар, ты молодчина. Ряды у тебя ровнее, чем у всех, вышли. Вот что хочешь, а летом, как всходы появятся, у тебя самая ровная и самая красивая полоса будет, — утешала она мальчика.

— Вправду, мама? — спросил мальчик, воспрянув духом.

— А как же! А теперь садись-ка в качалку да закутайся в шаль, а мама сходит в хлев молочка надоить.

С распариванием лозин мальчику пришлось труднее, так как поблизости не было матери, готовой прийти на помощь. Он был один с батраками Нурдквиста на Восточном лугу, далеко за деревней. Катрина тоже работала у Нурдквиста. Вместе со служанками она расчищала пастбище. Пока Катрина ходила по опушке Южного леса у Длинной Косы, подгребая прошлогодний коровий навоз и складывая в кучу камни и ветки, мысли о мальчике не покидали ее. Забота о сынишке настолько поглотила Катрину, что она вздрогнула от неожиданности, услышав крик одной из служанок:

— Катрина, Катрина! Твой-то вон-он, уплыл! Видишь?

— Где? — спросила Катрина, не совсем еще очнувшись.

Девушка указала на пролив, где под лучами солнца сверкала серебристо-голубоватая вода.

— А вон там... Или не видишь — «Бальдер» идет... Вон, вон, сейчас за Высокую шхеру свернет.

Катрина стояла с граблями в руке, провожая взглядом белый парус красавицы шхуны, мелькавший между зелеными островками далеко на западе, там, где пролив, расширяясь, переходит в Турсё-фьерд. Медленно, но уверенно скользит вперед шхуна под свежим весенним ветром; вот она постепенно исчезает за могучими соснами на Высокой шхере... вот ее уже совсем не видать... впрочем, нет, в просвете между деревьями все еще нет-нет, да и мелькнет белый парус. Наконец шхуна скрылась, и воды фьерда снова стали пустынны и безлюдны.

Катрина продолжала работу, но теперь она водила граблями почти механически. Она чувствовала себя подавленной; какая-то странная тоска нашла на нее. Там, вдалеке, Юхан уходил на своем судне на все лето. В этом году первый их рейс начался поздно, потому что им нужно было идти за грузом на север, а там, в Ботническом заливе, бухты были скованы льдом до поздней весны. Но в последние дни люди были наготове, ждали только попутного ветра, чтобы покинуть Ботвикен. А теперь, стало быть, шхуна отправилась в путь. Катрина смотрела вдаль, на водные просторы. Насколько все-таки вольготнее живется мужчине, пусть даже такому жалкому бедняку, как Юхан. Он может взмахнуть крыльями и улететь прочь от всех забот и серых, убогих будней. Но для нее, для Катрины, нет никакой возможности вырваться отсюда. Она навсегда заточена здесь, на острове, меж голубыми водами.

О господи! Она еще совсем молода; неужто жизнь ее кончена? Да, кончена — в том смысле, что будет идти по одной и той же колее до самого последнего часа. Но до чего невыносима мысль об этой долгой, однообразной жизни!

Испытать бы хоть еще один раз что-нибудь новое, дождаться чего-нибудь неведомого! Ах, если бы она могла попасть на борт какого-либо судна и уплыть далеко-далеко на север, мимо всех этих островков, в открытое море и оттуда, через Ботнический залив, — к себе на родину! Потому что она все еще считает Эстерботтен своей родиной. Нет, остаться там на всю жизнь ей бы не хотелось. Только повидать всех своих и еще раз взглянуть на поля и дома. Все, что она пережила с тех

пор, как покинула Эстерботтен, навсегда отделило ее от близких. Она твердо знала, что никогда уже не сможет чувствовать себя там вполне дома.

Вдруг сердце Катрины замерло. А что, если ее родителей уже нет в живых? Что она знает о них? Почему она ни разу не написала им и не попыталась связаться с родным домом? А теперь она не решится сделать это — из страха узнать обо всем, что произошло там за эти годы. Нет уж, пусть все нити будут оборваны, так же как оторваны друг от друга их жизни.

На лужайке Катрина увидела остатки костра. Она собрала обуглившиеся сучья, сложила их на межевом камне и затем отгребла золу, чтоб трава могла свободно расти в этом месте. Тут, видно, делали плетень и для этого разжигали костер... Эйнар! Каково-то там бедному мальчонке? Она совсем позабыла о нем! Когда работники отправятся домой обедать, она непременно свернет к Восточному лугу и проведает сынишку... Мысли ее снова вернулись к повседневным заботам, заглушив тоску о прошлом и жажду новых впечатлений.

Когда женщины с граблями на плечах направились обедать, Катрина свернула в сторону и пошла полями к Восточному лугу Нурдквиста, где батраки ставили плетень. Еще издали она увидела дымок костра и двинулась по направлению к нему.

Ее малыш был тут. Бедняжка! Незамеченная, она стояла некоторое время, наблюдая за сыном. Костер был разведен на пригорке, и мальчик стоял тут же, поворачивая над огнем длинную очищенную еловую лозину. Легкий ветерок раздувал пламя, искры и дым летели во все стороны. Лицо мальчика и его беленькая челка были черны от копоти, и Катрина видела, как губы его кривятся в гримасе всякий раз, когда огонь относит в его сторону.

— Перевязь! — коротко и деловито бросил один из работников. Мальчик выхватил из костра почерневшую лозину и помчался с нею к работнику. Тот взял перевязь и начал было обкручивать ее вокруг кольев, но вдруг снова раскрутил ее, отшвырнул в сторону и закричал:

— Черт! Эта сгорела! Тащи другую!

И сынишка Катрины на подгибающихся от страха ножках побежал к костру и сунул в огонь новый прут.

Катрина подошла поблнже.

— Здравствуй, Эйнар! — сказала она.

Мальчнк вздрогнул от неожиданностн и поднял голову. Глаза его засйялн на почерневшей от копотн рожнце.

— Мама? — радостно восклнкнул он.

— Да. Я — посмотреть, как ты тут. Хорошо ли работается?

— А не знаю.

— Как так не знаешь? Видать, хорошо. Глянь, уж сколько сделали.

— Да вот лозины перегорают.

— Ну н что ж? У всех так бывает. Дай-ка я покажу тебе. Чурбан этот оттащн, а сам по другую сторону костра становись. Вот дым тебе и не будет есть глаза.

— Так-то лучше, мама.

— Ну, я пошла... А рукавицы тебе кто дал?

— Капитан Нурдквнст. Он сказал, чтобы я руки не пожег. Он сказал еще, что я хорошо работаю. — Потом — более мрачным тоном: — А еще он сказал, что я не в отца уродился.

Катрнна вздрогнула:

— Вон как?.. Он, верно, хотел сказать, что ты посерьезней отца. Сам знаешь, папа-то всегда песни распевает, да шутит, да всех потешает, а мы с тобой все больше молчком.

— Да нет, он, верно, не то хотел сказать.

— Нет, то! Я видела, сегодня «Бальдер» ушел... Ну, мне пора.

— До свидания, мама!

Маленькой дочери Катрины исполнилось два года. У нее поздно прорезалнсь зубы, и ходить она начала не скоро. Ее хилое тело непохоже было на тельце здорового ребенка. У девочки былн огромный живот и кривые ножкн. Катрина знала, что виною этому — недостаточное питание, так как в ее родне все отлнчались хорошим телосложением, да н у Юхана, при всей его расхлябанности, члены былн стройные и прямые.

Однажды в середине лета, воскресным днем, Катрнна, взяв дочурку, отправилась с ней на «площадь», где почтн весь поселок коротал время за играмн и шуткамн.

Три ее мальчугана тоже были здесь и вместе с другими ребятишками играли в горелки на широкой развилке между двумя поселками. Катрина уселась на камень рядом с несколькими женщинами, а ее девчушка принялась бегать вокруг на своих крошечных кривых ножках. Радуясь возможности порезвиться, оживленная ярким солнышком, она весело ковыляла по «площади» среди толпы. Вдруг один из батраков Нурдквиста, Эверт, обратив внимание на девочку, указал на нее пальцем и, хохоча во все горло, громко воскликнул:

— Гляньте-ка на этого ребятенка... Видали вы у кого такие кривые ноги? Да у нее ноги колесом, почище чем у Виктора Блума, провалиться мне на месте! Ха-ха-ха!

И все посмотрели на дочку Катрины; все стали смеяться и показывать на нее пальцами. А малышка, не подозревая о своем уродстве и о причине всеобщего веселья, подняла свое невинное личико и принялась смеяться вместе со всеми и резвиться в песке пуще прежнего. И тем сильнее хохотали все кругом.

Вся кровь вскипела в Катрине: два ярких пятна выступили у нее на щеках. Она стиснула зубы и сжала кулаки. Но она не проронила ни слова, только поднялась, подхватила бегающую по «площади» девочку и посадила ее к себе на колени. Девочка отбивалась ручками и ножками и просилась на землю, но Катрина крепко прижимала к себе маленькое тельце. Парни и женщины поняли, что глубоко уязвили Катрину, и в толпе воцарилось неловкое молчание. Так как девочка продолжала вырываться и в конце концов расплакалась, Катрина встала и с ребенком на руках ушла прочь. Она отправилась на запад, к Ботвикену. Выйдя за околицу, Катрина свернула на узкую тропку, ведущую к холму Норрокерсбаккен. Она уселась на пригорке. Позади нее темной стеной высился Северный лес, а впереди, до самого поселка, расстилался обширный луг. Катрина спустила девочку с рук и позволила ей побегать в траве среди колокольчиков и шмелей.

Как весела и невинна ее малышка, и как мало знает она об ужасной жестокости людей. Но скоро она начнет понимать и тогда лишь постигнет всю глубину страданий, выпадающих на долю бедняков. Ее физическое уродство, словно проклятье, будет тяготеть над нею всю жизнь, делая ее предметом издевательств и насмешек.

— Мама, Санна собилает цветоцки, — пролепетала девчушка на ухо Катрине и с гордостью показала сорванные колокольчики.

Катрина принудила себя улыбнуться. Она встала и принялась бегать и играть с маленькой дочкой.

КАТРИНА ДОБИВАЕТСЯ СВОЕГО

Корова Катрины паслась в стаде Свенссона. За это Катрина ежедневно должна была помогать его скотницам доить. Однажды осенью, после обеда, когда Лиза и Катрина погнали коров с лесного пастбища на клеверное поле, случилось происшествие, в высшей степени прискорбное для Катрины. Коровы, оголодавшие за целый день в лесу, где трава еще летом была ими начисто съедена, точно бешеные ринулись в густой клевер. Они двигались по брюхо в густой, сочной траве, лихорадочно поглощая сытные почки клевера, словно дело шло о жизни и смерти. Спустя четверть часа женщины встали, чтобы выгнать коров из клевера.

Нелегкая это была работа — выпроводить с поля упирающихся животных. Коровы упрямо впивались в соблазнительные стебли, а женщины, крича и улюлюкая, брели во влажной траве, от которой намокали юбки, и немилосердно хлестали животных кнутом. Они знали: две-три лишних минуты — и сытный корм может оказаться для стада роковым. Это-то и произошло с коровой Катрины. Не успели доярки опомниться, как животное с тугим, точно барабан, животом лежало на земле и било копытами. Прежде чем успели позвать из деревни какого-нибудь знающего человека, корове пришел конец. Катрина лишилась самого ценного своего сокровища.

Как оглушенная, шла она домой с пустым кувшином в руках. Теперь ей снова придется зависеть от благодеяний и милости богатых крестьян, если она захочет добыть молока для ребятишек. Отныне в доме не станет ни масла, ни сливок для кофе, ни пахтанья для блинчиков, которые так любят детишки. А следующей осенью ей не придется резать телушку, и, стало быть, семья

будет сидеть без мяса и наваристых супов, которые в прошлом году были для них огромным подспорьем вплоть до самого рождества.

Некая благочестивая дама организовала в приходе подписку, чтобы собрать денег и подарить новую корову семье бедных торпарей. Катрина узнала об этом от Бэды, когда подписные листы были уже разосланы по всем четырем поселкам острова Турсё. Несколько женщин с верхнего поселка собрались на поминальном кофе у Бэды, на который она все еще приглашала своих ближайших соседок в каждую годовщину смерти Арвида. И вот там-то зашел разговор о подписке.

— Слава богу, есть еще у людей сердце. Теперь уж по крайности к рождеству у тебя и корова будет, — сказала Бэда.

— Это на собранные-то деньги? — запальчиво спросила Катрина.

— Ну как же! С миру по нитке... Никто не откажется внести свою лепту. Все знают, что это — богоугодное дело. Нурдквист — тот небось марок на пять раскошелится, да и Свенссон уж никак меньше не даст. Хватит денег на хорошую корову.

Катрина так резко вскочила со стула, что вязанье свалилось на пол с ее колен. Она стояла выпрямившись посреди маленькой комнатки, а остальные жены торпарей в изумлении взирали на нее. Опять на эту эстерботнийку стих нашел; известное дело, никогда не станет Катрина такой, как они.

Глаза Катрины гневно сверкали, а тихий голос дрожал от негодования:

— Это, стало быть, приход мне корову хочет пожертвовать? И вы думаете, я возьму ее? Ни за что!

— Да что с тобой, девонька, какой в этом стыд? Не виновата же ты, что корова у тебя пала. Ты бога благодари за подписные листы, Катрина.

— Бога благодарить? За что же это? За то, что меня по всем приходам нищей побирушкой ославят? Не имели они права, меня не спросившись, подписные листы рассылать. Я хоть и бедная, но попрошайкой еще никогда не была; и мы не на иждивении прихода, запомните это! — решительно сказала Катрина и, свернув вязанье, ушла.

Оставшиеся женщины озадаченно смотрели на дверь, с шумом захлопнувшуюся за эстерботнийкой, а затем недоуменно переглянулись.

— Ну, скажу я вам, кто ее поймет? — удивленно проговорила одна из женщин.

Но Бэда, на которую общение с Катриной оказало немалое влияние, проговорила со вздохом:

— Верно она говорит. Не больно-то весело милостыню принимать. Только у бедняков выхода другого нет. Приходится молчать да терпеть.

— Да, да, — поддержали другие, — надо Катрине понять, что приходится покоряться, хотя бы ради детей.

Дама, у которой хранились деньги и подписные листы, явилась в лачугу Катрины. Увидев изящную фрекен, поднимающуюся на их холм, Катрина сразу смекнула, в чем дело. Но она сдержала свое возмущение, вежливо поздоровалась с гостьей и пригласила ее присесть.

Пришедшая опустилась на стул, стоящий у обеденного стола. Она с любопытством огляделась вокруг, поговорила с ребятишками, спросила о Юхане. Катрина сварила кофе и предложила чашечку гостье. И все время ей казалось, будто большой конверт, лежащий рядом с кофейными чашками, жжет ее, словно раскаленные уголья. Она знала, что в нем находится.

Наконец фрекен вскрыла конверт и разложила на столе подписные листы, кредитные билеты и мелочь. Слезы выступили на ее кротких глазах, когда она обратилась к бедной батрачке:

— Бог повелел, чтобы мы, люди, помогали друг другу чем только можем, и, поступая так, мы лишь выполняем его святую волю. Мы все очень огорчены, узнав о твоем несчастье с коровой. Мы знаем, что молоко больше всего необходимо в доме, особенно там, где есть маленькие дети. И вот мы, как тебе, может быть, известно, разослали по деревням подписные листы и, во имя божье, собрали пожертвования на корову. С великой радостью могу сказать, что никто в целом приходе не отринул божьего повеления. Во имя господа нашего и с его благословения вручаю я тебе деньги. Думаю,

этого более чем достаточно для того, чтобы купить хорошую корову.

Катрина терпеливо выслушала долгую речь своей гостьи. Когда та умолкла, она спокойно взяла со стола конверт со списками и деньгами. Но лишь только дама собралась уходить, Катрина протянула ей конверт обратно. Она твердо посмотрела женщине в глаза и тихо сказала:

— Очень вам благодарна, да только я что-то не припомню, чтобы я просила делать подписку либо помочь мне купить корову. Возьмите, пожалуйста, деньги обратно.

Гостья с безграничным удивлением воззрилась на Катрину.

— Но... но... но что вы хотите сказать? Вы, стало быть, не хотите принять деньги? — пробормотала она.

— Вот именно, — приветливо сказала Катрина. Но в голосе и взгляде ее было нечто, заставившее изящную даму почувствовать себя жалкой и сконфуженной.

Катрина сунула ей в руку конверт и мягко, но решительно подтолкнула к двери. Озадаченная женщина молча прошла через маленькие сени. Опустив голову, обуреваемая противоречивыми мыслями, шла она вниз, к поселку. На рыночной площади она остановилась и задумчиво повертела в руках конверт со списками и деньгами. Затем она решительно направилась к усадьбе капитана Нурдквиста. Она рассказала этому могущественному королю острова о том, как бедная батрачка отвергла предложенную помощь всего прихода. Капитан взял деньги на сохранение и сказал, что сам займется этим делом. И благочестивая фрекен с легким сердцем отправилась домой.

На следующий день, когда Катрина спустилась в поселок, — она должна была косить у Нурдквиста овес, — ее попросили зайти к нему в кабинет. В крайнем удивлении шла она вслед за служанкой мимо ряда роскошно убранных комнат в небольшой, респектабельный кабинет с высокими книжными полками, массивным несгораемым шкафом и внушительным письменным столом. На стенах висели большие, написанные маслом картины с изображением оснащенных парусных судов.

Капитан поднял глаза от письменного стола. Конверт с подписными листами лежал перед ним.

— Слышь-ка, девушка, тебе как будто денег предложили корову купить, верно?

— Да, — ответила Катрина.

— Ну, и что же, нужна тебе корова? — спросил он немного погодя, пристально глядя на Катрину.

— Да, — снова ответила Катрина.

— Но ты отказалась принять деньги?

— Да.

— Отчего же? Ты ведь сама говоришь, что тебе нужна корова.

— Корова-то мне нужна, да только я ни у кого ее не просила.

Голос капитана, спокойный и холодный, как и у Катрины, сделался суровее и строже.

— Ах, вот как, ты, стало быть, думаешь, что слишком хороша, чтобы принимать милостыню, а?

Катрина, не мигая, встретила взгляд властных больших глаз капитана. Она высоко подняла голову.

— Да, думаю! — гордо ответила она.

— И ты признаешь это, ты признаешь?!

Виски у капитана покраснели, гнев овладел им до такой степени, что он несколько раз повторил одно и то же слово. Катрина почувствовала, как в сердце ее закрадывается страх. Никогда прежде не приходилось ей видеть, чтобы этот гордый человек терял самообладание. Она знала: его не отчитаешь и не вышвырнешь за дверь, как Свенссона. Этот человек был более опасным, более трезвым и умным противником. Внезапно радость борьбы проснулась в ней, и, стоя перед капитаном со скрещенными над ситцевым передником руками, она выпрямилась всем своим ладным телом и еще выше подняла голову. Теперь она встретила достойного противника. Что ж, она примет бой. «Начинайте атаку, капитан Нурдквист, я готова».

— Ты признаешь, что слишком хороша для милостыни. Да ты хуже самой последней батрачки! Кусок скалы, где ты живешь, и тот мне да Свенссону принадлежит. Что у тебя есть-то? Никудышный мужик да четверо заморышей. А ты еще нос задираешь и отказываешься от помощи всего прихода! Ты упрямая, строптивая баба, и помогать-то тебе не следовало; но ради твоих детей я спрашиваю еще раз: возьмешь ты деньги?

Он протянул конверт Катрине, но та не двинулась с места.

— Нет, — непоколебимо ответила молодая женщина, — не возьму.

Лицо капитана потемнело.

— Ну что ж, ладно, — сказал он и, поднимаясь со стула, добавил: — Мне твоя помощь сегодня не нужна.

— Как хотите, капитан, — ответила Катрина и упрямо вскинула голову.

Потом она повернулась и с достоинством вышла из комнаты. Не глядя по сторонам, крепко сжав рот, прошла она через кухню, сопровождаемая любопытными взглядами работников и служанок.

Владельцы усадеб, повинуясь некоронованной власти Нурдквиста, составили молчаливый заговор против Катрины. Ни в жатву, ни в обмолот, ни во время сбора картофеля или убоя скота никто не обращался к ней за помощью. Для нее, не привыкшей сидеть без дела, эта осень показалась особенно долгой. С ужасом думала она о надвигающейся зиме, когда у них не будет ни молока, ни хлеба, ни картофеля. Но покориться она не могла. Торпари и работники в усадьбах, которые видели, в какое трудное положение попала Катрина, понимали, в чем тут дело, и одновременно жалели ее и удивлялись ей. Напряженно ожидали они того дня, когда гордая эстерботнийка смирится перед могущественным богачом. В том, что этот день рано или поздно наступит, они нисколько не сомневались.

Но Катрина, стиснув зубы, продолжала идти своим путем. Когда гнев первых дней немного улегся, ее охватили неуверенность и раскаяние. Никто и не подозревал, какую жестокую борьбу с собой ведет эта замкнутая женщина. Мысли о детях заставляли ее колебаться. Встречая голодные взгляды детей, когда они, наигравшись на вольном воздухе, прибегали домой, Катрина чувствовала, как сердце ее сжимается от боли.

«Придется, видно, покориться тем, кто и душою и телом нашим владеет, — думала она. — Что толку оттягивать время, все равно выйдет по-ихнему».

Каждый вечер, укладывая девочку спать, она чувствовала, что силы ее сломлены. Но когда наступало утро и она видела через окно, как Бэда, согбенная, со

впалой грудью, отправлялась в поселок, губы ее сжнмались н она говорила себе:

«Нет. Он хочет, чтобы н я такая была — склоняла голову, сгнбалась перед ним до землн и чтобы он меня ногамн топтал. Ну нет, он увндит, что есть хотя бы одна батрачка, которую не заставншь согнуться... даже ради детей».

А по вечерам, когда она ложилась в постель рядом со своимн младшенькимн, ее снова охватывал страх. Два старших мальчика спалн на другом диване, н в нзбушке было так тихо, что тнканье часов громко раздавалось в темноте.

Она плакала, пряча лицо в подушку и затыкая рот одеялом, чтобы ее всхлипыванья не разбуднли детей.

«Я строптивая, упрямая женщнна, н никакого права у меня нет вестн себя как неразумное днтя. Прндется мне покорнться, смнрнть свою гордость ради детей», — думала она.

Но неделя проходила за неделей, н с каждым днем ей все труднее было пойтн на это униженне.

«Мне бы сразу надо было это сделать, а теперь уже поздно, теперь мне нет путн назад», — говорила она себе.

Несколько дней она работала на Сеффера. Но у старика было много взрослых сыновей н дочерей, которые справлялнсь со всемн деламн, да н хозяйство у них было небольшое. Так что Катрину они наннмалн больше из жалости. К тому же Нурдквнст не замедлнл прнгласить к себе старика для разговора, н после этого тот не осмеливался больше давать работу Катрнне.

Но Сефферы прн всем своем добросердечнн былн известны н как людн не слншком честные. То, что они не осмелнвались делать средн бела дня, они делалн под покровом темноты. Бесчнсленное множество раз осенними вечерамн молодая хозяйка, разделявшая чувства своего свекра н его семьи, пробнралась на Клинтен, пряча под плащом крынку молока илн несколько ломтей хлеба. Катрина брала домой от Сефферов шерсть н лен, она ткала н пряла для них, вязала нм чулки и шила тряпичные коврнки.

И как раз благодаря посреднnчеству Сеффера Катрнна добыла себе наконец корову, не прибегая к помощи Нурдквиста. Старнк под влиянием своих мягкосердечных

женщин сам охотно отвел бы на Клинтен одну из своих коров, но заходить так далеко он все-таки не осмеливался, из страха навлечь на себя немилость самых могущественных богатеев деревни. Он поступил по-другому.

Капитан Эквалль, чьи земли отделялись от острова Турсё проливом шириной в полмили, был единственным, кто не лебезил перед Нурдквистом. Он был так же богат и могуществен, как Нурдквист, и соперничал с ним в главенствующем положении на островах.

И вот Сефферы начали обрабатывать молодого хозяина Дубового острова всеми способами, какие они только могли измыслить. Всякий раз, когда молодой Эквалль приезжал в Вестербю за покупками, его приглашали к Сефферам и угощали кофе с печеньем и белым хлебом. Молодой Калле без конца ездил на Дубовый остров. И каждый раз Сефферы заводили речь о Катрине, этой умной, необыкновенно работящей уроженке Эстерботтена, с которой так бессовестно обошелся весь поселок, и в первую голову — капитан Нурдквист.

Они вытаскивали на свет божий все истории, порочащие Нурдквиста, разукрашивая и преувеличивая их. И в конце концов до такой степени настрополили капитана Эквалля, что тот клялся и божился, что такого подлеца, как этот Нурдквист, на всех Аландах не сыщешь. Он докажет, что бедная женщина может добыть себе корову и без того, чтобы Нурдквист совал в дело свой нос.

Когда дошло уж до этого, старый Сеффер лукаво усмехнулся в бороду. Но он выложил на стол еще не все козыри:

— И то правда, дайте ей корову, Эквалль! Уж я знаю, Эквалли всегда добротой своей славились. Только вы ей сперва работу дайте. Женщина она честная и хочет все по справедливости получить. Вы корову ей дайте, но только сперва дайте ей работу, — уговаривал он.

— Ну что ж, на Дубовом острове работа всегда найдется, — сказал капитан.

Ненастным днем незадолго до рождества капитан Эквалль пришел на Клинтен. Катрина не заметила, как он уже стоял в дверях, здороваясь с нею. Она посмотрела на него и вздрогнула от смущения. Сначала ей по-

казалось, что в дверях стоит Юхан, — до такой степени оии былн похожн.

— Катриниа, ие смоглн бы вы прнйти на некоторое время на Дубовый остров? У нас уйма всякой работы, — сказал он.

— На Дубовый остров? Само собою... Только вот детей на кого оставить?.. — сказала Катриниа.

— А хозяин разве еще не вериулся?

— Нет, я его на той неделе жду.

— М-да... Что же иам делать?.. Дайте-ка сообразить, — задумался капнтаи. Но в это время в комнату ворвался старик Сеффер, совсем запыхавшнйся от быстрого бега в гору.

— Катрина... Катрина... Эквалль... детн, дети! — бессвязио кричал он, возбуждеиио тряся белой бородой.

— Да, да, детн?.. — вопросительио сказал Эквалль.

— Старших-то ты у нас можешь оставить, покуда Юхан не воротится, а младших с собой возьмешь. Верно, капитаи Эквалль?

— Ну уж ладио, младших можете взять с собой.

— Боюсь вот только, кабы мальчики мои вам ие были в тягость? — с беспокойством спросила Сеффера Катрина.

— Да что ты, что ты! Чего зря болтаешь? Места у нас хватает, а они будут помогать воду и дрова в дом носить.

Итак, Катрина заперла дверь своего домишки и, отпустнв старших мальчиков к Сефферам, сама с двумя малышамн переправилась с Экваллем на Дубовый остров.

Перед рождеством иаступила сильиая оттепель, и Катриниа ие смогла перебраться иа праздиики домой. Оиа немиого беспокоилась, что в рождество мальчики будут чувствовать себя одииоко без нее, ио вообще-то была уверена, что Сефферы хорошо заботятся о ребятишках.

Спустя иеделю после Нового года до иее дошлн слухи о возвращеиии «Бальдера». И на следующее воскресенье, когда установился прочный лед, Юхаи н мальчикн иеожидаиио приехалн иавестнть ее. Катриниу иемиого мучнла совесть, что радость от встречн с мальчикамн, с которыми она была разлучеиа всего несколько иедель, затмнла для нее удовольствие вновь видеть Юхана.

Но как бы там ни было, все семейство выглядело счастливым и довольным, собравшись в каморке, которую занимала Катрина с малышами. Четверо ребятишек были в восторге от того, что они опять все вместе. Эйнар и Эрик без конца рассказывали о своем житье-бытье у Сефферов. Они описывали огромные бутерброды, и печенье, и сыр, которыми их кормят, рассказывали, как каждое утро и каждый вечер им позволяли подставлять кружки под трубу сепаратора и как молоко вскипало снежно-белой пеной, такой вкусной-превкусной, и как весело было лизать эту пену, пока воздушная струя от двери не уносила ее. Они рассказывали также, как помогали Калле на конюшне, а девушкам в хлеву и как они одни натаскали рождественских дров и их поленница была самой высокой и ровной во всей деревне. Она доставала аж до самого потолка в горнице Сефферов! [1]

А рождественским утром их взяли в церковь, и они сидели на облучке рядом с Калле, а на лошадях были настоящие бубенчики... Юхан сообщил, что мальчики останутся у Сефферов до возвращения Катрины. Сефферы очень привязались к Эйнару и не могли нахвалиться его рассудительностью и послушанием, а вот с Эриком у них было больше хлопот: он часто капризничал и плакал — тосковал по матери.

Когда Катрина в середине февраля возвращалась на Турсё, она вела за собой по льду на веревке корову. Рыбак с Дубового острова, который шел на Турсё за покупками, вез детей на финских санях.

Мало сказать, что Катрина была довольна, идя с коровой через Вестербю. Помимо ее воли сердце ее ширилось от гордости, а голова была поднята высоко. Она чувствовала себя воином, который после победы с триумфом возвращается с поля битвы.

На «площади» она встретила капитана Нурдквиста. Тот в безмолвном удивлении уставился на Катрину с коровой. Катрина заметила это, и на губах ее появилась

---

[1] По обычаю Аландских островов, дрова на рождественские праздники натаскиваются заблаговременно и укладываются между печью и кроватью. Поленницу нельзя начинать до наступления рождества.

легкая усмешка. Она была очень хороша в эту минуту. Крепкая, сильная, в расцвете зрелой женской красоты, стояла она перед Нурдквистом, торжествующе улыбаясь. Платок был сдвинут на затылок, светлые волосы ровно и мягко обрамляли ее лицо. На щеках играл теплый румянец, а глаза сияли почти лукаво. В руке она держала веревку, и огромная бурая с белыми пятнами корова спокойно стояла позади нее.

Капитан то и дело переводил глаза с Катрины на корову и с коровы на Катрину. Потом он оглушительно расхохотался. Но это был скорее смех честного спортсмена, который признает свое поражение, чем его обычный издевательский хохот.

— Так ты, девушка, все-таки добыла себе корову! — сказал он.

— Да, — смело ответила Катрина, не скрывая своего удовлетворения.

— Молодец девушка, — произнес он одобрительно. Он обошел вокруг коровы, осматривая ее.

— Добрая скотина. — Затем он снова взглянул на Катрину и снова повторил:

— Молодец девушка, ничего не скажешь!

Катрина уже скрылась из виду, а он все еще стоял, глядя ей вслед, и повторял:

— Молодец девушка!

ОТТЕПЕЛЬ

Как только капитан Нурдквист признал победу молодой батрачки, с ее положением отщепенки было сразу же покончено. Нурдквист, который был скор на издевку и насмешку над ближним, был в то же время человеком откровенным, и если уж кому-нибудь удавалось завоевать его уважение, он никогда не пытался это скрыть. Поэтому на приходских праздниках Нурдквист откровенно рассказывал, как бедная батрачка осмелилась пойти против него и одержала победу. Рассказ свой он обычно кончал такими словами:

— Да, уж было тут на что поглядеть, когда она шла по деревне с коровой. Я не знал, на кого раньше глядеть — на корову или на нее. И — верите? — она еще смеялась надо мной. Ну и молодец баба!

После того как Нурдквист снова стал давать Катрине работу, остальные хозяева последовали его примеру. Поэтому всю вторую половину зимы у Катрины было горячее время.

Уже незадолго до весны ее опять позвали на Дубовый остров, и она работала там несколько недель. С нею была ее младшая девочка, так как Катрина боялась оставить малышку без присмотра. К тому же хорошее питание в богатой усадьбе было на пользу ребенку.

Субботним утром в конце марта она направилась домой. Она так часто проделывала путь от Дубового острова на Турсё, что дорога была ей теперь хорошо знакома. На этот раз она везла девочку впереди себя на финских санях. Эквалль наказывал ей быть осторожной и остерегаться разводьев, стремнин и трещин, так как лед был уже ненадежен. Катрина обещала быть начеку, но она не слишком-то беспокоилась, так как ни разу еще не испытывала трудностей перехода по весеннему льду. Лед был синевато-серым от совместного действия воды и солнца. В некоторых местах вода достигала Катрине почти до голенищ, ноги скользили, и было очень трудно продвигаться вперед. Между островами Лёкё и Турсё, там, где, как слышала Катрина, было быстрое течение, она, к своему ужасу, увидела поблескивающие то тут, то там небольшие полыньи. В ту же минуту она заметила, что лед подается под ее ногами. Она с испугом повернула санки и отскочила в сторону, но тут лед вдруг обломился под нею, и она, судорожно вцепившись в санки, провалилась по пояс в холодную воду. Санки перевернулись, и девочка с криком стала вываливаться из них. Катрина бросила санки и схватила ребенка. Зажав девочку под мышкой и стараясь оберечь ее от ледяной воды, Катрина свободной рукой стала помогать себе выбираться из воды. Но всякий раз, когда она уже почти оказывалась на поверхности, лед ломался под тяжестью ее тела. И она снова и снова еще глубже погружалась во все увеличивающуюся полынью. Отчаяние охватило ее, она билась, как дикое животное, холодный пот струился у нее по лицу. Девочка исступленно кричала. Все усилия были напрасны, вода пропитала лед, и он не мог уже служить опорой. Обессиленная, Катрина затихла, держась за кромку льда, а мысль ее напряженно работала. Господи! Что же

ей делать? Ноги у нее застыли и окоченели. А берег был так близко по обеим сторонам пролива! Что ей делать с ребенком? Может быть, выбросить девочку подальше на лед? Но вдруг лед не выдержит тяжести даже маленького тельца и ребенок утонет у нее на глазах? Или если она сама погибнет здесь, то беспомощный ребенок замерзнет тут же, на льду. Нет, она не решалась выпустить малютку из рук. Девочка совсем охрипла от крика и теперь, пораженная ужасом, прижималась к матери и тихо всхлипывала.

Катрина вспомнила своих мальчиков и Юхана. Она очень нужна им. Им без нее не обойтись. Надо было попытаться снова. Она опять стала карабкаться наверх, но руки у нее застыли и обессилели. И тут только ей пришло в голову позвать на помощь.

— Помогите, помогите, помогите! — закричала она.

Она на минуту замолкла, прислушиваясь, и затем ее крик снова огласил пустынные ледяные просторы, эхом отозвавшись в скалах Лёкё.

— Помогите, помогите!

И вдруг... издалека, словно из иного мира, слабо, но отчетливо до нее донеслось: «Эгей!»

Катрина прислушалась, затаив дыхание, а затем снова закричала с отчаянной силой:

— Помогите, помогите!

— Идем, идем! Держись! — послышался вдали низкий мужской крик.

На Турсё-фьерде отделилась от горизонта темная точка, которая стала быстро расти и наконец приняла очертания мужских фигур, быстро движущихся вперед.

— Эгей! Где вы? — раздался голос, теперь уже гораздо ближе.

— Тут, тут, сюда! — кричала Катрина.

С неописуемым волнением следили ее глаза за приближающимися людьми. Они, казалось, были совсем близко, но как медленно они шли! Выдержит ли она? Рука, которой она поддерживала девочку, нестерпимо болела, словно перебитая. Ног она совсем не чувствовала, и лишь какая-то гигантская тяжесть тянула ее вниз. Что с девочкой? Ребенок был тих и неподвижен, хрупкое тельце, насквозь промокшее, несмотря на все усилия Катрины, окоченело и застыло. Катрина снова

попробовала кричать, но голос изменил ей и крик превратился в хриплый шепот.

Люди быстро приближались. Перед глазами Катрины заплясали темные тени, и она не могла понять, сколько человек было здесь. Иногда ей казалось, что их всего шесть, а иногда — что двое или трое. Мужчины суетились вокруг, пробуя лед. Они легли ничком, и кто-то бросил ей веревку. Она схватила ее онемевшей рукой, но у нее уже не было сил самой выбраться из полыньи. Словно в тумане видела она, как люди бросили впереди себя доску или палку, — она не знала что, — затем кто-то взял из ее застывших рук ребенка, и она почувствовала, как ее за плечи вытаскивают из воды. Больше Катрина уже ничего не помнила. Очнувшись, она увидела себя сидевшей на санках. К ее рту поднесли кувшин с каким-то крепким напитком и заставили сделать несколько глотков.

— Сандра! — прошептала Катрина.

— Ребенок? С ним все в порядке, не бойтесь! — ответил кто-то на незнакомом диалекте.

— Сандра! — опять простонала Катрина, стуча зубами.

— Иди сюда! Дай ей ребенка, пусть увидит девочку, — сказал один из мужчин, и маленькое тельце положили ей на колени.

Девочка была закутана в куртки и овчины и, казалось, спала. В полузабытьи сидела Катрина на санках, которые быстро вели ее спасители. Один из них шел впереди, пробуя лед палкой. Иногда им приходилось далеко обходить тонкий лед и полыньи; в некоторых местах трещины были так широки, что путникам приходилось класть мост из досок, которые они захватили с собой, чтобы переправляться через зияющие разводья.

Мужчины подошли к маленькой избушке рыбака у самого Ботвикена. Бережно внесли они Катрину и девочку в дом. Женщины в избушке помогли ей снять платье и принялись растирать снегом ее обмороженные руки и ноги. Затем ей дали надеть сухое белье и закутали в теплые овчины. Девочка подверглась той же процедуре. С большим облегчением Катрина услышала, что девочка пострадала не так сильно и скоро уснет. Парни, спасшие Катрину, тоже окоченели и устали, но горячий кофе вернул жизнь их застывшим телам. Они сидели

вокруг пылающего огня, а их чулки сушились тут же, у очага.

Очнувшись, Катрина увидела около своей постели Юхана. Он сидел вытянув шею и глядя на жену испуганными глазами.

— Катрина, — лепетал он.

Сначала Катрина никак не могла вспомнить, что случилось и где она находится, но вдруг все происшедшее мгновенно всплыло в ее памяти, и она рывком приподнялась на локте.

— Где Сандра? — взволнованно спросила она.

— Там, — ответил Юхан, кивая головой на соседнюю комнату.

— Как она?

— Хорошо, говорят.

— Она спит?

Катрина ожидала ответа, но Юхан не в состоянии был разговаривать. Он смотрел на жену таким беспомощным взглядом, что она мгновенно забыла о дочери.

— Да что с тобой, Юхан? — спросила она.

Вдруг голова его упала на грудь, из глаз хлынули слезы. Катрина откинула его свисающие на лоб волосы и подняла его упирающуюся голову.

— Ты чего плачешь, Юхан? — спросила она чуть раздраженно.

— А-а ну как ты бы по-по-тонула, — всхлипнул Юхан и поднял на жену увлажненный взгляд, полный глубочайшей преданности.

Катрина была растрогана. Улыбаясь, она заверила мужа:

— Со мной все в порядке.

Но затем сразу же с чувством утомления отвернулась к стене. Даже теперь! Всегда она должна быть сильнее, всегда подбадривать. «Когда же я сама буду получать утешение и поддержку?» — думала она.

Через несколько минут она уже опять овладела собой и обернулась к Юхану, который сидел, терпеливо ожидая, когда жена снова возвратится в его маленький мирок.

— Где моя одежда, Юхан? Я встану сейчас. Нам пора домой, — сказала она.

Когда Катрина, покинув каморку, вошла в горницу, она увидела, что парни, обутые в мягкие сапоги из

тюленьей кожи, расхаживают взад и вперед, совсем готовые снова пуститься в путь. Но прежде чем благодарить их, она должна была убедиться, что ее ребенок вне опасности.

Девочка лежала в колыбели, в которую ее уложили хозяева дома, такая тихонькая и бледненькая, что сердце Катрины сжалось от страха. Но вскоре девочка, открыв синие глазенки, улыбнулась матери, и Катрина успокоилась.

Она обернулась к мужчинам. Их было четверо. Это были уроженцы острова Кумлинге, бородатые добродушные парни-рыбаки, проходившие через Турсё-фьерд из Фаста-Аланда на Кумлинге. На благодарные слова Катрины они отвечали веселыми шутками, и говор их казался Катрине более похожим на ее родной эстерботнийский диалект, чем речь обитателей Турсё. Очень пришлись ей по сердцу эти четверо простых парней. Но рыбакам нужно было торопиться. Они хотели попасть домой, прежде чем солнце окончательно растопит лед. Многократно повторяя «Благослови тебя бог» и «Береги себя», они распрощались с Катриной и отправились в путь.

Катрина вскоре оправилась от ужасного происшествия, хотя воспоминания о нем никогда не изгладились из ее памяти. Но девочка после студеного купанья получила жестокую простуду.

САНДРА СОБИРАЕТ ЦВЕТЫ

Маленькая Сандра так и не оправилась по-настоящему от простуды, которую она получила во время несчастного случая в распутицу. Катрина надеялась, что весною, когда немного потеплеет, здоровье девочки восстановится. Как только Катрина решилась отлучиться от постели дочери и оставить ее на попечение старшего мальчика, — Юхан в то время был уже на судовых работах, — она пошла к Эрикссонам, где день и ночь шли приготовления к свадьбе Эльвиры. Хотя хозяйка Эрикссон и не слишком жаловала зятя, но, раз уж она дала согласие на этот брак, ей хотелось подобающим образом справить приданое и сыграть свадьбу своей старшей дочери.

В самый разгар предсвадебных хлопот к Катрине прибежал испуганный Эрик и сказал, что Эйнар послал его за матерью, потому что маленькой сестричке очень плохо. Взволнованная, Катрина тотчас же бросила все дела и помчалась домой.

На камнях перед крыльцом сидел младший сынишка. Завидев мать, он с громким плачем бросился к ней.

— Мама, мама, Эйнар говорит, что Санна помирает! — закричал он.

Катрина вздрогнула. «Что это стряслось с ребенком?» — подумала она. Ведь когда Катрина утром ушла из дому, девочка чувствовала себя хорошо, сидела на постели и играла. Осторожно открыв дверь и заглянув в комнату, Катрина увидела старшего мальчика на коленях перед диваном.

Услышав звук открываемой двери, Эйнар обернулся и устремил на мать большие серьезные глаза.

— Что с Сандрой? — шепотом спросила Катрина и на цыпочках ступила в комнату.

Мальчик уронил свою крупную голову так, что светлые волосы рассыпались по дивану:

— Не знаю. Я молюсь богу.

Катрина машинально успокаивающим жестом погладила мягкие волосы сына, но все внимание ее было устремлено на лежащую в постели девочку. Мать наклонилась и, затаив дыхание, всматривалась в ребенка. Малышка лежала, полузакрыв глаза, лихорадочные пятна окрасили щеки, дыхание было коротким и прерывистым.

— Санна! — ласково шепнула Катрина и откинула светлые кудряшки с горячего лба девочки.

Малышка, казалось, ничего не слышала.

— Санна, Санна, голубка, слышишь ты маму? — повторила Катрина.

Она села на край постели и отерла слюну с губ ребенка, которого душил кашель. Казалось, чья-то железная рука сжимала сердце Катрины всякий раз, когда приступ кашля сотрясал хрупкое тельце. Спустя некоторое время взгляд Катрины упал на Эйнара, который, оцепенев, сидел на стуле; в глазах его, обращенных к матери, был такой ужас, что мысли Катрины на миг оторвались от больной девочки.

— Не сиди ты тут, Эйнар. Поди поиграй с другими ребятишками, — сказала она.

Мальчик послушно пошел к двери, но видно было по его невеселой походке, что он не очень-то был настроен сейчас играть. Катрина грустно поглядела ему вслед.

— Бедняга Эйнар! — проговорила она, а затем девочка в постели безраздельно завладела ее вниманием.

Так лежала малышка день за днем, и Катрина все больше впадала в отчаяние, видя, что ее заботы ни к чему не приводят. На худых щечках Сандры пылал лихорадочный румянец, взгляд был тусклым и отсутствующим. Мальчики растерянно бегали взад и вперед, не зная, за что приняться; Юхан выглядел смущенным и потерянным, как всегда, когда совершалось нечто серьезное и значительное.

Через несколько дней после свадьбы прибежала Эльвира и принесла с собой немножко сластей. Она очень сожалела, что Катрина не смогла быть на свадьбе. Взглянув на больного ребенка, Эльвира спросила:

— Ты почему за доктором не посылаешь?

— За доктором? — удивилась Катрина.

— Ну да, раз ей не лучше.

— Капитанша Ларссон говорила, что Сандру надо в Гудбю свезти, да вот не знаю, как девочка такую дорогу вынесет.

— Ни в коем случае! Нельзя ее в Гудбю везти. Ты должна позвать доктора сюда.

— Да где ж нам денег-то столько взять?

— Придется найти какой-нибудь выход. Здоровье прежде всего, как говаривала моя бабушка.

— Что верно, то верно. Продадим корову.

— Знаешь, Урхо сможет вместе с Юханом отправиться за доктором через пролив; лодку они возьмут у нас. А я попрошу дядю Энгмана позвонить в Гудбю, чтобы доктор с оказией добрался до пролива Бомарсунд, — решила Эльвира.

Она поспешила прочь, а Катрина послала Эйнара к Ботвикену сказать Юхану, чтобы он пришел домой и снарядился в поездку за лекарем.

Мужчины отправились в путь. По мнению Катрины, погода для поездки была чересчур ветреная, но они решили, что к середине дня ветер утихнет. К тому же оба путника были моряками и вполне могли справиться с небольшим бризом. Эльвира сдержала свое обещание и по-

просила капитана Энгмана, у которого был один из немногих телефонов на острове, позвонить окружному врачу на Фаста-Аланд, в Гудбю, чтобы он встречал парней из Турсё у пролива Бомарсунд.

Катрина ждала, не отходя от постели больного ребенка. Теперь она немного успокоилась. Как бы трудно им ни пришлось потом, после того, как они расплатятся с доктором, во всяком случае, ей будут даны совет и помощь в уходе за девочкой.

Ветер не утихал, а, напротив, усилился еще больше. Катрина с беспокойством поглядывала на ближний флюгер, который все неистовее вертелся под натиском разыгрывающейся непогоды. Неизвестно еще, отважится ли доктор — должно быть, очень важный господин — на переезд по морю в такой день.

Время ползло черепашьим шагом, и Катрина каждую минуту смотрела то на часы, то в окно, хотя и знала, что мужчины еще не могли вернуться домой. Но она видела, что девочке становится все хуже, и беспокойство ее росло. А что, если доктор не поспеет вовремя и все хлопоты окажутся напрасными? Она взволнованно расхаживала по комнате, пропуская мимо ушей болтовню и расспросы мальчиков. Почему она раньше не послала за доктором? Без конца задавала она себе этот вопрос. Но что это? По тропке поднималась Эльвира! Она с трудом шла против ветра, который обтягивал ей юбку у колен. Катрина стояла в напряженном ожидании. Может, у Эльвиры есть какие вести о докторе?

Эльвира вошла в комнату, румяная и запыхавшаяся:

— На море шторм! На море шторм! Парни еще не вернулись?

— Нет, — ответила Катрина.

— Не вернулись! Я все глядела на залив, но думала, что лодка прошла, а я их не заметила. Пора уж им быть тут!

— Да, пожалуй.

— А то как же? Господи, да ведь скоро семь часов! Но тревожиться покуда нечего. Во всяком случае, приготовь для них кофе, Катрина.

Катрина сварила кофе и поставила его на горячие угли в печь. Время шло, но никто не являлся.

— Эльвира, давай-ка выпьем кофе. А парням я другой сварю, — наконец сказала Катрина.

Они уткнулись каждая в свою чашку и без удовольствия проглотили пустой кофе. Снова наступило томительное молчание.

— Ты уже подоила? — наконец спросила Эльвира.

— Бэда подоила, — ответила Катрина.

После долгой невеселой паузы молодая женщина задала новый вопрос:

— А мальчики где?

— У Бэды, — ответила Катрина.

И опять нависла над ними тяжелая тишина.

В низкой лачуге стемнело, и сумерки все больше и больше скрывали от Катрины, сидевшей около постели, тоненькую Эльвирину фигурку за столом. Лишь круглое личико Эльвиры печально белело в темноте.

Дверь открылась, резкий порыв ветра пролетел по комнате, и вошла Бэда. Ветер был такой сильный, что ей с трудом удалось закрыть дверь, и она затем долго боролась с упорным кашлем.

— Милые вы мои, — наконец, отдышавшись, выговорила Бэда, — и чего это вы впотьмах сидите? А как девчушка? Доктор не пришел еще?

— Нет, — грустно сказала Катрина, — замешкались чего-то.

— Не знаю, что и подумать, шторм вовсю разыгрался, — озабоченно проговорила Бэда.

Эльвира подошла к окну. Во всей ее обычно такой подвижной фигурке теперь ощущалась непривычная тихая серьезность, и лишь маленькие белые руки беспокойно теребили оборку фартука.

— Как думаете, Бэда, что могло с ними случиться? — с испугом спросила она.

— Кто его знает, что тут думать. Они, видать, к берегу пристали где-либо. Сюда им в такую непогодь нипочем не добраться.

Медленно, невыносимо медленно, час за часом, тянулась ночь, а на дворе неистовствовала буря, сотрясая домик и завывая в трубе. Время от времени сухие березовые листья, которые гнало ветром от нижнего поселка, бились во тьме об оконные рамы. Качаясь на петлях, громко хлопали открываемые бурей двери сараев. Казалось, все злые духи были выпущены на волю и сейчас

совершали свой опустошительный набег. И ничего не оставалось делать, как только ждать, ждать... Катрина все еще сидела на краю постели. Ее утомленные, настороженные глаза словно стерегли едва тлеющую в ребенке искру жизни. Но она не решалась что-либо предпринять из страха причинить девочке вред. Ее беспомощность и неумелость точно связывали ее по рукам и ногам. Бэда сидела, скорчившись, на стуле у очага. Ее гулкий кашель, хрипы девочки да еще завывания бури за окном были единственными звуками, заполнявшими эту ужасную ночь.

Под утро Бэда задремала, привалившись спиной к стенке печи, но Катрина, словно окаменев, все еще продолжала сидеть на своем прежнем месте у постели. Она больше не следила за временем — ей казалось, что прошла уже целая вечность.

Вдруг обе женщины разом воспрянули от своего оцепенения, заслышав снаружи шаги и голоса. Бэда с неожиданным проворством вскочила на ноги, Катрина также встала со своего места и с неописуемым волнением взглянула на дверь. Дверь отворилась, и четверо здоровенных мужчин ввалились в комнату, внеся с собой порыв ветра и свежее дыхание моря.

— Слава, слава тебе господи! — с силой вымолвила Бэда.

Губы Катрины шевелились, но она не в силах была произнести ни звука. «Доктор, доктор, доктор!» — отдавалось где-то у нее внутри.

— Ну, вот и мы! — произнес Юхан, стуча зубами от холода. Ноги у него были мокрые выше колен, он выглядел бледным и жалким.

— Дайте нам чего-нибудь горячего, — сказал один из незнакомцев, который и оказался врачом.

Бэда поспешила раздуть огонь под кофейником, а доктор в это время стаскивал с себя тяжелый, насквозь промокший сюртук и мыл руки.

Он взял чашку с отбитой ручкой и протянул ее Бэде, которая, механически, привычным движением, подняв кофейник, наполнила ее. Доктор одним глотком влил в себя бурый напиток и отставил чашку в сторону. Затем он подошел к постели. Он тщательно, в полном молчании исследовал девочку. Стоявшая рядом Катрина следила

за каждым движением этого чужого ученого человека, в чьих руках была судьба ее ребенка.

Бэда потчевала обжигающим кофе двух других мужчин, и они шепотом рассказывали о поездке.

Они сбились с курса и носились по волнам в маленькой лодчонке Эрикссона, пока наконец им не посчастливилось пристать к островку, на котором обитала какая-то рыбачья семья. Раздобыв здесь более надежную лодку, они после нескольких минут отдыха снова пустились в путь, и сам рыбак вызвался сопровождать их. Путешествие было долгим и опасным, но все-таки они добрались до дома.

Окончив осмотр, доктор обратился к Катрине:

— Этот ребенок никогда не был по-настоящему здоров.

— Да, верно, — согласилась Катрина.

— Она никогда не стала бы крепким и здоровым человеком... — начал доктор, но Катрина поспешно перебила его:

— Стало быть, господин доктор считает, что сейчас уж слишком поздно?

Доктор задумчиво покашлял, пристально посмотрел молодой женщине в глаза и серьезно ответил:

— Этого я не говорю. Быть может, она одолеет болезнь. Если она переживет завтрашний день, то кризис будет позади.

Катрина не спускала взгляда с этого человека.

Ее усталые от бессонницы глаза были неотступно устремлены на него, как прежде на больную девочку, точно она хотела вынудить его сказать что-нибудь более обнадеживающее.

Ясные, серые глаза врача, не мигая, встретили взгляд женщины, но под конец, не выдержав ее молчаливого отчаяния, он отвернулся и стал укладывать свои инструменты, одновременно давая несложные советы, как ухаживать за ребенком. Внезапно холодная дрожь пробежала по его телу. Доктор сел на диван, и тут только Катрина заметила, как измучен он бессонной ночью и какие усталые складки залегли у него вокруг глаз и рта. Ей хотелось предложить ему отдохнуть и поесть, но она опасалась, что он погнушается их скудной пищей, и потому промолчала. Ясное дело, он пойдет в гостиницу. Но тут доктор сам попросил поесть.

— Не могли бы вы собрать мие чего-иибудь позавтракать? — спросил он.

— Да как же, как же! — заверила Катрина, слегка покраснев от смущения.

Она могла предложить ему не так уж миого. Кашу из ржаной муки, кофе да одио из тех двух яиц, которые она сберегала для девочки. Накрывая на стол, она выбрала из своей щербатой посуды самую лучшую.

Юхан с молодым рыбаком ушли, а Катрина осталась одиа с севшим за стол доктором. Вскоре с иемудрящей трапезой было покончено. «Вот сейчас иужио будет расплатиться», — думала Катрина. Доктор встал из-за стола.

— Господин доктор, сколько мы вам должиы? — спросила Катриив с таким чувством, словно готовилась окуиуться в холодную воду.

— Ах, да, да, конечно... Три марки, — ответил он.

— Всего три марки? — пробормотала Катриив, непоиимающе уставившись на него.

— Ну да, три марки. Такая такса, — с деланиым равнодушием ответил врач и натяиул иа себя свой помятый сюртук.

Катрина стояла посреди комиаты, поражеииая изумлеиием, не зная, что ей говорить и что делать.

Затем оиа быстро повериулась к комоду и выиула оттуда три марки, которые были спрятаны у нее под одеждой. Когда Катрина подошла с деньгами к доктору, слезы застилали ей глаза и она едва видела стоящего перед ней человека.

— Пожалуйста, — сказала она.

— Спасибо, — ответил врач и сунул монеты в карман брюк.

— Спасибо, — сказала Катрина сдавленным голосом.

— Ну, готовы парни в путь? — спросил доктор немиого погодя.

— Готовы, готовы. Они за лошадью пошли, чтобы довезти господина доктора к морю.

— Хорошо.

Ои повторил свои указания относительио ухода за больиой девочкой и предупредил Катрину, что к иочи ребеику может стать хуже.

Доктор совсем уж было собирался выйти, но тут взгляд его упал иа Эйиара, и он положил руку иа голову мальчика.

— Ты самый старший? — спросил ои.

— Да, — ответил Эйнар. Он был неописуемо смущён тем, что к иему обратились, ио стоял выпрямившись и смотрел доктору прямо в глаза, делая невероятные усилия, чтобы вести себя как подобает.

— Ты капитаном будешь, когда вырастешь? — спросил доктор.

— Да, — ответил мальчик.

— У него и капитанская копилка есть, — сообщил Густав, которому страшно хотелось, чтобы иа иего тоже обратили внимание.

— Да неужто? Капитанская копилка?

— Да, — в третий раз ответил Эйнар и, сняв с комода тяжелую металлическую копилку, подареииую ему старой фру с Дубового острова, показал ее доктору.

— Вот это его копилка, — пояснил Густав.

— Хорошая штука. Надеюсь, она будет совсем полная, когда тебе понадобятся деньги, — заметил доктор. С этими словами ои сунул руку в карман брюк, вынул одну из только что полученных марок и опустил ее в щель.

Лицо Эйиара залилось краской от смущеиия; ои протянул доктору руку и низко поклонился.

— Спасибо, — сказал ои.

— Пожалуйста, — ответил доктор.

Густав побежал к матери и громко зашептал:

— Мама, мама, он цельную марку в Эйнарову копилку положил.

Врач весело улыбнулся.

Юхан с грохотом въехал иа гору с лошадью и телегой и остаиовился перед крыльцом. Катриил вышла его проводить.

— Погода-то как? — спросила она.

— Холл рэйт, все тише да тише стаиовится, — ответил Юхаи.

— Когда обратио вернешься?

— К вечеру.

Еще раз посмотрела Катрина на доктора долгим, серьезным взглядом, ио ие сделала никакой попытки снова благодарить его. Он сидел в неудобиой телеге, скор-

чившись, в помятом сюртуке, поставив рядом с собой саквояж. Повозка, подскакивая на ухабах, покатила вниз, к поселку. Катрина вернулась к постели больной девочки.

Все шло так, как предсказал врач. К вечеру малышке внезапно стало хуже. Когда Юхан вернулся из поездки через Бомарсунд, Катрина стояла на коленях перед постелью, не сводя глаз с ребенка, в котором едва теплилась жизнь.

— Юхан, — еле слышно шепнула Катрина.

Муж подошел на цыпочках.

— Чего? — прошептал он в ответ.

— Вели мальчикам сказать Сандре спокойной ночи да сведи их ночевать к Бэде.

Юхан подвел мальчиков к постели и погрозил им пальцем, чтобы они не шумели. Испуганные ребятишки неслышно приблизились и стали глядеть на бледное лицо маленькой сестренки, которое при свете уходящего дня казалось совсем восковым. Затем они охотно позволили отцу увести их.

Когда Юхан стоял уже в дверях, жена снова шепнула:

— Юхан!

— Чего?

— Воротись тотчас обратно.

— Ага.

Через несколько минут Юхан молча вернулся и сел на стул неподалеку от постели.

Буря окончательно утихла, и солнце вдруг выглянуло перед самым закатом, окрасив небо над лесом в бледно-розовый цвет. Но весенние сумерки все больше окутывали дымкой окрестности, постепенно вытесняя все краски. В низеньком домишке стояла такая тишина, что даже сидевший в стороне Юхан улавливал каждый слабый вздох ребенка. Лихорадка прошла, и теперь личико девочки было совсем белым и прозрачным.

Спустя минуту Катрина заметила, что губы ребенка чуть шевельнулись. Она наклонилась, прислушиваясь.

— Санна собилает цветоцки, — шептала девочка.

Одинокая крупная слеза выкатилась из глаз Катрины и упала на постель.

— Да, да, Санна, всегда собирай цветочки, — проговорила она еле слышно.

Еще раз открылись большие голубые глаза, и губенки раздвинулись в слабой улыбке. Затем голова девочки завалилась набок; она больше не дышала. Долго-долго стояла Катрина на коленях, обвив руками малышку, а рядом с ней в полутьме замерла неподвижная фигура Юхана. Наконец Катрина чуть повернула голову и взглянула на мужа. Юхан опустился на колени рядом с женой, склонил голову и заплакал. Теперь в комнате стало совсем темно, и тиканье старых часов тоже неожиданно прекратилось.

Утром Катрина раздела свою мертвую девочку и обмыла ее тельце. Затем обрядила ее в чистую белую рубашечку, которая доставала ребенку до пят. Катрина положила тело на скамью, которую они сколотили из двух досок и покрыли простыней. Здесь должна была покоиться Сандра, пока для нее не сделают гроб. Когда Катрина надевала на девочку рубашку, она наклонилась к ее бедным кривым ножкам и, прежде чем прикрыть их одеждой, поцеловала их одну за другой.

Юхан должен был смастерить гробик для Сандры. Он принялся за дело весьма обстоятельно. Купил у Сеффера несколько досок, достал гвоздей, назанимал во многих усадьбах пилы, топоры, рубанки и лишь после этого приступил к работе. Но так как он, провозившись полтора дня, добился лишь того, что порезал палец, испортил лучшие доски и сломал дорогую пилу, Катрина попросила его отказаться от бесполезных попыток. Она собрала за домом, где он работал, весь материал и инструменты и решила пойти в поселок попросить Урхо помочь ей. Но потом раздумала. Урхо, хоть он был славный парень, и без того достаточно потешался над Юханом. Незачем вообще кому-либо знать об этом. Катрина унесла доски в лесок и укрылась там за соснами. Здесь она оставалась весь день после обеда, а мальчики повсюду искали ее. Наконец Эйнар нашел мать и увидел, как она, прислонив доску к пню, пилит ее изо всех сил.

— Ты что это делаешь, мама? — спросил мальчик.

Катрина вздрогнула и обратила к сыну разгоряченное, вспотевшее лицо.

— Гроб делаю для Сандры, — ответила она.

— *Ты* делаешь?

С минуту длилось молчание. Внезапно Катрина снова обернулась к мальчику и резко сказала:

— Ну, чего ты тут стоишь? И гляди не проболтайся, что это я делала гроб.

Мальчик не трогался с места.

— Уж я-то не проболтаюсь. Люди станут смеяться, ежели я скажу, что папа у нас такой чудной, что и гроба не умеет без тебя смастерить.

Катрина неуверенно посмотрела на мальчика.

— Не смей так про отца говорить! — строго сказала она.

— Гм, — отозвался мальчик.

Катрина вернулась из лесу к вечерней дойке, неся под мышкой гробик. Она выкрасила его белой краской и поставила сушиться на крыльцо.

Маленькой Сандре принесли много цветов. Тщетно стучатся живые детские руки в человеческое сердце, но холодный, застывший облик мертвого ребенка легко пробуждает всеобщее сочувствие. Почти из каждой усадьбы прислали цветов или несколько веток. Эльвира отдала остатки своего свадебного миртового венка, и ими украсила Катрина изголовье девочки.

Катрина не собиралась справлять поминки. Конечно, никто не ожидал от батрацких поминок большего угощения, чем чашка кофе, но Катрина и этого не могла предложить. У нее не было ни кофе, ни сахара, ни муки, ни пряностей для хлеба. Не было и денег, чтобы все это купить. Но, несмотря на это, многие явились на похороны.

Капитан Нурдквист самолично правил траурной повозкой, и так как девочку хоронили в субботу, прекрасным весенним днем, то многие сопровождали процессию до самой церкви.

Повозка была убрана еловыми ветками, и белый гробик весь утопал в зелени. Капитан Нурдквист возвышался на сиденье и правил лошадьми. Первыми в процессии бок о бок шли Катрина и Юхан. На Катрине было ее старое черное платье и шелковый платок. Они были заношены до блеска, а платье было слишком узко для ее фигуры, которая значительно раздалась в ширину с тех пор, как Катрина двадцатитрехлетней девушкой покинула родные края. Башмаки, в которых Катрина

ходила и в поле и на скотный двор, казались растоптанными и будничными, несмотря на попытки подновить их при помощи черной ваксы. У Юхана не было даже черного костюма. В его коричневых молескиновых брюках и в бесформенной синей куртке из диагонали ему пристало бы больше шагать за телегой с навозом, чем идти в похоронной процессии. На голове у него была выцветшая матросская шапка, по старой привычке посаженная набекрень. Он нес в руках самодельный венок из можжевельника, а длинная полотняная лента, на которой Эльвира вывела черной краской: «Спи с миром» и «Последний привет Сандре от отца и матери», свешивалась почти до земли.

Юхан шел, ощущая торжественную серьезность происходящего и пытаясь придать лицу соответствующее выражение, но ему это никак не удавалось. Уныло плетясь за гробом, он мог вызвать лишь улыбку, но не уважение. Лицо Катрины, напротив, выражало тихую печаль, и видно было, что меньше всего она думает о том, какое впечатление производит на окружающих.

Могила была приготовлена на новом кладбище, то есть на самой удаленной от церкви части его, которая вошла теперь в состав разросшегося кладбища. Здесь было не так уж много могил. Богатеи ссорились из-за места на узком пространстве старого кладбища, где для цветников был плодородный чернозем и где высокие дубы давали тень и прохладу и защищали от бурь. Новая часть кладбища находилась на песчаной возвышенности, открытой всем ветрам, дувшим с пролива Лонгсунд. Летом вся зелень выгорала на раскаленном песке. Но эта часть кладбища была достаточно хороша для торпарей, рыбаков и бедных матросов. Бок о бок с ними должна была покоиться и дочурка Катрины.

Старый, седобородый звонарь пропел панихиду своим устрашающим голосом, и маленький Густав, испуганно плача, стоял, прижавшись к матери, все время, покуда длилось пение. Пастор бросил в могилу три лопаты земли и прочел текст, после чего стоявшие поблизости мужчины быстро засыпали ее. Затем на маленький холмик положили венки и цветы, и все было кончено. Нурдквист быстро укатил обратно, посадив в телегу полным-полно шумливой детворы, парней и девушек. Идущие пешком прощались с Катриной и Юханом, сворачивая каж-

дый к своей усадьбе, и торопились по своим обычным вечерним делам. Маленькая девочка Катрины и похороны были мгновенно забыты. Вскоре супруги остались одни и молча продолжали свой путь по поселку. Мальчики ехали домой в телеге Нурдквиста.

После похорон Юхан, как видно, очень тосковал по девочке. В доме было пусто и тихо, так как мальчики целыми днями носились по холмам. Катрина часто заставала его сидящим в задумчивости, с потухшим взором, а прежняя словоохотливость его совершенно исчезла. Сама Катрина ощущала утрату больше как физическую боль. Девочка была еще так мала, и тело ее, казалось, еще не утратило своей связи с телом матери. Грудь Катрины ныла, и руки словно бы ощущали мягкое детское тельце.

Но время шло как обычно, и вскоре начались весенние работы на пашнях и лугах. Катрине пришлось теперь брать на работу и Эйнара с Эриком. Младший мальчик отправлялся вместе с ними и играл на пригорке где-нибудь поблизости. Юхан ушел в свой обычный летний рейс, и вдали от дома, среди шумливых матросов, даже и он забыл девочку, которая жила так мало и умерла такой тяжкой смертью.

ПТЕНЕЦ ПОКИДАЕТ ГНЕЗДО

Через год после смерти Сандры, когда Эйнару было двенадцать лет, он пришел однажды к матери и объявил, что хочет уйти в моряки.

— В моряки! — вскрикнула Катрина.

— А чего ж, — твердо сказал он, — неужто мне оставаться тут да на хозяев спину гнуть?! Капитан Нурдквист меня поваренком зовет.

— Капитан Нурдквист? Который Нурдквист?

— Капитан Яльмар Нурдквист.

— Ну, с этого что взять! У него только и дел, что сосунков в море сманивать!

— Сосунков? А на хозяев работать — тут я не сосунок? Пойду в море.

— Не бывать этому.

Парень, всегда такой покладистый, пришел в ярость. Он затопал ногами и заорал:

— Как я сказал, так и будет! Хочешь не хочешь, а в море я уйду!

— Эйнар, Эйнар! — упрашивала Катрина. — Хоть годочек-то еще дома побудь. Ты думаешь, в море все тишь да гладь, только ведь не так все это. Такому мальцу, как ты, тяжело водиться с грубой матросней.

— Да что ты о морской жизни-то знаешь? — презрительно спросил сын. — Другие пораньше моего начинают. Отцу вон тоже не больше было.

— С отцом — иное дело: у него ни дома, ни отца с матерью не было.

— Дом и отец с матерью?! Ну, ну! А у меня — дом? Хибара!

Злые, необдуманные слова мальчика жестоко ранили сердце Катрины, но не в ее боли было сейчас дело: важнее всего было заставить сына выкинуть эти морские бредни из головы, утихомирить его еще хоть на год.

Вся весна прошла в бурных стычках, и в конце концов Катрине пришлось уступить. Она отпустила его наняться к старшему сыну Нурдквиста, на «Эдлу».

Тяжко было у Катрины на сердце в эту весну, когда она не только мужа, но уже и сына собирала в море. Заботливо укладывала она мальчишке матросский мешок, вздыхая, совала туда новую эмалированную кружку, стакан, нож, вилку с ложкой. Заботливо и тщательно уложила немного белья и пару новых молескиновых штанов, которые сама сшила ему. Уже под завязку было положено тонкое шерстяное одеяло. Он будет им укрываться. А Эйнар сходил к Нурдквисту, и ему дали там два дерюжных мешка. Он сшил их в один и набил соломой. Это будет матрац. Напоследок Катрина положила катехизис Лютера и просила не забывать в него заглядывать.

Обычно немногословный, мальчик во время этих сборов очень оживился и расхвастался, болтая с младшими братьями и с матерью. Он пытался говорить грубым мужским голосом, вертелся по всей комнате и без умолку трещал о чужих краях, которые он увидит, и о том, как много он заработает денег.

— Береги мою капитанскую копилку, мама! — сказал он.

Его судно стояло в Мариехамне, а поэтому великое путешествие должно было начаться рейсом на пароходе

«Аланды» от Турсё до порта. Молодой капитан и команда, все здешние, одного прихода, собрались ехать вместе. Густава радовала возможность побывать на Ботвикене, он хотел видеть, как выйдет в море брат, пусть даже это будет, как почти всегда, ночью. А Эрик — тот дулся и завидовал: уж следующей-то весною и он уйдет в море, за это он ручается.

«Так, — подумала мать, — уже и твой черед...»

Накануне отъезда Катрина отвела сына в сторонку и говорила с ним очень серьезно. Он, пожалуй, и не поймет, что она желает ему только добра, но все равно она исполнит свой долг и предостережет его от искушений и разочарований моряцкой жизни, о которых она знала, хотя ни разу не была в море. Жизнь его души — вот что тревожило ее больше всего. Она заклинала его не пить, беречься распущенности и дурной компании. Мальчик слушал внимательно, и Катрина вновь уловила в глазах его прежнее, столь дорогое ей чувство. Она чуть было не обняла его и не поцеловала, как прежде, когда он был маленьким, но стена застенчивой замкнутости, свойственной беднякам, прячущим за нею все нежные чувства, уже воздвигалась между ними.

Она сдержалась, только положила руку на плечо старшего сына и сказала:

— Писать-то не забывай. Знаешь ведь, как пусто теперь в доме станет.

Мальчик несколько раз кивнул головою в ответ. Говорить он не мог.

Семья рано легла в этот последний вечер, чтоб отдохнуть хоть несколько часов, пока нет парохода. Но поспать удалось только отцу да двум меньшим братьям. Катрина лежала без сна. Она чувствовала себя угнетенной и беспомощной. Ей казалось, что жизнь проскальзывает между пальцев, налагает руку на нее самое, на ее близких, делая с ними все, что хочет, а ее настоящее *я* стоит поодаль, забытое в суете, ничего не в силах выразить. Разве не вчера только был ее сын малышом в курточке, цеплялся за материнскую юбку, пока она трудилась на поле? И молодец же он был! Был всегда самым славным, самым крепким изо всех. Правда, и получал он всего больше, чем те трое. До чего был он мил, когда спал, бывало, в корзине из-под шерсти у Бэды, спал, хотя вокруг него галдела целая куча детворы.

А теперь вот он вырос, и мир забирает его у нее. Как это время пролетело так быстро? Она ведь ясно помнит, как рожала его, как лежала вот здесь, на этой самой кровати, и прислушивалась к шагам Юхана, помчавшегося в поселок за повитухой. И потом... Ах, какое было счастье растить его! А теперь — теперь он уже готов улететь из дому, а ее протянутые руки никак не в силах удержать его ни на миг. Это страшно, это все равно что рожать его второй раз, будто опять чувствуешь, как отделяется плоть дитяти твоего от собственной плоти. Двое слиты воедино, как одно существо. И вот он окончательно отрывается от нее, и она больше никак не связана с ним.

Конечно, с ней останется Юхан, в этом она всегда уверена: оба они проживут, состарятся и умрут вместе, в этой вот самой лачуге. Как странно, что два чужих человека соединяются и продолжают путь в одном русле, связанные неразрывно. Два таких разных человека, как Юхан и она. И каким бы еще стал Юхан, если бы не она... Легкий шум со стороны двери прервал течение мыслей. Повернув голову, она разглядела мальчишескую тень в слабом свете занимающегося дня. Тень бесшумно кралась от двери к печи. Удивленная, Катрина приподнялась на локте и вгляделась. А, это Эйнар. Он стоял босиком, в короткой белой рубашке, и возился со щепками для растопки.

— Ты зачем встал, Эйнар? — шепнула она.

Мальчик испуганно вздрогнул. Потом подошел к постели. Ноги у него были красные, мокрые.

— Ты выходил вот так, как есть? — спросила мать шепотом.

— Никто меня не видал, — виновато отвечал мальчик. Он поглядел вниз, на свои голые ноги.

— Ты зачем среди ночи выходишь, чего не спишь?

— Не могу. Не уснуть мне. Скоро идти. Я выходил смолоть кофе, чтоб не будить вас. Сейчас вот растоплю.

— Да ведь рано, родной мой! Еще нам не пора. Попробуй-ка уснуть.

— Нет, мама. Мы на пароход можем опоздать.

— Да не спеши ты, нечего. Вон как Густав спит крепко... Куда бы лучше не брать его с нами, так ведь не возьмешь — он утром изревется.

— Да уж... Мам!..

— А?
— Я писать тебе буду с каждой стоянки.
— Вот и славно, Эйнар. Славно. Не забывай только. А сейчас оденься, мальчик, простынешь ты эдак-то.
— Не, не простыну я... Мама!
— Ну?
— Была бы Санна жива, я б ей большую куклу привез осенью, как вернусь.
— Да. Только теперь уж ей не надо кукол. Братишкам вот не забудь красивое что-нибудь.
— Не забуду.

Когда Юхан и младшие братья проснулись от крепкого сна и все напились кофе, они пошли вниз, к Ботвикену. Юхан тащился впереди, неся на спине мешок Эйнара. Он был совсем еще сонный. Эрик и Густав семенили один справа, другой слева от отца и пытались идти с ним в ногу, Катрина с Эйнаром отстали на несколько шагов. Они шли молча, оба погруженные в свои невеселые мысли. Время от времени, вспомнив о чем-нибудь еще не сказанном, Катрина коротко напоминала сыну о том, о другом. Мальчик только кивал в ответ. Сейчас он уже не был ни разговорчив, ни весел.

На берегу тянуло предрассветным холодом и сыростью. Вода смоляно отблескивала и таинственно плескалась внизу, о сваи причала. Юхан поставил мешок, и вся семья сгрудилась с подветренной стороны складского здания. Они разговаривали приглушенно, словно боясь звука собственных голосов. Эрик и Густав взгромоздились на масляную бочку и уселись там рядышком, сонные и замерзшие. Эйнар не отходил от матери.

Пока они так стояли, Юхан вдруг нарушил молчание и, ко всеобщему изумлению, стал давать отеческие советы.

— Запомни, Эйнар, коли схватит тебя морская болезнь, так ничего нет лучше соленой салаки. Поешь ее, тебя стошнит, а после все пройдет. Да гляди берегись чертей жуликов, что в портах деньги выманивают. Я денег никогда не считал и не знаю, куда они у меня девались, но ты — дело иное, ты-то должен стать капитаном, должен. Черт подери, из тебя выйдет добрый моряк, самый что ни на есть лучший на Аландах!

— Гм, — равнодушно отозвался Эйнар.

— Так я и думала, — сказала Катрина. — Поторопились мы, пришли в такую рань.

— Ничего, скоро придет. Тсс! Вон и люди идут сверху, — ответил Юхан.

— Это капитан и остальные с ним, — напряженным голосом проговорил Эйнар.

Послышались скрип прибрежного песка под ногами и мужские голоса. Несколько мужчин вышли из полумрака.

— Здрасьте! — поздоровались они.

— Не видать парохода? — спросил кто-то.

— Не видать покуда, — отвечал Юхан.

Молодой капитан Нурдквист вышел вперед.

— Ага, вот и наш кок. Ну, как дела? — спросил он.

— Помаленьку, — серьезно ответил Эйнар.

Тут громко загудел пароход, еще невидимый за ближним островком, и все встрепенулись, заспешили в конец набережной, чтоб увидеть фонарь на мачте. Эрик и Густав тотчас же проснулись и поспрыгивали со своей бочки.

— Мама, мама, пароход идет! — кричали они.

Катрина побежала за ними.

— Глядите, мальчики, не свалитесь в воду! Оставайтесь возле отца.

Красные и зеленые огни пароходика быстро приближались, отражаясь в воде. Теперь уже он был так близко, что стала видна фигура человека на фордеке, готового бросить конец. Один из мужчин на причале приготовился принять его. Через релинг перекинули тяжелый канат, и мужчина на берегу поймал его и замотал вокруг одного из причальных столбов. Спустили трап, и несколько пассажиров быстро сошли на берег. Грузовой штурман носился по палубе, чертыхаясь и отдавая распоряжения матросам, сгружавшим мешки и ящики. Коровы и быки мычали на средней палубе, где бедняки делили с ними помещение и тепло. Сверху, с мостика, капитан в белой фуражке молча и зорко следил за всем, что происходило. На верхней палубе у поручней стояли несколько пассажиров из тех, что рано просыпаются. Они с интересом разглядывали берег и людей на нем.

Те, кому было надо на пароход, уже поднимались на борт со своими тюками и сундуками.

— Иди, — сказал Юхан. — Мешок я тебе поднесу.

Вот и первый гудок уже дан. Люди поспешно забегали туда и сюда. Кто-то сматывал с кнехта конец. Юхан прыгнул на трап.

— Прощай, мам, прощай, мам! — торопливо твердил Эйнар. — Прощай, Эрик! Прощай, Густав! Прощай, мам!

Он вспрыгнул на трап в тот момент, когда Юхан уже соскакивал на пристань, а через секунду трап убрали. Катрина смотрела на своего мальчика, на белую челку над его бледным испуганным личиком. Он стоял там, маленький и одинокий, — ах, какой маленький в этой буйной палубной суматохе. А пароход отвалил, сделал поворот и унес сына с глаз ее.

Люди пошли по домам. Мальчишки скакали по пристани, возле самого края, махали исчезающему пароходу, и Юхан стоял тут же, засунув руки в карманы брюк. А Катрина словно окаменела. Она знала одно сейчас: она никогда не простит себе, что отпустила своего малыша, такого одинокого, в дальние края. Его лицо, когда он стоял на палубе отходящего парохода, навсегда врежется в ее сердце.

Через несколько дней Катрина получила от капитана Нурдквиста весточку о том, что «Эдла» покинула Мариехамн. Они шли в Норланд грузиться лесом. Катрина не сразу привыкла к тому, что мальчика нет больше дома. Первые дни она не раз ловила себя на том, что напряженно вглядывается в дорогу, идущую снизу, от поселка. В поле она забывалась и, оставив работу, глядела на дорогу к Ботвикену, будто ждала кого-то. В конце концов она все же свыклась с его отсутствием. Однако ночь за ночью тревога за дитя охватывала ее. А потом уехал и Юхан, и в доме стало еще тише, и тоска стала тяжелее. Когда она накрывала на стол на троих вместо пятерых, пустота, оставленная двумя ушедшими, казалась ей особенно черной.

Уже на другой день после отплытия старшего брата маленький Густав весело подошел к ней и спросил, не пора ли справиться на почте о письме от Эйнара. Катрина улыбнулась:

— Нет, Густав, рано еще.

Но немного времени спустя она и сама стала считать дни, когда судно придет к месту назначения и можно будет ждать письма. Теперь она, как и каждая женщина на Аландах, живо интересовалась переменами погоды и направлением ветра. Она так часто спрашивала Нурдквиста, где, по его мнению, находится сейчас «Эдла» и нет ли еще телеграммы, что ей было стыдно.

— Пока еще нет, девушка, — был обычный ответ капитана.

Но настал наконец день, когда капитан пришел с радостной вестью: — «Эдла» пришла в Норланд.

— Да неужто? — воскликнула Катрина с сияющим лицом. — А вы не знаете, как им пришлось в пути?

— Нет, девушка, в телеграмме только и стоит, что пришли и что все ладно. Но ведь погода была все время хорошая и ветер в корму.

— А потом они куда?

— В Плимут.

— ?

— Ха, ха, ха, думаешь, это на луне? Это в Англии.

Англия! Еще и туда занесет ее мальчика? Да это ж все равно что на луну.

Когда на Клинтен принесли первый конверт с диковинной чужеземной маркой в углу, весь заполненный большими круглыми детскими буквами, в маленьком домике поднялся переполох.

Эрик и Густав, последнее время беспрерывно бегавшие на почту, были наконец вознаграждены за свои старания. Они сломя голову неслись на гору, будто пожар начался. Первым прибежал Эрик; он держал в руке что-то белое и вопил:

— Мама, мама, письмо от Эйнара! Письмо, письмо, мама!

За ним по пятам мчался маленький Густав. От бега вперегонки и от слез он едва мог дышать.

— Я понесу письмо, я понесу его! — всхлипывал он.

Катрина выскочила из дому. Она выхватила у Эрика письмо и побежала назад. Мальчишки с криком бежали за ней.

Войдя в дом, она немного отдышалась, бережно вертя в руках помятый конверт. Потом Катрина села на стул, мальчики стали по бокам, и она прочла короткое, незатейливое, но такое бесконечно дорогое письмо.

Они пришли в гавань. Плавание было отличным, при попутном ветре. Немного укачало, поел салаки, как учил отец. И это помогло. Один раз был на берегу, купил фуражку и нож. Теперь пойдут в Англию.

Вот и все, что было в письме, но Катрина и мальчики прочли очень длинную историю между несколькими строчками. Некоторые фразы они с Эриком разбирали по

складам и читали письмо вслух еще и еще, пока все трое не выучили его наизусть. Потом она спрятала письмо в ящик комода, среди самых своих дорогих вещей.

ЯБЛОКИ В РОСНОЙ ТРАВЕ

В это лето, когда Катрина, по-прежнему тоскуя по своей маленькой дочке, страдала еще и от огромной пустоты, оставшейся после отъезда Эйнара, она работала тяжелее и усерднее, чем когда-либо раньше. Она чувствовала себя крепче и сильнее, чем прежде; больше не было малышей, державших ее на привязи дома, да и не так много осталось теперь детей, чтобы приходилось делить крохи. Теперь ей и самой перепадало иногда что-нибудь вкусное. Впрочем, мальчишки были уже в том возрасте, когда крохами не насытишься. Если они не ходили с ней на работу, то бегали по холмам в неутомимой жажде поиграть и возвращались домой в изорванной одежде и с волчьим аппетитом.

По вечерам, приходя с работы, Катрина возилась по хозяйству. Она все старалась разбить сад на голом склоне холма. Мечта всей ее жизни — яблоневый сад — была однажды попрана так жестоко, что почти уже было умерла, но с каждым годом она вновь и вновь тихонько оживала, когда Катрина проходила поселком и глядела на деревья в белоснежном цветочном наряде или на гнущиеся под тяжестью ярких плодов ветви. Словно Ева в раю, она жадными глазами глядела на запретный плод. Иногда хозяйки давали ей несколько яблок, но, как те ни были вкусны, еще отраднее было ей думать о счастье, которое она принесет детям. Поэтому она каждый раз клала яблоки в карман юбки; самой ей полакомиться доводилось не часто.

Однажды осенним утром, когда она пришла молотить к Эрику, — это было до замужества Эльвиры,—та вдруг сказала ей:

— Пойдем, Катрина, соберем яблоки, какие попа́дали за ночь, покуда их сороки не расклевали.

Катрина пошла за ней в сад. Было очень рано, около трех утра, и мужчины даже еще не оделись для молотьбы. Катрина и Эльвира босиком семенили от дерева

к дереву, собирая в передники упавшие плоды. Было еще совсем тихо и так темно, что они едва различали их в траве. Росистая трава была очень холодна и обжигала босые подошвы. Но молодых женщин это не тревожило: на теплом гумне они быстро отогреются. Катрина бродила по саду, собирая яблоки, а в ушах ее звенели слова, которые она много лет назад услыхала на родине, слова, заставившие ее покинуть дом, где прошло ее детство, и отправиться в чужие края: «Выйдешь утром — и собирай в росной траве сколько угодно яблок».

И вот она собрала их, яблоки, по росе. «Но как непохожа явь на мечту!» — подумала она печально и горько усмехнулась в душе: «Во всяком случае, *однажды* утром вышла я и собирала яблоки в росной траве». Но как бы то ни было, эта мысль подсластила ее горечь, и она любила потом вспоминать это осеннее утро и воображала, будто и вправду побыла несколько кратких мгновений в счастливом райском саду.

А теперь она хотела иметь свой сад. Смогла ведь молодая жена капитана, что живет внизу, за посёлком, насадить славный садик прямо посреди неплодородного склона. Даже девочки Бэды сумели наскрести горсточку земли для клумбы под окном. А теперь и она постарается покрыть безобразную гору родящим черноземом и посадить в него какой-нибудь зелени. Она всегда берегла всякий сор, помои и золу и насыпáла все это с южной стороны дома. Она даже посадила там немного ноготков, но слой земли был тонок, и ни кусты, ни деревья не пустили бы корней. Но в это лето она заметно и вширь и вглубь увеличила свой участок.

Капитан Нурдквист велел вырыть длинную дренажную канаву через пашни и Северный выгон, до озера. Возле выгона, где канава проходила в ольховом кустарнике мимо груд камня, капитан разрешил Катрине взять немного земли, которую повыкидывали по сторонам, пока рыли канаву. Идти было далеко, а землю, хотя и рыхлую, но сырую, таскать было тяжело. Но бессчетные разы ходила Катрина от пастбища до Клинтена поздними вечерами, тяжко отработав свой день. В большой плетеной корзине тащила она землю на гору, через лесок с задней стороны дома. Идти надо было и полем и пашней, там не было ни калиток, ни проходов, и ей приходилось карабкаться через изгороди. Позже она заняла тачку,

у Блумов. Это было легче — толкать перед собой тачку и привязанную на ней сверху корзину земли, но зато она теперь должна была выбирать дорогу для тачки, но такой путь был вдвое длиннее прежнего.

Катрина было задумалась: не засыпать ли землею весь участок горы возле дома? Но потом сообразила, что это будет напрасный труд. Ей никогда не натаскать сюда достаточно толстого слоя, чтоб в самом деле вышел толк. На северном склоне, за домом, ничего все равно не вырастет, а на западном каждую весну потоки воды обмывали круглые каменные лбы и отмыли их так, что ни земли, ни моху на них не осталось. И поэтому все свои силы Катрина положила на то, чтобы покрыть землею южный склон.

Встречая Катрину с корзиною поверх тачки, люди шутили с нею и спрашивали, когда ж будет готово картофельное поле.

— Да уж будет со временем, — отвечала она.

Планы-то у нее шли гораздо дальше, но об этом она помалкивала, потому что — она знала — люди жестоко ее высмеют. На подоконнике в жестяном ящике росло у нее несколько маленьких пышных саженцев. Это она посадила семечки из спелых яблок. Вот они подрастут, а земли она еще подсыплет — и можно высаживать. Люди, верно, будут считать ее дурой, но она им докажет! Почему бы хоть одной яблоне не прижиться там, на солнышке, с подветренной стороны дома, если она насыплет много земли и будет хорошо ходить за деревцем? Она не раз слышала, что яблоня любит поглубже корни пустить, но ведь и деревья, как люди, живут по обстоятельствам: она видела, как сосны и ели вырастают на тончайших мшаниках по скалам и, если не могут пустить корни в глубину, то обвивают их вокруг. Так будет и с ее яблоней.

Катрина часто спускалась к Эльвире и с интересом осматривала ее сад. Урхо и Эльвира жили во Фрунсе, в маленьком красном домике у дороги, посреди поселка, там, где впервые зачаровал Катрину яблоневый сад. Там были не только яблони — были еще сливы и вишни, были кусты смородины и крыжовника. А Эльвира все сажала еще и еще и готовилась высадить еще больше. Но теперь у нее появилась и другая забота: в конце зимы родила она мальчика. А Урхо опять был в море.

Долгим было первое лето плавания маленького Эйнара. Юхан, вышедший позже в море, пришел на месяц раньше его. Долгая осень была для Катрины временем ожидания и тревог. Теперь она могла понять Бэду, ее великий страх каждую бурную осень. За несколько недель до рождества мальчик вернулся. Увидев его, Катрина отпрянула — ей показалось, что это чужой пришел в дом. Он заметно вырос, голос у него ломался и звучал то хрипло, то грубо и резко. Но уже через несколько мгновений, не больше, она убедилась в том, что это ее родной Эйнар, и то пугающее несходство, которое поразило ее так сильно вначале, пропало.

Он купил себе кое-что из одежды и порядочно сберег из своего небольшого жалованья. Это пошло в копилку. Младшие братья казались раздосадованными, когда обнаружилось, что ничего, кроме леденцов, брат Эйнар им не привез. Но матери он дал пять марок к рождеству.

— Я дам мальчишкам по пятьдесят пенни, — сказала она.

— Не, мама, не надо, — шепнул Эйнар таинственно. — У меня кой-чего припасено, в аккурат в праздник и выну.

— Оно и хорошо! — радостно сказала Катрина.

В сочельник он раздавал подарки. Катрина получила передник и банку шведского кофе, Юхан — шарф, а Эрику с Густавом достались фуражки и еще по игрушке в придачу. Празднично было у них в домике, где все они снова были вместе в этот такой необычный сочельник. И Эйнар, вручавший дары, чувствовал себя самым счастливым и гордым изо всех.

Юхан везде, где мог, по всему поселку, болтал о том, что за необыкновенный у него парень. «Черт подери, наш Эйнар — лучший моряк на Аландах, но он еще и в капитаны выйдет», — так он обычно заканчивал свои речи. Односельчане хохотали и толкали друг друга в бок. Все чаще и чаще теперь Эйнару приходилось слышать, как к нему насмешливо обращаются: «капитан Эйнар». Поначалу это слегка льстило ему — он полагал, что эту добродушную шутку люди придумали сами, потому что

он был в море. Но вскоре до него дошло, почему над ним издеваются.

Как-то днем он пришел из поселка необычно мрачный. Он стал возле печи и зло уставился в огонь под котлом. Катрина стояла рядом, помешивая кашу, но она ничего не сказала. Она видела, что у мальчика плохое настроение, и не хотела раздражать его разговором. Вдруг он злобно долбанул ногой каменную кладку печи и сказал с дрожью в голосе:

— Ну и житье же дома! Собственных родителей стыдиться надо.

— Ты это о чем? — приветливо спросила Катрина.

— О чем я! О том, что вот папаша мой, черт его подери, шляется да болтает по всему поселку, так что люди смеются теперь надо мной и над всеми нами. Уж по крайности умел бы молчать, коль ни на что другое не гож!

— Он у нас, конечно, болтун, сам знаешь, но ничего худого он не делает. У всех у нас свои плохие стороны. Все молчать да таиться — это тоже не дело, — ответила она спокойно.

Нервы у парня не выдержали. Он снова лягнул печь, но когда заговорил, в голосе прорвались рыдания:

— Да ты вот и молчишь, а люди и над тобою смеются, что ты не можешь говорить как все, всё сворачиваешь на свою эстерботнийскую тарабарщину. Да где уж тут быть как все, коли у тебя и дом беднее всех и отец с матерью не как у людей, — капитан... капитан Эйнар! Я вот им покажу, что смогу стать капитаном, хоть и вышел из самой дрянной хибары на Аландах.

Слова сына, удар за ударом, били по сердцу Катрины. Больнее всего ранило ее замечание об ее говоре. Но она видела, что он был потрясен до самых глубин своих, и то, что прорывалось сейчас, назревало в нем уже много дней. Он больше болтает, чем думает и чувствует. Но в глубине души она знала, что чем старше он будет, тем чаще будет возвращаться к этому и отыскивать недостатки у Юхана и у нее. «И во всем этом повинна бедность», — говорила она себе.

Следующей весной Эйнар снова нанялся поваренком. Юхан ушел в море со своим прежним капитаном. А Эрик весь конец зимы только и говорил, что отправится в море. Но чем ближе шло дело к весне, тем меньше он

говорил об этом, потому что, к его огорчению, ни одному капитану в округе и в голову не приходило брать на судно большеглазого десятилетнего мальчишку. Пришлось угомониться и остаться дома еще и на это лето. Эйнар несколько раз за лето присылал матери деньги и часто писал ей письма.

В этом году Катрина высадила три саженца яблонь южнее дома, на своей, так дорого доставшейся ей земле. Как она их берегла и обхаживала! Она наблюдала за развитием каждого листочка с той минуты, когда едва заметная почечка выбивалась из-под коры. Сыновья, которые видели ее упорные труды в те дни, когда она еще таскала землю, теперь, когда маленькие зеленые деревца украсили склон, стали проявлять большой интерес к делу. Пришлось как раз по деревцу на каждого: одно — матери, одно — Эрику и самое маленькое — Густаву. На свободных пятачках земли между деревьями она посадила картошку. И все таскала и таскала чернозем и все ссыпа́ла его по склону.

Среди лета неожиданно вернулся Юхан. С их судном случилась беда. Большой немецкий пароход столкнулся с маленькой аландской шхуной темной ночью на Балтийском море. Шхуна затонула за несколько минут. Капитан, тот самый, который столько лет нанимал Юхана, на шхуне которого Катрина впервые приехала на Аланды, погиб, и с ним большинство матросов. Но Юхана и еще немногих спасли люди с немецкого судна и доставили их в Норчёпинг. Оттуда их отправили по домам за счет пароходства.

Юхан покалечил себе плечо и почти все лето ходил в инвалидах. Стал он нетерпелив и нервозен и был бы совсем жалок, когда бы не возможность похвастаться. Когда речь заходила о его умершем капитане, он совсем наизнанку выворачивался. Катрина жалела его — она знала, что он стал бояться моря. Говорили, что моряки, потерпевшие крушение по вине пароходства, должны получить какое-то вознаграждение. Катрина слыхала от людей, что аландское пароходство вело процесс с немецким пароходным обществом, но как и что там было, она не знала, да и не разбиралась в этом. Но одно она знала хорошо: в их маленькой лагуче на Клинтене никого не вознаграждали ни за боль, ни за горечь, ни за потерянное добро.

Осенью она отправила обоих младших мальчиков в школу. Оба пошли в один класс, хотя один был годом старше другого. Но там они все были перемешаны: в каждом отделении — разные возрасты. Многие родители, которые раньше противились этой затее со школой, изменили мнение и посылали туда почти уже взрослых сыновей и дочерей. Нередко дети, повзрослев и постигнув смысл и ценность науки, шли в школу самовольно, не заботясь о согласии родителей. Даже совсем бедные люди, которые раньше и думать не смели приобщить своих детей к образованию, теперь осмелели и стали посылать их в школу, хотя бы на два полугодия. Поэтому-то никто не был удивлен, когда два маленьких мальчика с Клинтена поплелись по дороге к новому школьному зданию. Густав проучился полных четыре года, но Эрик до конца не дотянул.

На следующую весну Юхан нанялся к молодому капитану Энгману, на то же судно, где Урхо был плотником. Урхо был все такой же сильный и необузданный, как и раньше, а кипучей энергии в нем еще прибавилось, если это было возможно, с тех пор, как жена принесла ему двух дочерей, так что в маленьком красном домике было уже трое малюток, о которых приходилось заботиться. Маленькая Эльвира не была уже такой подвижной и веселой, как раньше. Когда тело неловко тяжелеет от беременности, а малыши путаются в юбках и требуют присмотра, устаешь поневоле. Но она была по-прежнему тверда и сильна духом, а Урхо по-прежнему был героем ее жизненной саги.

В эту же весну взбунтовался против родительской власти Эрик. Он стремился только в море, долговязый одиннадцатилетний подросток с большими глазами. Когда с пришвартованных в Ботвикене шхун донесся стук молотков, а по берегу растекся запах смолы и пакли и моряки стали собираться в лавке, чтобы в веселом гуле наперебой рассказывать разные морские истории, парень с Клинтена не выдержал больше тоски по свободной и мужественной жизни, полной приключений.

Но Катрина твердо сказала «нет» и на этот раз не собиралась уступать, хотя бы это и отняло у нее сыновнюю любовь. Еще больше укрепилась она в этом решении, когда однажды Эйнар подошел к ней и, с непривычно мрачной серьезностью глядя ей в глаза, попросил

не отпускать брата из дому. Катрина испытующе вглядела в старшего сына. Да... Она всегда побаивалась, что первое лето молчаливого юнца в море изобиловало бедой и болью, о которых она вряд ли узнает когда-либо.

Как-то Эрик вернулся домой гордый и победоносно сообщил, что нанялся на судно.

— Да кому нужда брать тебя, ты, дерьмо? — с издевкой спросил Эйнар.

Брат взбесился:

— Заткнись! Я, может, побольше получу, чем ты в первое лето.

— Ха, ха, ха! — закатился Юхан.

Тут вмешалась Катрина.

— Ну так ведь не нанялся же ты? — спросила она.

— А вот и да. На той неделе как раз и идти на судно... И коли в дорогу меня не соберешь, пойду и без всего.

— Который же капитан толковал с тобой?

— Капитан Эрикссон из Стурбю.

— Так его все за последнего капитана на Аландах знают! — воскликнул Юхан.

— Он из тебя душу вышибет, ты по утрам просыпаться не можешь! — закричал Эйнар.

— А мне плевать, — упрямо ответил Эрик.

— Ну нет, никуда ты не пойдешь, потому как нынче я решаю, — заявила Катрина, накидывая шаль. — Эриксон, поди, в лавке сейчас?

— Да, он там, мы как раз обо всем решили.

— Вот пойду с ним и потолкую.

Катрина вышла. Мальчик кинулся вслед.

— И я пойду. Коли станешь говорить с капитаном, так я тебя убью и все в доме на куски расшибу! — закричал он с рыданием в голосе.

Но тут на горке появилась одна из девчонок Бэды, и он убежал от стыда в дом. Катрина пошла вниз, в деревню, и дикие угрозы мальчишки пролетели мимо ее ушей.

Она вошла в лавку. Туда набилось много капитанов и молодых моряков, за прилавком стоял Нурдквист, и его громовый голос покрывал все остальные голоса. Капитан Эрикссон, мужчина средних лет, с большим животом и седыми усами на обветренном лице, во весь рост развалился на старом широком диване. Матросов было полным-полно: одни, видно, надолго бросили якорь на

бухтах каната и на рулонах парусины, другие причалили к ящику и мешкам, третьи швартовались у прилавка, да так, что держались только одним локтем и ногой, а другая нога свисала вниз, подобно якорной цепи. Но маленький Янне-лавочник работал в поте лица по ту сторону стойки, упаковывая продукты. Поначалу Катрина пришла было в замешательство, оказавшись единственной женщиной среди такой толпы оживленных мужчин, бесшабашно глядевших вокруг и готовых, как ей казалось, поднять на смех любого, кто к ним подойдет. Но она пересилила себя и, когда мысли ее вернулись к ее неразумному парнишке, одураченному этими людьми, почувствовала прилив смелости.

— Здрасьте, — бросила она всем.

— Здрасьте, — пробормотал кое-кто небрежно. Но словоохотливый Нурдквист громко закричал:

— Здравствуй, здравствуй, Катрина! — и сам навел ее прямо на цель. — Рановато ты выпускаешь сыновей. Малый только что был тут и на судно нанялся, говорят.

Катрина стояла посреди комнаты, окруженная мужчинами. Скрещенные руки она держала поверх полосатого передника. Одна щека ярко пылала красным пятном. Говорила она громко, разделяя слова:

— Да, нанялся. Вот об этом-то я и пришла потолковать. И должна я тебе сказать, капитан Эрикссон, что никто ему не разрешал, и без согласия нашего никуда-то он не наймется, пока ему года не выйдут.

Капитан, лежавший на диване, перекатил брюхо на другой бок и взглянул на батрачку из-под кустистых седых бровей.

— Это еще что такое, черт подери? — спросил он.

Молодой штурман, стоявший позади Катрины, негромко хихикнул. За прилавком широко раскрыл свои глаза навыкате капитан Нурдквист, насторожившийся, словно он собирался поглазеть на забавную драку. Катрина молчала, и капитан нетерпеливо переспросил:

— Какого же вам черта надо?

— А то, что я сказала: мальчику в море не разрешу.

— Дьявол меня подери, нынче слово за бабами! А черта ли твоим молодцам делать, коли не в море идти? Я взял его, и весь сказ. Тебе бы радоваться надо.

— Да ведь у него еще молоко на губах не обсохло. Ежели возьмете мальчика в море, я в полицию пойду.

— Ну уж это прямо черт знает что!.. Впервые на меня так баба напустилась! А может, ты сама не прочь вместо него наняться? Пожалуй, я нашел бы, на что употребить бабенку на судне. — Он оглядел Катрину сальным взглядом.

— Ха, ха, ха! — загремел Нурдквист, и вся компания захохотала с ним.

Катрина по-прежнему не опускала глаз. Лицо ее залилось краской, но не от смущения, а от ярости. Голос ее был металлически звонок и тверд:

— Думала я, что у образованных людей найдется чем другим позабавиться, кроме как позорить беззащитную женщину. Но коль уж на то пошло... то мне наплевать. Я сказала все, что хотела. — Она с достоинством вышла из лавки, где после ее ухода воцарилась тишина.

Капитан Нурдквист прервал молчание.

— Она нам всем урок дала, — сказал он и добавил: — Молодец баба!

— Вот так штука, — смущенно проговорил капитан Эрикссон и сделал полоборота через брюхо на другой бок.

— Слышь, Эрикссон, а ведь против родительской воли мальчонку-то не взять, ты же знаешь, — сказал Нурдквист.

И Эрикссону пришлось склониться перед волей всемогущего здесь повелителя.

— Ладно, пошлю поискать другого поваренка, — ответил он.

Поначалу ни Эрик, ни вообще кто-либо из домашних не поверил, что Катрина и вправду говорила с Эрикссоном. Но когда мальчик узнал, что уже нанимают другого кока, да еще услышал вдобавок о сцене в лавке, он понял, что мать сдержала свое обещание. Он был вне себя от ярости.

— Все одно уеду! — кричал он. — Убегу! Убегу! Только никто теперь меня не возьмет — ты меня перед всем приходом осрамила! Все парни смеются, говорят — меня мамка в море не пускает. Но ты попомни: я за все лето пальцем не шевельну на хозяев — и все из-за тебя! — Голос его звучал то слезами, то гневом.

Катрина разрешила ему бушевать сколько угодно. Пусть буря сама отшумит и пройдет, думала она. Мало-помалу история забылась. Но частенько в это лето, как

только Эрик бывал в плохом настроении, он снова и снова вспоминал все и сыпал страшнейшими угрозами, которые так и оставались неисполненными.

В конце зимы Катрина приготовилась к новой схватке с непокорными мальчишками, которые так быстро росли и так быстро рвались из дому. Она боялась, что и Густава, которому шел уже двенадцатый год, потянет в море. Но, как ни странно, меньшому брату подобные мысли, кажется, не приходили на ум, и Катрина с облегчением вздохнула. Густав, оставшийся самым младшим после смерти Сандры, был нравом безмерно буен и дик, но при всем при том очень ребячлив, и управляться с ним было легко. Если для Эрика школа, особенно по весне, была пыткой, то Густав отдавался ей весь. А ведь еще до начала экзаменов многие суда уже ушли бы в море. Но Катрину тревожило постоянное молчание среднего сына. Озабоченно размышляла она о том, что добром дело с ним не окончится, что он все собирается сбежать в море.

Однажды, когда они с Эриком были одни дома, он спросил ее спокойным и кротким тоном, за которым угадывалось сильное напряжение:

— Мама, ты и этой весной думаешь меня не пускать?

Катрина ответила не сразу — она возилась с горшками в печи. Потом мягко спросила:

— А тебе так уж до зарезу хочется?

— Да, — ответил он коротко. Он сидел, положив локти на стол, упершись подбородком в ладони, и смотрел полными тоски глазами в окно, поверх гор, поверх поселка, где между Северным и Южным лесами виднелся кусочек Ботвикена, поблескивавший, вновь свободный от льда.

Катрина долго смотрела на него, а потом вздохнула и тихо сказала:

— Отпущу, коли какой честный да хороший капитан возьмет.

Парень дернулся, будто его ножом проткнули, и с недоверием уставился на мать. Потом напялил на голову шапку и вышел. Он шел вниз, в поселок, засунув руки в карманы штанов и насвистывая морскую песенку. Стоя у окна, Катрина глядела на его узкую, долговязую фигуру. Он был так похож на Юхана, когда спускался, покачиваясь, вниз по склону! Она печально улыбнулась.

Эрик нанялся на одну шхуну, к капитану с Длинной Косы. Эйнар уже третье лето плавал поваренком, а Юхану долго пришлось походить, пока его взяли. Он было ждал, что его позовет капитан Энгман, с которым он плавал годом раньше, но приглашения не получил. В конце концов, в разгар весны, когда оба сына были уже в море, а суда в Ботвикене что ни день поднимали якоря, Катрина спросила его:

— Ты опять с капитаном Энгманом пойдешь?

Юхан выглядел смущенным.

— Не знаю. Он молчит покуда... Спущусь-ка в поселок, спрошу еще разок, — ответил он и вышел.

Вернулся он подавленный:

— У Энгмана все в сборе. Говорит, я не нужен.

— А с кем другим ты не будешь говорить?

— Да надо бы... Черт! Сопляков набирают, а мне, хоть и проплавал тридцать лет без малого, загорать на берегу.

— Ну, и ты небось найдешь место, — утешила его Катрина.

В конце концов его взяли на галеас, где один из команды заболел перед самым отходом. Когда они в первый раз вышли из Ботвикена, была уже почти середина лета.

Вот и остались Катрина и Густав одни в маленьком домике, который сразу же показался чересчур просторным. Она вспоминала свои первые лета на Аландах; она тогда тоже была одна с маленьким Эйнаром. Но тот был постоянно при ней, а Густава ей случалось видеть разве что за столом да ночью. Все лето напролет, не зная усталости, пропадал он где-то в шхерах, если только не работал на кого-нибудь из хозяев. Он притаскивал домой пропасть всяческих птичьих яиц, приносил воронят, за истребление которых приход кое-что платил. Вечно лазая по деревьям, он умудрялся изорвать все, что на нем бывало, а ел так ненасытно, что Катрина диву давалась про себя, куда он девает еду. Вместе с Эриковым Янне, который был уже совсем взрослым парнем — хоть женись, ставили они домики для морских птиц на островках. Густав приволакивал домой еловые пни и выжи-

гал их внутри. Потом эти пустые и черные изнутри, толстые, неуклюжие комли дотягивали до Ботвикена, а там доставляли на разные островки. Катринин мальчишка взбирался по гладким стволам на огромные сосны и устраивал там птичьи жилища. Поздней весной мальчики собирали в изобилии яйца крохалей и уток. Еще до выхода на работу Густав успевал принести несколько яиц, и, хотя крупные эти яйца были вдвое больше куриных, Катрина, помня о том, сколько всего он при этом изорвал на себе, полагала, что это скорее расход, чем приход. Впрочем, она знала, что ни Янне, ни Густав не помышляли о заработке — для них все это было веселым спортом.

А еще он выжигал изнутри небольшие обрубки и вешал их на березах вдоль дороги в нижний поселок. Березы эти высадил капитан Нурдквист, как только стал хозяином в своей усадьбе; он-то и разрешил Густаву развесить скворечники. В поселке все были очень рады, и заказы на птичьи домики посыпались со всех сторон. Урхо, муж Эльвиры, был неплохим столяром, но на такие мелочи времени у него не хватало. Вот Густаву и пришлось снабдить скворечниками все старые яблони во Фрунсе. Молодые капитанши, ходившие в соломенных вдовах большую часть года, приглашали мальчика к себе делать домики для птиц, скрашивавших их одиночество.

Охоту и рыбалку он тоже не забывал. Но не было у него ни лодки, ни снасти, а потому приходилось составлять компанию кому-нибудь из поселка, кто искал товарища и помощника. На охоту обычно выходили среди ночи, и эти ночные прогулки в шхеры любил он настолько, что мать не решалась перечить ему в этом. Катрине довелось как-то повидать охотничьи «украдки» — невысокие, сложенные из камня насыпи по берегам островков. И в ее воображении вставал образ подростка, замершего за булыжной стенкой, — ствол ружья высуиут в дырку, вся душа вложена в палец на спусковом крючке. Не мигая, глядит он на темные воды, где качаются привязанные чучела, доля которых заманивать птиц на беду и погибель. Порою он возвращался с добычей и несказанно радовался наваристому супу, где плавали кружки жира, золотом оставаясь на тарелке.

Эйиар и в это лето присылал поиемиогу деиег для матери, а иногда, глядишь, и монетку для брата, со строгим наказом деньги беречь. От Эрика деиег ие было, но приходило миого открыток с видами из самых разиых портов.

К коицу сеиокоса Катрина получила письмо, совсем иепохожее иа все прежние вести от Эрика. Те все были в веселом и бодром тоне, в этом же письме была только чистая, убийственная правда. Выясинлось, что все лето ои тяжело болел и очень страдал от плохой пищи иа судне. В коице коицов капитан отправил его к лекарю в Олборге, а тот посоветовал отправить парня «домой, иа молочко». И вот по пути на север придется ему оставить шхуну и вериуться домой.

— Ишь тварь! Морская жратва ему ие годится, а там-то она уж куда лучше, чем дома, — сказал Густав презрительио.

— Да молока там у них нет. Тут уж вина не его, — ответила Катрина.

— Ну, иет молока, так зато есть макароны и сало, из чернослива суп, еще бобы, похлебка гороховая — все, чего у нас и ие увидишь никогда.

— Я много слыхала, как моряки рассказывают, будто и червей, и пауков есть приходится, и гниль всякую.

— Так то в дальних рейсах, когда враз всего на целый год набирают, а не здесь, на балтийских коробках. А по правде, добрый моряк что угодно должен жрать, хоть и крыс, если придется.

— Да тьфу ты, чего городишь!

— Ха-ха-ха, мама!

Так-то вот и вернулся сын Катрины из своего первого плавания. Бледный, исхудавший, он до сих пор мучился несварением желудка. Самым трудиым теперь стало для Катрины поддерживать мир между мальчиками. Густав совсем уже догиал Эрика в росте, ои дразнил старшего за его неудачное плавание, и словесные их перепалки постоянио кончались дикими драками. Катрина заметила, что младший был сильиее и большей частью брал в драке верх. К тому же насмешки так угнетали сломленного духом подростка, что ои стал бояться людей и избегал попадаться им на глаза.

Катрина не на шутку сердилась из-за этого на своего меньшого буяна. Как-то раз, когда братья снова катались по полу, нещадно тузя друг друга, она подскочила и ухватила Густава за ворот. Поначалу он шутливо отмахивался от нее одною рукой, в то время как другой попрежнему удерживал прижатого к полу братца. Он хохотал матери в лицо. Но вдруг он понял, что она не на шутку разгневана, и ухмылка тотчас же соскользнула с его лица. Катрина как ребенка подняла барахтающегося парня на руки и вытащила его на крыльцо. Поставив его у двери, она, все еще удерживая его железной хваткой за плечи, отвесила ему одну за другой три оплеухи. Лицо мальчика налилось кровью, и его затрясло от страха перед разъяренной матерью.

— И не войдешь, покуда не бросишь брата обижать, — твердо сказала она и заперла дверь у него перед носом.

Эрик сидел на полу, с плачем утирая с лица кровь. Он уважительно и благодарно поглядывал на мать, точь-в-точь таким же манером, как это делал Юхан.

Наступила зима. Густав уже третий год ходил в школу. Эйнар готовился к конфирмации. В эту зиму ему приходилось не сладко, потому что он, ко всему, пошел еще в работники к Свенссонам. Спал он у себя дома, а вставать приходилось чуть свет и спешить к Свенссонам в конюшню. Накормив лошадей, он помогал женщинам убрать из хлева навоз, а потом по мелочам возился в усадьбе, пока не приходило время надевать все чистое и бежать к дому пастора. Покончив с уроками, уже после полудня, он шел с работниками в лес рубить дрова, или колья для изгородей, или еще что — какого только леса не требовалось за год в усадьбе! Поздним вечером садился он за урок из библии. А перед сном еще надо было бежать через лесок, через пригорок к Свенссонам — задать лошадям на ночь корму.

Когда Катрина видела его за едой в темной зимней комнате, пытающегося читать в трепещущих отсветах печи, ей казалось, что он похож на старика. И в этом, как во всем прочем, был он глубоко серьезен, и мрачное лицо его хранило выражение напряженного размышления. Но когда он тащился к лесу с топором на плече, он выглядел совсем мальчонкой, с трудом поспевающим по глубокому снегу за работниками. Был он молчалив

и скрытен на редкость, но с матерью — щедр и нежен. Он охотно отдавал ей свой заработок, лишь немного откладывая на капитанскую свою мечту. Копилку не один уже раз вскрывали и деньги клали на счет в отделении банка, недавно открытом в приходе.

СВАДЬБА В ПОСЕЛКЕ

Этой зимой в поселке была пышная свадьба. Янне Эрикссон женился на девушке из Стурбю — единственной дочери состоятельного человека, капитана галеаса. Жених тоже был единственным наследником усадьбы, и не удивительно, что свадьбу сыграли так, что она надолго осталась в памяти у всех.

Дело было в самое скверное зимнее время: лежал глубокий снег, и морозы стояли сильнейшие. Пятеро женщин, не меньше, возились с тестом, месили и раскатывали его от зари до зари две недели кряду. И кислое тесто ставили, и свежий хлеб пекли, и кренделей без конца, так что по всему почти поселку занимали противни. А когда дело дошло до сдобных булочек и печенья, то маслу и яйцам счета не было. Катрина взялась варить пиво и приготовила столько кадок, сколько в жизни своей она еще не варивала за один раз.

Она с Бэдой таскала в баню рожь, очень тяжелую, сутки вымачивавшуюся в воде. Бэда стала совсем плоха, и она то и дело спотыкалась, падала в глубокий, покрытый настовой коркой снег, пока они тащили вдвоем тяжелую деревянную кадку. Когда кадку пришлось поднимать на полок, Бэду охватил отчаянный приступ кашля. Она беспомощно сидела на деревянной ступеньке и стонала, пока Катрина в одиночку поднимала кадку и рассыпа́ла рожь по закопченным доскам под самым потолком.

— Ты бы домой пошла, отдохнула, — сказала ей Катрина. — Не для тебя работа-то.

— Не до отдыха тут, — вздохнула Бэда. — У девок-то всех забот полон рот. — И потом добавила: — Да и то сказать, уж коли кляча привыкла всю жизнь в упряжке ходить, так и не отвыкнуть ей, покуда не околеет. Работать я выучилась, а отдыхать меня никто не учил.

— Вот теперь-то и училась бы.

— Не, девонька, старую собаку поздно учить.

Катрине и Бэде поручили еще и собирать тарелки и прочую посуду со всего поселка. Без конца таскали они тяжелую гнутую корзину из-под шерсти, полную фарфора, то от Свенссонов, то от Нурдквистов, то от Сефферов. Бэда едва передвигала ноги в смерзшихся смазных башмаках и кашляла все надрывнее...

Мужчины тем временем поставили флагштоки по бокам ворот и наготовили больших и маленьких флагов. Эриковы дочери разукрасили парадную горницу для свадьбы. Накануне свадьбы приехала невеста. Стоял жестокий февральский мороз, но день был ясный и солнечный.

Со всех концов собирались люди поглядеть, как приедет невеста. Плотной толпой сгрудились они во дворе перед домом, глядя на север, показывая руками, отпуская замечания. Со всех дворов кубарем мчались мальчишки и весело бежали навстречу брачному поезду.

— Невеста едет, невеста едет! — закричали вдруг.

Выше и выше подымались трепещущие флаги, сверкая в лучах зимнего солнца. Вот первые сани, запряженные парой, показались на вершине пригорка, а потом еще и еще, пока наконец вся величественная процессия не стала видимой. Уже хорошо были видны первые сани, а там еще двое или трое саней, бойкие лошади удерживались туго натянутыми вожжами, чтобы медлительней и достойней выглядела их рысь. Процессию замыкали повозки с приданым невесты.

Для тех, кому выпало заниматься приготовлениями, свадьба началась в четыре часа утра. Спускаясь к поселку в этот ранний час, Катрина чувствовала себя усталой и очень хотела спать. Ее радовало, что праздник наконец наступил и нескончаемые приготовления остались позади.

К полудню начали собираться гости. Первыми приезжали те, кто дальше живет. С Фаста-Аланда приехало не меньше двенадцати саней, набитых родственниками и жениха и невесты. Сани приезжали поодиночке, по двое, по трое и, звеня бубенцами, неслись от Ботвикена через поселок наверх. Пока гости вылезали из-под ковров и шкур, кто-нибудь из местных уже брался распрягать

лошадей: весь поселок жил теперь одним, и у каждого хозяииа гости могли иайти себе приют.

Попозже стали съезжаться гости с побережья. Это были все рыбаки и матросы из дальних шхер, родствеииики отца жениха. Миого миль им пришлось проделать, все больше иа буерах и фииских саиях, лошади были у немногих. Здесь, иа месте, мужчииы переодевались: стоял лютый мороз, и в дорогу оии отправлялись в грубых шерстяиых куртках и кожаиках, в тюленьих чулках. В свадебиый зал так ие войдешь. Женщииы были с головой укутаны в обвязанные вокруг талии шерстяиые платки с длииною бахромой. Но все были веселы, и чем больше их прибывало, тем громче был веселый гомон вокруг красиой усадьбы.

Крестьяие с Фаста-Алаида были солидией и сдержанией, оии предпочитали толковать о полевых работах и о скоте, а прибрежные — тем дай только пошутить да пошуметь. Старики рыбаки похохатывали в свои сиежио-белые бороды, и обветреииые лица их бороздились тысячами морщинок. Для всех иаходились у иих веселое приветствие и шутка, даже для прислуги, у которой иаступила самая жаркая пора.

Вот стали сходиться и местиые гости. Сперва крестьяне и молодые капитаны с семьями. За иими — богатые капитаны, чье достоииство обязывало приходить как можно позднее.

Когда все приглашенные ушли на свадьбу, поселок опустел, потому что дома остались только торпари, да их дети, да еще одиа-другая беднячка, помощь которой ие поиадобилась. Батраки и служанки, задав корму лошадям гостей, поставлеииым по всем коиюшням, остались без работы на целый день. Вот и им вышел праздиик.

А иаверху, иа Клиитеие, тряслись от стужи в мрачном домишке Юхаи с мальчиками. В комнате дуло, и ее убожество сегодия особеиио резало глаз.

— Долго оиа еще будет иа этой чертовой свадьбе? Никогда по-людски не поешь, как ее дома иет, — хиыкал Эрик.

— А тебе бы все за подол держаться, сосуиок. И эдакая мразь еще в моряки лезет! — издевался Густав.

— Тихо, мальчики! — вмешался Юхаи. — Вы драки не затевайте, покуда матери нет. А то я ей все расскажу, как придет.

— Сплетничать будешь... — без тени почтения заметил Густав.

Эйнар, молча задумавшийся у окна, бросил на отца исполненный презрения взгляд.

Свадьба шла весело и празднично. После венчания начался пир, а когда свечерело, стали танцевать. Каждый из присутствующих должен был непременно станцевать с женихом или с невестой, даже поварих это касалось, которых уже и ноги не держали. Теперь Катрина танцевала с женихом. Ей самой, правда, казалось, что не столько она танцует, сколько ее тащат по кругу: она до такой степени устала, что уже не воспринимала музыки. В это время на дворе вдруг загремели выстрелы. Танцующие испуганно вздрогнули, но тут же поднялся хохот, и танцы возобновились: это веселилась молодежь! Когда пальба утихла, послышался многоголосый рев: «Невесту сюда! Невесту сюда! Невее-е-сту!»

Подлетела Эльвира и, оторвав Янне от Катрины, подтолкнула к нему невесту, которую тащила с собой. Она повернула их к дверям и выпихнула наружу. Музыканты водили смычками, а народу сгрудилось столько, сколько хватало места. Когда молодые появились на верхней ступеньке крыльца, музыка смолкла. Подружки невесты протискались сквозь толпу и стали по бокам, держа зажженные свечи.

Внизу, на темном дворе, толпились неприглашенные зрители — местные торпари и молодежь из других поселков. Молча оглядывали они новобрачных. Отблески света из окошек освещали самых передних; остальные утопали в ночной тьме.

Когда раздались крики, Катрина подбежала к окну. Притихнув, она пристально вглядывалась в эту кучку бедняков. Среди них она увидела Густава с растрепанными волосами и широкой ухмылкой. На куртке, прямо на виду, зияла большая дыра, штаны висели на коленях лохмотьями. «Пострел, — подумалось ей, — видно, что я не была дома, не латала, не штопала». Она стала искать остальных. А, вон стоит Эрик, вконец закоченевший. Рядом Юхан, руки в карманах брюк. Ну, до чего же тощий он и посиневший — на морозе без куртки! Но Эйнара

нигде не видать. Сидит, верно, где-то, ломает голову над своими тяжелыми думами.

Невесте стало холодно, и молодые вернулись в теплый и светлый праздничный зал, где не иссякали еда и питье. За ними вошли музыканты, снова играя плясовую. Несколько неуверенных возгласов «ура» из толпы внизу, еще несколько выстрелов, и темный двор перед домом постепенно опустел.

Праздничное одушевление Катрины исчезло. Ее преследовало видение: трое окоченевших мужчин за порогом дома. А четвертый, которого она не видела, тревожил ее больше всех.

Остаток ночи она мыла посуду. Грохот тарелок сопутствовал ее горьким мыслям. Она уже едва ли ясно сознавала, где находится. Болтовня других работниц, музыка, гомон из зала — все слилось вместе и прибоем ударяло в уставшие ее уши. Под утро, — она даже не знала, который час, — они с Бэдой и еще несколькими женщинами улеглись прямо на шкуры, на пол, в комнатке служанок. Даже не сняли с себя мокрых передников и тяжелых башмаков.

Наутро пир возобновился, и до смерти уставшим женщинам предстояла все та же работа. Теперь невеста была в коричневом, в бабьем, уже без фаты. Ночью плясали в обеих комнатах. И на третий день продолжался праздник, и невеста была в зеленом. Часть гостей отъезжала, но многие оставались до утра четвертого дня. В этот четвертый день весь поселок, включая торпарей и прислугу, угощали кофе. Этим занималась молодая хозяйка. Она встречала каждого в дверях, и каждый, в свою очередь, поздравлял ее с новым домом. Было это похоже на обычную вечеринку, только всех угощали кофе, ломтями пшеничного хлеба и пряниками.

И тут-то встретила Катрина своих мальчиков, с которыми много дней уже не виделась. На Густаве была все та же рваная куртка, но большую дыру он стянул булавкой. Был он нечесан и немыт, и Катрине стало стыдно, когда, обнося гостей с подноса, она бросила взгляд на его грязные руки.

Она видела, как безмерно нуждаются в горячем кофе и хлебе Юхан и мальчики, и тайком принесла им по лишней чашке с булкой. Они впихнули в себя толстенные ломти в два приема, а Густав сберег кусочки сахара на

после. Когда она с подносом в руках подошла к Юхану, он поднял на нее преданные глаза и спросил:

— Ты скоро вернешься, Катри?

— Завтра приду, — ответила она твердо. И то же самое ответила Эрику и Густаву, обрушившимся на нее с вопросами.

Но старший молчал и опустил взгляд, когда она подала ему кофе. Она ждала от него того же вопроса, что и от остальных, но напрасно.

Поднося вторую чашку, она спросила, просто чтобы не молчать:

— Эйнар, как твои уроки у пастора? А в лесу у Свенссонов как работается?

Единственным ответом было неясное бормотание.

— Чего ты говоришь? — спросила она.

— Стоишь тут и болтаешь! Все на нас глазеют. Мало нам сраму, думаешь? — огрызнулся он.

Катрина почувствовала себя так, будто ее ударили по лицу. Схватив поднос, она поспешно вышла. Но из угла у плиты, где она мыла чашки, Катрина украдкой наблюдала за сыном. Он торопливо выпил обжигающий кофе, взял шапку и выбежал. Мать смотрела вслед, пока его невысокая, коренастая фигура не скрылась; он пошел на запад, к заливу. Он шел, опустив голову и сгорбившись, совсем непохожий на шестнадцатилетнего подростка. Она вздохнула. Только ли характер парня, застенчивый и скованный, тому виной, что он так на нее огрызнулся, или он и в самом деле растерял всю свою к ней любовь? О господи, как бы хотелось повернуть годы вспять и снова видеть мальчика таким, каким был он, когда поднялся в одной рубашке и варил им кофе, тою весеннею ночью, перед уходом в море. Но что значит ее боль?.. Больно то, что знаешь: мальчик несчастен, ему плохо. А истинное то страдание или придуманное — какая разница? Плохо ведь все равно—убита радость молодости. Похоже, будто он прямо из детства шагнул в зрелость, и мгновения не побыв юным.

Работы у Эрикссонов было еще много: надо было привести все в доме к обычному, будничному порядку. Но Катрина решительно заявила, что ей надо домой.

Ее лачуга стала вроде бы и нежилой, пока ее не было. Поспешно развела Катрина огонь, вымела, прибрала, постелила постели. Здесь, среди своих, она почувствовала, что жизнь снова идет своим чередом.

Вечером, через несколько дней, прибежала внучка Бэды и сказала:

— Мама велела кланяться и спрашивает, не придете ли к нам, тетя, потому у нас очень бабушка заболела.

«Заболела, — подумалось Катрине. — Где уж тут еще больше болеть?»

— Я тотчас, — ответила она ребенку и повязалась шалью.

Бэда полулежала на выдвинутом диване. Ее впалые щеки стали землистыми. Видно было, что ей очень скверно.

Катрина присела на край постели.

— Как дела? — спросила она тихо.

— Плохо, — хрипло прошептала Бэда, — вот и конец старой кляче.

Катрина поднялась и подошла к Лидии, возившейся у печи.

— Когда это с ней началось? — спросила она.

— С час назад, — шепнула Лидия. — Принесла ведро воды от колодца, да и упала на крыльце. А крови было, страх!

Катрина вернулась к больной.

— Как теперь тебе? — спросила она мягко. — Где больнее всего?

Бэда вся напряглась в попытке поднять руку и завернуть ее к спине, чтобы показать, где болит, но и этого слабого движения перенести не смогла. Она стала кашлять, на губах выступила кровь. Катрина бережно поддерживала ее, пытаясь облегчить боль, стерла ей кровь с губ. Но она мало чем могла здесь помочь. Больной не хватало воздуха, и она поэтому никак не могла лечь, а сидела обложенная подушками. Но она все равно очень мучилась и не в состоянии была говорить.

Две недели проболела Бэда. Все это время Катрина была то у себя, то у соседки, помогая ходить за нею, но всем было ясно, что старой кляче пришел конец, как она сказала сама. «Скоротечная чахотка», — говорили люди. Катрина не знала, что это такое, но видела, как все быстрей и быстрей уносит ее подругу к самому краю жизни.

Когда в последний раз Катрина была у Бэды, той слегка полегчало, и она немного разговаривала. Правда, только хриплым шепотом.

— Катрина, — сказала она, — я никогда не говорила тебе, какой ты мне была доброй соседкой. Я мало чего в жизни хорошего видела, а если что и довелось — так через тебя. Вот мне и конец, а зачем жила — и не знаю. Нужда, да беда, да работа тяжелая — вот всего-то и было. Человеком быть времени не хватало. А коли и детям моим такая же доля, так лучше пусть в одночасье помрут. Я бы... Вот бы... таких, как ты... побольше... Может, тогда и... лучше.

Сил больше не было. Катрина заботливо помогла ей лечь поудобней. Глаза Катрины были полны слез.

— Тебе спасибо, Бэда, — проговорила она с натугой. — Первая и единственная подруга ты мне была на Аландах. Без тебя и работа не так пойдет.

Больная едва смогла кивнуть. В глазах ее блеснул огонек. Потом она уже молчала. Дышалось ей все труднее и трудней. Лидия выпроводила к Катрине своих младших сестер и собственных малышей, чтоб они не путались под ногами. Всю ночь провели они с Катриной у постели больной. Назавтра перед полуднем прекратилась многолетняя борьба. Измученная женщина смогла наконец отдохнуть.

Катрина и Лидия облегченно вздохнули. Кончились все-таки страшные мучения, мир снизошел на беднягу!

Поспешно закрыли они ей глаза и положили как надо, пока она не застыла. Легкой как перышко была Бэда, когда они ее взяли на руки. Каждая знала мысли другой: смерти не много тут пришлось потрудиться. Разве что кости оставались, а остальное обглодала жизнь.

Хоронили ее без больших церемоний. Лежала она в грубо сколоченном гробу, а савана беднее и не придумать. Работник Ларссонов отвез ее на кладбище. Кузов саней своих он и чистить не стал, и даже сквозь наброcанные сверху еловые ветки пахло навозом.

После оттепели ударил мороз, и обледенелые дороги были так скользки, что полозья раскатывались поперек на каждом подъеме и спуске к церкви. Сопровождавшие торпари из верхнего поселка должны были бежать, чтобы не отставать. Всем было страшно, что в любую секунду гроб вытряхнется наземь.

На новом кладбище, где Бэду похоронили среди ей подобных, было холодно и ветрено. Пастор заметно замерз и спешил покончить с обрядом. Некоторые говорили, что он бросил на гроб всего две горсти земли вместо полагающихся трех. А старый пономарь охрип и пел печальнее, чем обычно.

Как только на могильный холм набросали несколько можжевеловых венков, люди поспешили прочь. Молодежь, как обычно, устроила катание на похоронных санях. Когда Катрина со своими и дети и внуки Бэды проходили мимо сарая Ларссонов, поднимаясь в поселок, лошадей уже распрягли. Жена капитана Ларссона была во дворе, и они слышали, как она кричала работнику:

— Не выкидывай еловые ветки! Нам на крыльце новые надо постелить. Я вон девкам скажу, чтоб пришли.

Так Бэду похоронили и забыли.

КОНФИРМАЦИЯ ЭЙНАРА

В этом году Эйнару предстояла конфирмация. Занятия с пастором, как обычно, затянулись до поздней весны, и, казалось, он никогда уже не отпустит детей по домам. Жители шхер жаловались и просили провести конфирмацию поскорей, пока распутица не отрезала их от главного острова и от церкви. Но дело сдвинулось с места только после того, как капитан Нурдквист поговорил с приходским пастором. Многие из конфирмующейся молодежи должны были выйти в море на его судне, и уже подходило время набирать команду. Пастор, как и все прочие, подчинялся распоряжениям, исходившим от Нурдквиста, и назначил день конфирмации на следующее воскресенье. Все равно всю последнюю неделю ребятам из шхер приходилось пробиваться через распутицу, потому что наступившее тепло постепенно губило льды. В ночь на воскресенье исчезли последние остатки льдов, и жители островов спускали на воду боты и поднимали паруса, чтобы отправиться в церковь. Когда сойдет лед, море кажется синее и свежее, чем когда бы то ни было, и от этого на суше люди настроены празднично. А сейчас, когда это совпало с таким воскресеньем, празднично было вдвойне.

Проселочные дороги почти уже просохли, и было приятно и весело чувствовать под ногами сухой песок после того, как ноги столько времени утопали в снегу, а потом в воде и грязи. Мелкие желтые цветочки брызнули по канавам, а на лугах сквозь остатки прошлогодней травы пробились ярко-зеленые стебельки. Вот и колокольный звон прозвучал в ясном воздухе. Старые выбеленные стены каменной церкви отражают солнце, и жизнерадостно орут галки высоко под шпилем. За церковью поблескивает вода пролива Лонгсунд.

Со всех сторон, от всех четырех поселков, по дорогам двигались группы людей, и со всех направлений собирались на море суда. Всех этих людей, как железо — магнит, притягивал маленький храм. Задолго до начала службы в церкви не оставалось ни одного свободного места. Многие из родителей расположились рядами на горке, чтобы видеть, как дети проследуют из пасторской усадьбы.

Катрине пришлось изрядно похлопотать: надо было одеть всю семью так, чтоб можно было показаться на людях по случаю конфирмации старшего. На Эйнаре был его черный костюм из грубого домотканого материала. Шили его давно и навырост, и был он так велик, что парень, коренастый и низкорослый, выглядел просто нелепо среди других детей. Его поставили первым в рядах, потому что он был самым маленьким. Он то и дело спотыкался о камни и кочки на церковном пригорке, и казалось, что он вот-вот упадет, запутавшись в своих широченных штанах. Волосы его блестели сильнее обычного в лучах весеннего солнца, а лицо было мрачнее и серьезнее, чем всегда.

Катрина, Юхан и двое меньших стояли в толпе, в проходе между скамьями церкви. Голые каменные стены храма были украшены венками из можжевельника, среди которых выделялись яркими пятнами самодельные бумажные цветы. Широкая золотая рама запрестольного образа и узкая черная окантовка вокруг «Гарантий» русского императора Финляндии[1] были увиты веточками

[1] Имеется в виду текст обещания, данного Александром I при присоединении Финляндии к России (1809), «о святом хранении конституции края». Это обещание вопиющим образом нарушалось при Николае II.

брусничника. Алтарь украшали раньше времени распустившиеся ветки березы. Но Катрина не очень-то разглядывала все это. Единственное, что она сейчас видела, была маленькая серьезная фигурка там, на скамье для конфирмующихся, заполнившая сейчас всю церковь и все ее мысли.

О чем он сейчас думает? Почему он такой скрытный? Как за тысячу миль от нее жил он, и она не могла найти способа приблизиться к нему. Он смотрел только прямо перед собой, на запрестольный образ. Ни разу не повернул он головы в сторону родителей и братьев своих, в сторону остальных прихожан.

И вдруг он повернул голову так, что она увидела его затылок, покрытый белым пушком. Он смотрел сквозь маленькие забранные железом окошечки на воды Лонгсунда.

Теперь она знает, о чем он думает! О, это море, это море отнимает его от нее! Ее охватила ревность к голубой воде и высокомачтовым парусникам, забиравшим ее мальчика и оставлявшим ее в стороне.

И как они все, вся эта нарядная вереница мальчишек, то и дело поворачивают головы, так же как Эйнар, глядят в те же самые окошечки! Ясное дело, они думают скорее о зыбком палубном настиле, вантах и якорных цепях, о смоле и пакле, чем о том, что происходит сейчас. Все они, как молодые кони, нетерпеливо бьющие об пол конюшни, жаждущие вырваться на свободу. Дай им вино и хлеб, и пусть услышат они те слова, которые сделают их членами общины. Отпусти их на волю, отвори им двери, и они помчатся к старым шхунам, трепетно бьющимся у причалов и поджидающим своих повелителей.

Проповедь была длинной, псалмов и молитв было много. Катрина даже не пыталась следить за службой. Так хорошо думалось под гудящие звуки органа или под то громко звучащий, то затихающий голос пастора. Внезапно, сразу после того, как пастор сказал что-то значительное и в церкви воцарилась мертвая тишина, впереди, в проходе, послышалось громкое хихиканье. Пастор и вся община устремили строгие взгляды в сторону бесстыдного грешника. Катрина огненно зарделась, а Юхан беспокойно задвигался и смущенно кашлянул. Эрик тем временем пытался стать как можно меньше и незаметнее. «Густав, паршивец, ох и получишь же ты, когда мы

выйдем», — подумала Катрина. Но, взглянув на свежее личико и плутовские глаза мальчишки, она смягчилась, и чем чаще она теперь поворачивалась и смотрела на него, тем больше создавшаяся ситуация забавляла ее самое. Дело кончилось тем, что ей пришлось опустить голову и изо всех сил сжать челюсти, чтоб удержаться от смеха.

Было у Густава то, что должно было помочь ему в любых переменах жизни и сделать его одним из тех, кто смеется всегда последним, — чувство юмора. Ничто другое не скрашивает так невзгоды людские, как это чувство. Катрина знала это, знала потому, что и сама в общем-то не была лишена этого дара божьего, хотя и редко его обнаруживала. Но его хватило на то, чтобы понять и простить насмешника. Отвернувшись в сторону, чтобы скрыть смех, она неожиданно встретилась взглядом с капитаном Нурдквистом. Он сидел на скамье, около которой она стояла. Она увидела, что он заметил ее, потому что большие глаза его плутовски засветились и он тоже закусил губу, чтобы сдержать смех. Щеки Катрины снова залились краской, она повернулась к Нурдквисту затылком и стала упорно смотреть в другую сторону. Немного спустя она почувствовала легкий толчок в спину и вопросительно оглянулась.

— Иди сядь, иди сядь на минутку, — шепнул Нурдквист, поднимаясь с места.

Катрина мгновенно посуровела. Когда-то ее прогнали с этой скамьи. Неужто она опять сядет туда, даже если капитан на коленях будет просить об этом? Нет! Она упрямо вскинула голову, притворяясь, что не понимает. Высокая фигура капитана возвышалась над всеми в проходе. Место на скамье оставалось пустым; он снова дернул Катрину за руку и показал на скамью, но она смотрела мимо него надменно и непонимающе. Удивленно, даже слегка смущенно смотрел Нурдквист на своенравную батрачку, потом сделал знак какой-то женщине, стоящей с ним рядом, чтоб она села. Сам он простоял до конца службы, и между ним и Катриной в этой толпе как бы проскакивали электрические разряды.

Тут Катрина встретила взгляд Юхана. Он смотрел на нее с удивлением, почти неодобрительно. Катрина изумленно нахмурилась. Чтобы Юхан не одобрял ее?.. Это было нечто новое. В его глазах она всегда была

совершенством — она к этому привыкла. Мысли ее перенеслись от Нурдквиста к мужу, от него — к мальчику, там, на скамейке. Теперь она снова погрузилась в свои прежние думы.

Домой возвращались молча. Густав, чувствуя себя виноватым, побежал вперед, а Эрик за ним. Эйнар шел немного впереди родителей, шел твердым шагом, и в развороте его плеч и в решительной походке было что-то говорящее о том, что он принял решение и знает, что ему делать.

— Этот Густав даже помолчать не мог, — прервала наконец гнетущее молчание Катрина.

— Не диво, коли такой сопляк, как он, смеется — ведь и старые люди вроде тебя да капитана Нурдквиста себя сдержать не могут, — ответил Юхан.

Катрина расхохоталась:

— Да, в церкви часто смеяться хочется, прямо скажу. И ты-то знаешь, что я туда не молиться ходила. Только у меня и в таком разе ума хватит держать себя пристойно и другим не мешать. Так бы я и Густаву сказала. Нам с ним туда и вовсе ходить не надо бы. — Она смеялась от всей души.

— И Нурдквисту туда, видно, тоже ходить не надо, — сказал Юхан со злобой в голосе.

— Юхан, да ты вроде не в духе! Пошли-ка скорей домой и выпьем кофе. Может, затянешь свою моряцкую какую-нибудь?

— Нет, не до моряцких мне нынче песен.

— Ну, тогда холл рэйт, как ты говоришь.

БЕДНЯГА ЮХАН

Через несколько дней после конфирмации Эйнар ушел в море. Юхану повезло, и он нанялся к шкиперу из другой общины в шхерах. Эрик снова заладил, что хочет идти в море, но ранней весной он сильно простудился и к тому же все еще маялся животом. Катрина уговорила его остаться дома, но вместо него ушел Густав попробовать морской жизни.

Катрине очень недоставало младшего. Сейчас она больше бывала с Эриком, который охотно держался воз-